

Зававия ихъ Оукне Ести рига не добрът еслния. ^Тб
шонна Тордъ јспесива. Коли увидитъ щуне. тогда
Лваспоса Лисъ Обороти. Јнаметиса. јРылъ.
подойметъ. Ихъ дитъ Спидомъ для ешоего не
дрета. **Солннѣ**. Лине Ести рига спѣденаго ^Тли ^Тб
прирождения. Аръби Хипи въ болота. Јбосерахъ. ^Та
Јспрѣда. Оимте Насебъ Хохъ. Јерновитхъ јпосту
Отѣсти Ево добро. Хареново. Јнадина Лхномъ.
Оново Харъ въ лашъ вѣшной. Јпо въшми лине. ^Тб
рыбъ. јраспастай Ешо На дтое јХостти вѣшн
Омтло Объ Полоаннии Прибей Нанотъ кобамъ
По дошва Нохкимъ. то тесъ Хадъ јстоловъ
вытпаяне јЈдратъ бѣдѣ. **Снарлетъ**. ^Тла ^Тб
Корои плодотия частю върѣдѣтѣхъи вртня. ^Тб
Ховсатое тѣсти Лхипи јни рѣ. Одобро тѣсти
пееко. Оварено не тпавѣ. Јдоловъ Рѣто Ешо
внѣтрь Харѣ тѣхши. Јонѣтренкѣ въ омаѣе.
Опсатинѣ. Плошца Ести рига мала ^Тла ^Тб
Обла. Ови јмѣеѣ ѣрлены. Орадѣтѣя вртѣна. ^Тб

стражи, чюдо преславно и всякоу чюдеса испол-
ненно, се внезапно належа свобѣ стѣя церкви, и
прошмѣ раку Спаса, и часть нѣкую отъ стѣны
моуши отрази чистыя Его главы. Во утрин-
нѣи день сподошася чистыя Иермени, священни-
цы и Дѣаконы и весь причетъ церковный, и вси
Христоподобивѣи люде, на преславное то чюдо, и
вси прославиша Бѣа и Преступо Бѣу и про-
ника вел. Кн. Всеволода, даровавшаго отъ чст-
ныхъ моуши Спаса часть нѣкую, чреду Ликову
на изцѣленіе немцѣльныхъ страстемъ; яре и до-
нынь видима всями, и вси приходящѣи съ вѣрою
къ чистымъ Его рацѣ и воду стѣю пьюще съ стѣны
Его моуши, отъ всякъ недуговъ изцѣленіе получашу
молитвами Его стѣны. Многая же и немощ-
ная Его чюдеса, кто можетъ сказати или испла-
ти; елика же нѣцымъ потщашася отъ части счи-
скати и писанію предати, и сіа въ великой кни-
зѣ въ житіи Его обрѣцеша.

Писано въ Новгородѣ житіемъ моуши раку Спаса
Илариономъ Радичевымъ 1852 г.

2   03 – 26
      67 – 6

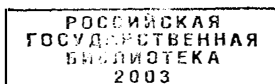
И.В. ЛЁВОЧКИН

**ОСНОВЫ
РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ**

Москва, 2003

ББК 63.2

Л 34

Редактор Т.В. Марелло

Лёвочкин И.В.

Л 34

Основы русской палеографии. — М.: Кругъ, 2003 — 176 [2]с.

Книга доктора исторических наук И.В. Лёвочкина основана на многолетнем опыте работы ее автора с подлинными памятниками русской письменности и старой печати и преподавания им курса русской палеографии в некоторых высших учебных заведениях Москвы.

В книге по-новому рассматриваются основные категории русской палеографии и приводится обширный круг специальной литературы. Она с успехом может использоваться как учебное пособие в высшей школе, а также как обобщающее исследование, стимулирующее дальнейшие исследования в этой важной отрасли гуманитарного знания.

Книга иллюстрирована образцами письма и другими материалами, относящимися к тематике "Основ русской палеографии".

ББК 63.2

На обложке воспроизведена миниатюра "Св. Иоанн Дамаскин" из Ирмология первой половины XIX в. (РГБ, НИОР, ф. 178, № 4665, л. 10 об.)

ISBN 5-7396-0375-7

- © И.В. Лёвочкин, 2003
- © Российская государственная библиотека, 2003
- © Издательство "Кругъ", 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПАЛЕОГРАФИИ

1. Палеография как научная и учебная дисциплина	10
2. Задачи и методы палеографии	14
3. Русская палеография и другие специальные научные дисциплины	21

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО АЛФАВИТА И ПИСЬМА

1. Славянские алфавиты и русское письмо	29
2. Материалы и принадлежности русского письма	38
3. Общий обзор памятников русской письменности	42
4. Центры хранения памятников русской письменности	54

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТИПОЛОГИЯ И ИСКУССТВО РУССКОГО ПИСЬМА

1. Русское уставное письмо	58
2. Русское полууставное письмо	68
3. Инициалы и вязь	74
4. Скоропись и гражданское письмо	79

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПАЛЕОГРАФИЯ ТЕКСТОВ РУССКОГО ПИСЬМА

1. Оформление текстов русского письма	84
2. Протографы и списки памятников русской письменности	93
3. Надписи и тайнопись русских рукописных книг	98

ГЛАВА ПЯТАЯ

РУССКИЕ ПИСЦЫ И МАСТЕРА НАДПИСЕЙ

1. Обучение письму в древней Руси и в России XIV–XIX вв.	103
2. Центры делопроизводства и строения книг	108
3. Писцы, книгописцы и мастера надписей	112
4. Отождествление почерков и текстов	120

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПАЛЕОГРАФИЯ И ПАМЯТНИКИ ПЕЧАТИ

1. Палеография и старопечатные книги	128
2. Палеография и тексты гравюр XVII–XIX вв.	133
3. Палеография и издания новой печати	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
ПРИЛОЖЕНИЕ	145
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ	163
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	169
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	171
УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ РУКОПИСНЫХ И ПЕЧАТНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ	175

*Памяти
Марии Константиновны Светловой,
моего учителя палеографии*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историки, филологи, искусствоведы, реставраторы и специалисты некоторых других отраслей знания в своей работе постоянно обращаются к источникам – подлинным текстам, созданным в далеком или не столь отдаленном прошлом. Эти рукописные тексты (различные грамоты, книги, делопроизводственные документы и т.п.) существенно отличаются от современных, и прежде всего – по своему языку и письму. Древние и устаревшие языки как семантико-грамматические системы изучают филологи-лингвисты, а письмо как внешнюю, графическую сторону проявления языка – палеографы. *Палеография*, следовательно, – это научная дисциплина, предметом изучения которой является древнее и старое, вышедшее из употребления, письмо того или иного народа и государства.

Вместе с тем, алфавиты, письмо, письменность независимо от их древности и государственной принадлежности изучаются в рамках истории языка и культуры как их важные составные части¹. Таким образом, палеография – это и вполне самостоятельная научная дисциплина, и в то же время – определенная часть истории письма и культуры. Современная наука выделяет палеографию в отдельную историко-филологическую область знания, которая исследует определенные формы и виды исторических источников своими специфическими методами.

---

¹ См.: Истрин В.А. Развитие письма. М., 1961.

Происхождение славянского термина "палеография" восходит к греческим *παλαιός* – "древний" и *γραφω* – "пишу". Многие народы, имеющие древнюю письменность, имеют и свою палеографию – греческую, латинскую, армянскую, грузинскую, арабскую, китайскую и т.д. Имеет право на существование и *русская палеография*.

Зарождение палеографии в разных странах относится к разному времени. Русская палеография – молодая научная дисциплина, она начала складываться лишь в XVIII в., как результат теоретического осмысления русской истории и ее фактографической основы. Название "палеография" применительно к русской письменности является в какой-то мере условным. Дело в том, что русская палеография изучает не только письмо древнее (X–XIII вв.), но и средневековое (XIV–XVI вв.), а также письмо нового времени (XVII–XIX вв.). Такие хронологические границы устанавливаются объективно – письменные тексты до конца XIX в. выступали самостоятельным явлением письменной культуры, ее носителями и хранителями. Письмо же XX–XXI вв. существенно отличается от письма, которым русский народ пользовался в X–XIX вв., как по внешнему виду, так и по своим функциям, но, главное, по своим дополнительным признакам, выходящим за рамки письменности. Поэтому изучение новейшего письма более эффективно в сфере совсем иных наук, например, графологии, психологии или криминалистики.

Письмо русского народа – явление сложное и многообразное. Его возникновение в специфических знаковых формах относят к глубокой древности. Однако русская палеография традиционно изучает *кириллическое письмо*, известное в древнерусском обществе с начала X в. Это письмо пришло на Русь от близких по языку южных и западных славян, для которых оно было разработано учеными-византийцами – св. равноапостольными братьями Константином-Кириллом Философом и Мефодием, моравским архиепископом, во второй половине IX в.

В основе русского письма лежит буквенный кириллический алфавит. Поэтому палеографы вполне правомерно изучают, главным образом, графические типы кириллицы, а также ее географические варианты и изменение с течением времени. Однако письмо это не только алфавит, но и конкретные тексты, написанные кириллицей и обладающие собственными признаками большого формально-семантического объекта. Содержательную сторону текстов изучает специальная научная дисциплина – текстология², но их оформление – также предмет палеографии.

Русское письмо на всем протяжении своей истории применялось не только для создания "обычных" текстовых документов, но также – в *надписях* на твердых материалах, как дополнительное средство выражения художественного смысла памятников изобразительного и прикладного искусства. Помимо эстетических задач, надписи на печатях и монетах, на предметах культового и бытового назначения указывали и поясняли основное назначение этих вещей. Конечно, все эти памятники изучаются искусствоведами, этнографами и специалистами иных отраслей знания. Но нанесенные на них буквенные знаки, слова и тексты, их графика и манера исполнения в конкретном проявлении, несомненно, относятся к сфере истории письма, а, следовательно, и к палеографии.

Русская палеография как научная дисциплина развивается медленно. За три века ее существования исчерпывающих палеографических исследований памятников письменности так и не было проведено. Не устоялись также основные научные категории и понятия. Это можно объяснить рядом причин. На протяжении XVIII–XX вв. палеография считалась вспомогательной исторической дисциплиной, т.е. дисциплиной, выступающей лишь малой составной частью историче-

---

² См.: Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983.

ского исследования. Такое отношение к палеографии существенно снижало качество и полноту ее научных результатов. Более того, после революции 1917 г. она вообще оказалась "ненужной", да и сама история России не интересовала пришедших к власти новых коммунистических лидеров, ожидавших скорого исчезновения культурных и национальных различий между народами. Есть еще одна причина недостаточного развития русской палеографии – это трудоемкость самой дисциплины, не позволяющая быстро добиться положительных результатов и научных обобщений. Эта наука требует от исследователя упорного труда и большого практического опыта.

Русская палеография имеет широчайшее поле деятельности – в архивах, музеях и библиотеках России хранятся многочисленные памятники русского письма XI–XIX вв. Эти архивные документы, рукописные книги и произведения изобразительного и прикладного искусства, а также другие памятники прошлого, на которых есть буквенные знаки или тексты, ждут своих исследователей-палеографов. В этом смысле, у палеографии большие научные перспективы.

Русская палеография изначально развивалась в тесной связи с другими науками, воспринимала их достижения и, в свою очередь, предоставляла в их распоряжение собственные наблюдения и выводы. Вместе с тем, необходимо по-новому поставить вопросы о взаимодействии русской палеографии с историей культуры, с искусствоведением, книговедением и некоторыми другими отраслями знания. Интересно было бы проследить связи палеографии с *типографикой* (наукой о технике печатных изданий), т.е. внимательно рассмотреть взаимовлияние и взаимосвязь рукописных и печатных текстов с момента возникновения книгопечатания на Руси в середине XVI в. и до современности.

Данная книга в определенной степени является обобщающей. К ее написанию подтолкнула необходимость подвести некоторые итоги развития русской палеографии и наме-

тить круг задач для современных исследований. Многолетняя работа автора с подлинными материалами русской письменности XI–XIX вв., а также опыт, полученный при проведении в разные годы занятий по палеографии со студентами Московского государственного историко-архивного института, Свято-Тихоновского богословского института, Академии живописи, ваяния и зодчества и Московского государственного художественно-промышленного университета им. С.Г. Строганова позволяют ему начать этот весьма нелегкий труд. Книга не претендует на разрешение всех острых вопросов русской палеографии, – эта сложная задача требует усилий многих палеографов. Поэтому автор предлагает свою работу читателям лишь как "Основы русской палеографии" и надеется, что она может оказаться полезной как для дальнейших исследований в этой области, так и для создания новых программ и учебных пособий по этой важной научной дисциплине. В определенной мере она и сама может служить учебным пособием для начинающих палеографов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПАЛЕОГРАФИИ

1. ПАЛЕОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Со времени своего возникновения русская палеография как научная дисциплина в целом достигла заметных успехов. Достаточно сказать, что специалисты, работающие с подлинными документами XI–XIX вв., не испытывают непреодолимых трудностей в прочтении и понимании текстов, созданных в период Средневековья и нового времени (XVII–XIX вв.). В становление палеографии и ее методов внесли свой вклад выдающиеся ученые XIX и XX вв. Среди них: А.Н. Оленин, К.Ф. Калайдович, В.М. Ундольский, И.И. Срезневский, Н.П. Лихачев, В.Н. Щепкин, а затем Е.Ф. Карский, Л.В. Черепнин и многие другие. В созданных ими исследованиях и учебниках по русской палеографии (не потерявших своего значения и сейчас) поднимались многие вопросы истории письма, происхождения памятников письменности; давались характеристики почерков писцов, водяных знаков бумаги и пр. Важнейшие промежуточные итоги развития русской палеографии подведены в специальных работах Л.П. Жуковской и Л.В. Черепнина¹.

Определенные достижения русской палеографии не означают того, что все проблемы в изучении русского письма и письменности разрешены. Напротив, их достаточно много, и

---

¹ См.: Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии. (В до-революционной России и в СССР). М., 1963; Черепнин Л.В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 8–29.

специалисты это признают. Так, например, во введении к сборнику статей "История и палеография" справедливо утверждается, что "... общее положение дел в советской палеографии нельзя считать благополучным"². Такой была ситуация десятилетие назад, не изменилась она и сейчас.

Как научная дисциплина русская палеография имеет свои конкретные задачи. Она призвана изучать письмо не всесторонне, а лишь его одну, внешнюю сторону. Но этот, казалось бы, простой подход имеет свои сложности. За тысячелетнюю историю существования русского письма его внешний, формальный аспект не мог оставаться неизменным, он менялся вместе с изменением самого письма и русской культуры в целом. С другой стороны, письмо очень сложно и содержательно на каждом этапе своего развития, оно теснейшим образом связано практически со всеми сторонами духовной жизни и быта народа. Поэтому изучение письма должно сочетать в себе как его исторический анализ, так и конкретное описание на определенном временном срезе в контексте современных ему явлений.

Изучение письма начинается с изучения его формальной основы – *алфавита*, т.е. набора знаков (букв) для передачи звуков соответствующего языка. В Древней Руси были известны два алфавита – *глаголица* и *кириллица*. Первая, распространившись в Средневековье на сербских и хорватских территориях, не получила сколько-нибудь серьезного развития на Руси. По крайней мере, значительных по объему русских текстов на глаголице не сохранилось. Древнейшие памятники русской письменности – это памятники кириллического алфавита. Однако вопросы о происхождении глаголицы и о том, почему она не получила распространения на Руси, регулярно поднимаются в науке. Исчерпывающего ответа на них до сих пор нет.

---

² См.: История и палеография: Сб. ст. М., 1993. Ч. 1. С. 4.

Нет единства во мнениях по поводу еще одного принципиально важного вопроса: в каком объеме палеография изучает кириллическое письмо. Следует ли считать предметом палеографии все виды письма на любых носителях, или же только письмо на наиболее распространенных из них – на пергамене и на бумаге? Является ли письмо на твердых материалах и на тканях объектом изучения палеографии, или же это письмо вместе с его носителями попадает в сферу интересов других наук (например, изучающих твердые материалы и ткани как этнографические ценности)? Исходя из перечисленных сложностей в определении объекта палеографии, мнения ученых разделились. Одни палеографы выступали и выступают за изучение русского письма во всех его проявлениях, т.е. исполненного на всех доступных материалах. Другие же ограничиваются письмом на пергамене и на бумаге. Первого из этих направлений придерживались И.А. Шляпкин и М.И. Михайлов³; вторую позицию разделяли В.Н. Щепкин и его последователи⁴.

Ограничивая сферу палеографии изучением внешней стороны кириллического письма на традиционных носителях, представители второго направления, тем не менее, обращались к объектам, весьма далеким от собственно письма. Основываясь на единстве носителя (и несколько преувеличивая его роль), они, помимо письма, причисляли к объектам палеографии орнаменты и миниатюры рукописных книг, переплеты и даже описания самих рукописных книг. Подобные взгляды среди палеографов распространены и на рубеже XX и XXI вв. Но это, как нам представляется, неправомерно.

---

³ Шляпкин И.А. Русская палеография по лекциям, читанным в Императорском археологическом институте. СПб., 1913; Михайлов М.И. Памятники русской вещевой палеографии: Пособие для слушателей Императорского археологического института. СПб., 1913.

⁴ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1920; Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956; и др.

Изучение орнаментов, миниатюр, переплетов и тем более описаний документов находится в сфере интересов совсем иных наук.

С другой стороны, если рассматривать русскую палеографию как важнейшую составную часть истории русского письма (а таковой она и является), то следует признать, что традиционный круг источников, материалов и методов их изучения должен быть существенно расширен. В сферу русской палеографии необходимо включить не только графику текстов на пергамене и на бумаге, но и все надписи (в их внешнем оформлении), а также тексты на памятниках изобразительного и прикладного искусства, на предметах бытового и культового назначения, исполненные на разных материалах – на дереве, металлах, тканях и т.д. Это осложняет задачи русской палеографии, но вместе с тем позволяет ей наиболее полно реализовать свои возможности и, как следствие, внести свой вклад в историческую науку. Известный ученый О.А. Добиаш-Рождественская совершенно справедливо утверждала: "Вся совокупность древнего – как и нового – письма была бы, говоря строго, областью палеографии: внешняя сторона всякого древнего и нового текста, на чем бы ни был он начертан – на камне или металле, дереве или кости, глине или воске, коже или пергамене, папирусе или бумаге"⁵.

Древнерусское и старорусское письмо – это не только средство сохранения и передачи знаний, но еще и искусство, нередко очень высокое и выразительное. Искусство письма охватывает всю его совокупность – от исполнения отдельных букв, слова, строки, страницы до целого документа и всех сохранившихся памятников определенного времени их создания. Эта эстетическая сторона письма в русской палеографии изучена менее всех других его составляющих.

---

⁵ Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века: Руководство к изучению латинской палеографии. М.; Л., 1936. С. 16.

Русская палеография не только научная, но и учебная дисциплина. Однако вплоть до начала ХХI в. она не сумела занять достойного места среди исторических наук. Учебные пособия для студентов издаются редко, а учебники и того реже. Достаточно сказать, что из-за отсутствия нового учебника русской палеографии в 1999 г. был третий раз переиздан уже во многом устаревший учебник В.Н. Щепкина⁶. Да и преподавание русской палеографии проводится далеко не на всех гуманитарных факультетах.

В рамках палеографии как учебной дисциплины можно ознакомиться с ее основными категориями и понятиями, а также получить навыки работы с документами XI–XIX вв., т.е. научиться свободно читать и понимать древние тексты, а также готовить их к изданию. Как и многие другие учебные дисциплины исторического профиля, палеография дает возможность непосредственного общения с подлинными документами и тем самым способствует расширению кругозора. Знание основ палеографии становится важным критерием профессионализма выпускников высшей школы, будущих историков, филологов, искусствоведов, реставраторов, архивных и музейных работников, книговедов, историков культуры и издателей. Особое значение эта учебная дисциплина имеет и для служителей Русской Православной церкви.

В дореволюционной России в учебных заведениях русская палеография занимала достойное место. Возрождение в настоящее время интереса к истории и древним текстам дает основание надеяться, что и в ХХI веке она не утратит своих позиций среди гуманитарных наук.

2. ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПАЛЕОГРАФИИ

В учебниках русской палеографии утверждается, что изучение письма необходимо для определения времени и

---

⁶ См.: Щепкин В.Н. Русская палеография. 3-е изд., доп. М., 1999.

места создания того или иного документа⁷. И это справедливо. Если в каком-либо тексте содержатся уникальные научно значимые сведения, но этот текст не датирован его создателями, то специалист должен установить хотя бы приблизительную дату этого документа. Иначе обнаруженный новый текст теряет свою ценность как исторический источник. Эта задача является очень важной, но не единственной. Русская палеография – часть истории русского письма в целом, и, следовательно, этой специальной научной дисциплине нельзя ограничиваться только определением времени и места создания недатированных и нелокализованных документов. История русского письма, в свою очередь, является одной из важнейших составных частей истории русской культуры. Это означает, что русскую палеографию необходимо рассматривать как научную дисциплину с более широким охватом задач, включая и задачи историко-культурного характера⁸. Попробуем кратко обрисовать круг этих задач.

Русское письмо за многие века своего существования постепенно изменялось в сторону усложнения графики букв кириллического алфавита и манеры написания текста. Поэтому одной из главных задач русской палеографии становится изучение истории возникновения и эволюции применяемого на протяжении многих столетий славяно-русского письма, а также выяснение причин этой эволюции.

На основе кириллического алфавита в Древней Руси сложилась своеобразная система письма. На ранних этапах письменности, в X–XIII вв., буквы изображались, как правило, геометрично, отдельно одна от другой, но при этом слова в тексте не разделялись. Строка выглядела сплошным равномерным набором букв, из которых читатель должен был сам

---

⁷ См., например: Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1999. С. 20.

⁸ См.: Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 3.

вычленять смысловые фрагменты – слова и фразы. Часть слов (обычно общеизвестных) писалась сокращенно, а над сокращениями ставили особый знак – *титло*. Такое письмо получило название *уставного*. Хотя уставное письмо исполнялось по единым правилам, внешне в разных текстах оно различалось. Уже в древнейших памятниках письменности встречается каллиграфическое и ординарное письмо самых разнообразных *почерков*⁹. Выяснить причины этого явления, равно как определить границы понятий почерк и вариант (стиль) письма, – задача русской палеографии.

С начала XIV в. в русском уставном письме наблюдаются существенные изменения. Буквы теряют строгую геометричность, появляется значительная вариативность написания букв у одного и того же писца и большое количество сокращений. Намечаются признаки словоделения и *лигатурирования*, т.е. соединения в одном знаке двух и более букв. Такое письмо получило название *полуустава*. Постепенно заменяя древнее уставное письмо, полуустав применялся в рукописном деле очень долго, вплоть до XX в., в то время как уставное письмо окончательно перестало использоваться к XVII в.

В текстах уставного и полууставного письма начальные буквы разделов или глав писали иначе, чем все остальные. Прежде всего, они выделялись своей величиной и занимали от 3 до 10 строк текста по высоте. Почти всегда они дополнительно выделялись цветом. Такие буквы назывались *инициалами*. Как правило, их писали либо только киноварью (особой красной краской), либо киноварью в сочетании с другими красками и даже золотом. Очень часто инициалы украшались различными орнаментами – растительными, геометрическими, комбинированными и др. В XII–XIV вв. инициалы нередко писали в виде тератологических ("звериных", "чудовищных") изображений.

---

⁹ Каринский Н.М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925. С. 7–8 и др.

С XV в. в русской письменности начинает применяться еще один, новый, тип письма – *скоропись*. Это письмо по своему внешнему виду резко отличается как от письма уставного, так и полууставного. В скорописи буквы окончательно утрачивают свою геометрическую правильность и пишутся совершенно свободно, разной величины, с наклоном, соединяясь друг с другом. Буквы приобретают округлость, их составные части выходят за линию строк, появляется множество *лигатур*. В общем виде строки отмечается небрежность. Это сугубо деловое, "быстрое" письмо. Оно применялось в различных канцеляриях для деловой переписки. В традиционные рукописные книги оно проникало нечасто. Инициалы в текстах скорописного письма встречались довольно редко.

Палеография изучает и еще один тип письма – *вязь*. Это сложное декоративное письмо основывается на древнем уставе, но состоит из причудливых сочетаний различных букв. При этом буквы отличаются по своим размерам и располагаются не на одном, а на нескольких уровнях в пределах одной строки. Нередко вязное письмо украшалось тончайшими декоративными композициями из веточек и листочков, что делало вязь еще более эстетичной, но затрудняло ее прочтение. Использовалось это письмо в заглавиях целых книг или же их отдельных частей. Кроме того, в отличие от всех других типов письма, вязь, благодаря своим художественным достоинствам, хорошо сочеталась с предметами религиозного культа и декоративно-прикладного искусства. Она широко применялась в надписях на иконах и изделиях из металла и камня (на ковшах, колоколах, надгробиях и т.п.). Встречается она и на тканях (художественное шитье).

Работая с формой письма и имея минимальным объектом для исследования букву, все-таки главных своих целей (датировать и локализовать документ) палеография достигает только при анализе *текста*, смыслового единства формальных знаков. Тек-

сты древних памятников письменности по виду и объему были различны.

На листах и на переплетах русских рукописных книг можно заметить многочисленные пометы и надписи (владельческие, редакторские, читательские и т.п.), относящиеся к разному времени и месту происхождения. Эти надписи, обычно выполненные скорописью, весьма содержательный и ценный источник для исследователя, и потому, несомненно, они становятся объектом палеографического анализа.

Особым явлением в русской письменности была *тайнопись*. Широкого, массового распространения она не получила, а применялась, главным образом, в послесловиях писцов, которые не хотели сообщать о себе открыто, обычным письмом. Простейшим типом тайнописи была *литорея*, основанная на замене букв в слове. В результате перестановок причудливое сочетание "неправильных" слов делало смысл фразы непонятным. При написании "скрытого" текста (и его прочтении) использовалась специальная шифровальная таблица, в которой верхний ряд первых десяти согласных букв алфавита нужно было поочередно заменять десятью же следующими согласными, расположенными в нижнем ряду. Существовали и другие, более сложные системы тайнописи.

В русской письменности прошлого встречались поддельные тексты. Их было немного, но их возникновение имело особые исторические, политические и культурные причины. Подобные тексты также входят в сферу изучения палеографии.

Уставное, полууставное и скорописное письмо применялось для создания различных грамот, книг и делопроизводственных документов. Использовалось оно и в эпистолярных текстах частного характера, как, например, в записках от одного лица к другому (древнейшие памятники письменности этого типа – берестяные грамоты), а также, в более позднее время, – в дневниковых записях, мемуарах и т.п. Самые раз-

личные тексты возникали в виде надписей на твердых материалах и на тканях.

Сложнейший массив памятников русского письма дает большие возможности не только для установления времени и места происхождения того или иного конкретного документа, но также для изучения этого массива в целом как явления культуры. Здесь у палеографов много работы. Необходимо выяснить, почему один тип письма сменялся другим и почему в одно и то же время существовали разные типы письма. Важно установить также, почему близкие по типу памятники письменности одного и того же времени оформлялись не одинаково. Серьезной задачей русской палеографии, в этой связи, является изучение и отождествление почерков писцов и книгописцев.

В русской палеографии сложились свои методы исследования памятников письменности. Прежде всего, это описание памятников. Исследуя документ, палеограф отмечает все внешние особенности его письма: начертание букв, написание слов и строк, словоделение, оформление текста и его украшение. При этом палеограф обращает внимание на вариативность графики букв, на их каллиграфию или небрежность. Отмечаются и все особенности зеркала текста (расположения текста на странице), его эстетичность, совершенство или же его заурядность. Внимательно изучив письмо соответствующего документа, палеограф получает сумму сведений об этом письме, которая важна не только для него, но и для многих других специалистов.

Если изучаемый документ датирован самим его создателем, то признаки этого документа могут быть учтены при определении времени создания другого документа, не имеющего точной даты. Следовательно, палеографические данные о документе относятся к категории *датирующих*, т.е. существенно значимых для его последующего всестороннего анали-

за. Для атрибуции недатированных рукописей безусловно важен материал, на котором исполнено письмо. Если использовалась бумага, то уточнить дату происхождения документа можно по *водяным знакам* бумаги¹⁰. Сложнее с определением даты памятника письменности, исполненного на других материалах. Здесь наиболее результативным может оказаться метод сравнения двух и более документов или объектов.

Для изучения письма как явления культуры весьма эффективным может быть сопоставление уровня сложности и степени развития самого письма с общим состоянием грамотности народа, с наличием книг и библиотек, а также с отношением к письму и чтению читателей, писателей и переписчиков. Следует отметить, однако, что в русской палеографии компаративные и культурологические подходы применяются все еще недостаточно.

Русская палеография как учебная дисциплина преследует цели научить студентов правильному (т.е. безошибочному) чтению и пониманию всех типов русского письма XI–XIX вв., а также ознакомить их с основными приемами датировки текстов и важнейшей литературой по этой дисциплине.

В условиях, когда полноценных учебников и учебных пособий по палеографии фактически нет, успех преподавания этой дисциплины во многом зависит от преподавателя. Поэтому преподаватель-палеограф непременно должен иметь опыт работы с подлинными памятниками письменности и хорошо знать специальную литературу. Кроме того, он должен заинтересовать учащихся своим предметом. Палеографическая подготовка невозможна без практической работы с копиями документов, выполненными на хорошем научном уровне, но

---

¹⁰ См.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для "Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР". М., 1973. Вып. I. С. 180–204.

главное – без прикосновения к "живой" рукописи, без знакомства с памятниками письменности в архивах и музеях.

3. РУССКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ И ДРУГИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

В текстах средневековой Руси и России XVII–XIX вв. часто указываются даты тех или иных исторических событий – основания городов, походов и битв, рождения и кончины выдающихся людей и т.п. Без специальной расшифровки эти даты нам совершенно непонятны, потому что они приведены в системе летоисчисления, отличающейся от современной. Что может, например, сказать дата "6655-е лето от сотворения мира"? Для того чтобы правильно истолковать ее, следует знать, что в средние века на Руси летоисчисление начиналось от даты сотворения мира, в отличие от современного, которое ведется от Рождества Христова. Родился Иисус Христос, по расчетам древних богословов, спустя 5508 лет после сотворения мира. Следовательно, если от приведенного числа 6655 отнять 5508, то получится дата "1147 год" – год первого упоминания Москвы в летописях.

Многочисленные даты, имеющиеся в различных документах прошлого, и их правильные расчеты исследует специальная научная дисциплина – *хронология*¹¹. Но без привлечения данных палеографии не возможно эффективно изучать даты исторических источников: ведь чтобы раскрыть ту или иную дату, необходимо сначала прочитать и понять текст, в котором она записана. В свою очередь, и палеография не обходится без хронологии. Приведенная в документе дата может не соответствовать данным палеографии, полностью или частично, и это несоответствие нередко успешно объясняется

---

¹¹ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944; Каменцева Е.И. Хронология. М., 1967.

на основе выводов хронологии. Таким образом, палеография тесно взаимодействует с хронологией.

В памятниках русской письменности часто встречаются обозначения мер длины, веса и объема. "Пядь", "локоть", "сажень", "золотник", "фунт", "пуд", "четверть" – что это такое? Как соотносятся эти меры с мерами современными? Человеку XX–XXI вв. трудно представить себе высоту колокольни или башни в "20 сажений и 3 локтя". Здесь на помощь ему придет специальная научная дисциплина, изучающая развитие систем мер и единиц счета, – *историческая метрология*¹². Так же, как и хронология, историческая метрология, работая с рукописями, применяет палеографический анализ. Меры длины, веса и т.п. в средневековых текстах, как правило, записывались словами, которые сейчас требуют безошибочного прочтения и понимания каждой буквы в слове. Любая ошибка и последующая неверная интерпретация могут исказить смысл слова, а затем – и всего текста. Например, искаженная при прочтении единица длины меняет исторические расстояния (а вместе с ними и наши представления о расстояниях) между городами, масштабы поселений, размеры храмов и пр. Ошибка в единице счета введет в заблуждение относительно величины княжеского войска, возраста самого князя и т.д. Но и сама палеография часто привлекает данные исторической метрологии, позволяющие точнее прочесть, а иногда и датировать, соответствующий текст. Таким образом, метрология предоставляет палеографу дополнительные сведения о содержании и времени происхождения документа.

Русская палеография тесно взаимодействует с целым рядом других специальных исторических дисциплин, в том числе и с *генеалогией*¹³. Эта наука занимается вопросами про-

---

¹² См.: Шостыин Н.А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX века. М., 1975.

¹³ См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 189–190.

исхождения и истории родов, установлением родственных связей и их влиянием на поступки конкретных людей. Данные генеалогии важны для палеографии, потому что знание имен, отчеств и родственных отношений лиц, о которых говорится в том или ином памятнике письменности, помогает точно прочесть ошибочно написанное или же исправленное слово, а также увидеть причины этого изменения в тексте. Установление реальных исторических лиц, стоявших за именами персонажей рукописных текстов, позволяет более точно, даже по сравнению с бумажными водяными знаками, определить время, место, а также, с большой вероятностью, заказчика того или иного памятника. В свою очередь, для специалиста по генеалогии палеографические методы (даже всего лишь точное прочтение одного слова, имени, фамилии и пр.) могут подкрепить (или опровергнуть) достоверность научных выводов. Взаимодействие палеографии и генеалогии всегда результативно и важно.

Не менее плодотворны контакты палеографии и *сфрагистики* – специальной научной дисциплины, изучающей печати¹⁴. Различные государственные грамоты и послания в средние века скреплялись серебряными, свинцовыми или восковыми печатями, а в более позднее время – сургучными, на которые наносились самые разнообразные надписи, например, имя и титул владельца печати и пр. Печать, даже если она сохранилась без "своего" документа, становится для палеографа ценным источником. Начертание букв на печатях не может не привлечь палеографа; и точно также письмо на печати не может не заинтересовать специалиста по сфрагистике.

Археологи и реставраторы древних зданий открыли и изучили множество *надписей*, выполненных на твердых материалах: на дереве, камне, металле, керамике и т.п. Древние надписи – важный исторический источник. Открытие *надпи-*

---

¹⁴ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1–2. М., 1970.

сей-граффити XI–XII вв. на стенах Софийских соборов в Киеве и Новгороде внесло значительный вклад в науку и культуру. Специальная научная дисциплина, изучающая надписи, получила название *эпиграфики*¹⁵. Среди надписей встречаются как очень краткие, так и весьма пространные. Их обычно процарапывали на твердой поверхности каким-либо острым предметом. В надписях указывались имена, названия, давались описания бытовых реалий своего времени; но иногда в них отмечались важные события местного или даже общенародного значения. Графика надписей очень разнообразна, ее анализ имеет непосредственное отношение к истории письма и к палеографии. В свою очередь, для эпиграфики важны данные палеографии, так как без знания графических основ письма того или иного времени правильно прочесть и датировать соответствующую надпись весьма затруднительно.

Историю текстов во всем многообразии их списков и редакций изучает *текстология*¹⁶. Эту научную дисциплину интересуют содержание, структурные и языковые особенности текста, а также его изменение, развитие, его варианты. Для палеографии, как мы уже отмечали, важно, прежде всего, оформление, графическая основа того или иного списка конкретного текста, его формальное совершенство или, напротив, небрежность. Тесное взаимодействие текстологии и палеографии способствует достижению великолепных научных результатов при многостороннем изучении текста; например, позволяет установить, когда и кто работал с данным текстом, и, тем самым, определить его литературные достоинства, распространенность, географические и хронологические особенности бытования, общественную и историко-культурную значимость.

Рассмотренные нами специальные исторические дисци-

---

¹⁵ Рыбаков Б.А. Русская эпиграфика X–XIV вв.: (состояние, возможности, задачи) // Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 34–58.

¹⁶ Лихачев Д.С. Текстология. 1983.

плины (а это, конечно, далеко не полный список) тесно связаны не только с палеографией, но и друг с другом. Совокупность их выводов попадает в поле зрения *источниковедения* – одной из важнейших комплексных дисциплин по источникам (преимущественно письменным) исторической науки¹⁷. Известно, что любое исследование по истории основывается на документальных материалах, проверенных и сопоставленных друг с другом. Датированный и атрибутированный источник – особая ценность для ученых. Палеография для источниковедения является авторитетнейшей научной дисциплиной, так как именно она превращает случайный документ в научный факт: помогает правильно прочесть письменный источник, установить его дату и, по возможности, автора и место происхождения.

Любая наука существует и развивается не только для разрешения собственных задач. Научные достижения, прежде всего, расширяют представления человека о себе и окружающем мире, способствуют прогрессу общества и государства. Существуют специальные научные дисциплины, накапливающие, обрабатывающие и интерпретирующие данные других наук. Для палеографии и других специальных научных дисциплин такой наукой является *археография*¹⁸. Она занимается решением трех тесно связанных между собой задач: поиском и собиранием документов (полевая археография), их научным описанием (камеральная археография) и подготовкой документов к изданию (эдиционная археография). Благодаря усилиям археографии, новые знания по истории русской письменности и письма (а также другие историко-филологические открытия) обретают доступную для многих людей форму печатного издания.

---

¹⁷ Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973.

¹⁸ См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 810–822.

На протяжении XIX и XX вв. различные научные центры (университеты, исследовательские институты, библиотеки, музеи) организовывали и осуществляли свои экспедиции по поиску и сбору документов прошлого. В результате этой работы собрано огромное количество самых разнообразных памятников, среди которых большую часть занимают рукописные книги XV–XIX вв. Одновременно с научными центрами документы собирали и частные коллекционеры, собрания которых со временем перешли на государственное хранение.

Вновь поступившие и уже хранящиеся в том или ином научном центре документы обрабатываются специалистами-археографами, которым необходимо в полном объеме владеть всеми теоретическими знаниями и практическими методами палеографии. Каждый архивный документ получает свою научную характеристику: определяется его название, подлинность, дата и место создания, основное содержание и т.п. На однородный по содержанию и по происхождению массив документов составляется опись или же описание. Таким способом документы становятся доступными специалистам. Однако опись (описание) еще не решает вопроса о введении документов в научный оборот. Для этого необходима научная публикация источников с разносторонними комментариями. При подготовке к изданию различных документов палеографии и палеографам отводится важнейшая роль.

Русская палеография находится во взаимодействии и с другими специальными историческими дисциплинами, исследующими более узкие виды и формы источников, – с нумизматикой, геральдикой, исторической географией, топонимикой, берестологией. Плодотворность контактов определяется общностью их источниковедческих задач.

Выделение вспомогательных исторических дисциплин в самостоятельную научную область имеет непростую историю. До Октябрьской революции 1917 г. вспомогательные

исторические дисциплины регулярно попадали в сферу внимания многих ученых историков и филологов. Однако затем, до середины 50-х годов, эта область исторической науки оказалась почти в полном забвении. Лишь в 60–80-х годах обозначился определенный научный интерес, но специалистам пришлось преодолевать огромное отставание в методологии и терминологии вспомогательных дисциплин по сравнению с успехами исторической науки в целом. Опорой ученым послужили лишь дореволюционные исследования. Над проблемами вспомогательных (специальных) исторических дисциплин тогда самоотверженно трудились великолепные ученые М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, Е.И. Каменцева, Л.П. Жуковская и некоторые другие.

В настоящее время в этой, ставшей приоритетной, области проводят исследования В.Л. Янин, А.А. Мединцева, Н.А. Соболева и ряд других специалистов. С 1968 г. печатается академическое издание "Вспомогательные исторические дисциплины", в котором публикуются исследования по самой разнообразной проблематике, в том числе и по палеографии¹⁹. Выходят работы по специальным научным дисциплинам и в некоторых других изданиях. Имеется вузовский учебник по вспомогательным историческим дисциплинам²⁰.

Особые отношения палеография имеет с *книговедением*, которое не является специальной научной дисциплиной, а само объединяет целый комплекс наук о возникновении, распространении и применении книги. Хорошо известно, что прообразом печатной книги была книга рукописная, в значительной степени являющаяся объектом изучения и палеографии, и книговедения. Следовательно, и для палеографии, и

---

¹⁹ См.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. I–XXVI. Л., 1938–1991; СПб., 1992–1998.

²⁰ См.: Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000.

для книговедения важно знать, что и почему унаследовано печатной книгой от книги рукописной. Необходимо представлять также, какой научный вклад может внести палеография в современное книговедение.

Авторы и переписчики средневековых рукописных книг иногда сами невольно указывают новые пути в изучении памятников письменности: "Когда ты молишься, ты беседуешь с Богом, когда ты читаешь (книгу), Бог беседует с тобой". И еще: "Когда захочешь читать книгу или послушать читающего, прежде помолись Богу, говоря: Господи Иисусе Христе, открой мне уши и очи моего сердца, чтобы услышать Твое слово и уразуметь его, и сотворить Твою волю" (перевод с древнерусского языка). Приведенные слова, как и многие другие изречения книжников и философов о чтении, характеризуют отношение людей к письму, к книге в целом. Палеографам, да и книговедам тоже, следует учитывать при работе с памятником письменности психологию его создателей и читателей.

Мы кратко обрисовали наиболее перспективные области взаимодействия русской палеографии с другими специальными научными дисциплинами. В этой сложной картине научных и культурных связей, как можно заметить, палеография призвана играть видную роль.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО АЛФАВИТА И ПИСЬМА

1. СЛАВЯНСКИЕ АЛФАВИТЫ И РУССКОЕ ПИСЬМО

В конце первого и в начале второго тысячелетия н.э. славянские народы, как свидетельствуют сохранившиеся памятники письменности, использовали два алфавита – глаголицу и кириллицу¹. Создание одного из них связано с миссионерской деятельностью великого византийского просветителя и вероучителя Константина-Кирилла Философа. Но какого алфавита? Одни ученые полагают, что Константин-Кирилл Философ создал глаголицу, другие считают творением этого просветителя славян кириллицу². Кто из них ближе к истине? И те и другие ученые приводят свою аргументацию, но в обоих случаях ее недостаточно.

Большинство ученых прошлого и настоящего времени считают, что глаголический алфавит старше кириллического. Подобная оценка возникает при сопоставлении двух алфавитов, из которых внешне замысловатая глаголица производит впечатление более архаичной и "нарочитой". Однако делать из этого вывод, что глаголица впервые появилась у славян в 60-х годах IX в., с началом христианской миссии Константина-Кирилла Философа и его брата Мефодия в Моравию, нет

---

¹ Славянам IX–X вв. были известны также греческий и латинский алфавиты, однако их использование не было систематическим. Кроме того, эти алфавиты не подходили для письменной передачи древнеславянского языка.

² О содержательной полемике по этому вопросу см.: Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. С. 135–153.

достаточных оснований. Глаголический алфавит мог распространиться среди славян и задолго до этой миссии, хотя древнейшие известные памятники глаголической письменности ученые относят ко времени не ранее X в. (например, "Киевские глаголические листки" и "Пражские глаголические листки" конца X в.). Можно предположить также, что первоначальные тексты глаголического алфавита безвозвратно погибли или были переписаны на кириллицу, как только она была изобретена. Осмелимся допустить и вероятность ошибочной (в сторону "омоложения") датировки древнейших глаголических памятников, принятой в науке. Рассмотрим и другие точки зрения на возникновение и взаимосвязь глаголицы и кириллицы.

Известно, что на территории Восточной Европы до прибытия туда миссии Константина-Кирилла Философа христианское вероучение проповедовали кельтские миссионеры³. Не исключено, что именно они и были создателями глаголического алфавита, на основе которого можно было писать тексты христианского содержания. Есть и другая версия происхождения глаголицы. Петербургский филолог Г.М. Прохоров полагает, что истоки глаголического алфавита следует искать на Ближнем Востоке, в сирийской письменности⁴. Эта новейшая "ближневосточная" версия происхождения глаголицы, как и версия "кельтская", имеет право на существование, хотя и требует дальнейших поисков убедительных аргументов.

Таким образом, вопрос о происхождении глаголической письменности у славян по-прежнему открыт. А что нам известно о кириллице?

Болгарский писатель X века Черноризец Храбр в своем "Сказании о письменах" сообщает, что 24 буквы современно-

---

³ См.: Исаченко М.В. К вопросу об ирландской миссии у моравских и паннонских славян // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963.

⁴ Прохоров Г.М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. Т. XLV. СПб., 1992. С. 178–199.

го ему славянского алфавита полностью соответствуют буквам алфавита греческого⁵. Действительно, буквы кириллического алфавита близки греческому (византийскому) унциалу кон. IX – нач. X вв. Сообщение Храбра, несомненно, относится к алфавиту кириллическому. Но писатель ничего не говорит о создателях этого алфавита. Известны гипотезы, согласно которым кириллица была создана учениками Константина-Кирилла Философа после смерти учителя (автора глаголицы, по этим версиям), в период гонений на славянскую письменность со стороны немецких миссионеров, действовавших на территории Моравии. Однако подобные предположения не допускают того, что верные ученики последуют делу своего учителя. Создание славянской азбуки было величайшим подвигом Константина-Кирилла Философа, и это, безусловно, понимали его ученики. Трудно допустить, чтобы кто-либо из них мог дерзнуть на замену алфавита, созданного их гениальным учителем. Да и графические особенности глаголицы таковы, что они не находят аналогий в византийской письменности и культуре в традициях которой был воспитан и на языке которой проповедовал Кирилл.

Но вернемся к вопросу о возможности существования и виде славянской письменности в "докириллическое" время. В тексте "Пространного жития Константина-Кирилла Философа" кратко сообщается о книгах, написанных "руськими письмены". В 861 г. Константин-Кирилл Философ по пути в Хазарию остановился в Корсуни (Крым) и *"обрете ту евангелъе и псалтырь руськы письмены написано и человека обреть глаголюша тою беседую и беседовавъ с нимъ и силу речи приимъ своей беседе прикладая различно письмена гласная и съгласная и къ Богу молитву держа въскоре на-*

---

⁵ Сказание о начале славянской письменности / Вступит. ст., перевод и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981. С. 102–104.

чать чисти и сказати и мнозе ся дивяху Бога хваляше"⁶. Это сообщение неоднозначно комментируется учеными. Н.В. Степанов утверждал, что Константин в Корсуни действительно видел "русские книги"⁷, и с этим следует согласиться. Но какой алфавит был в основе тех книг? Он не мог быть кириллическим, поскольку его еще не существовало.

Черноризец Храбр упоминал о том, что "преже" (до появления славянских азбук) славяне имели письмо в виде "черт и резов" и, кроме того, пользовались греческим и латинским алфавитами "без устроения". При такой сложной языковой ситуации ни о каких книгах на родном языке славян не могло быть и речи. Для книгописания требуется развитая система письма, в основе которой лежал бы достаточно совершенный алфавит. Подобным алфавитом во времена Константина-Кирилла Философа могла быть только глаголица, так как о существовании какого-либо другого алфавита у славян в то время не имеется никаких свидетельств. Глаголицу и назвал "руськими письмены" автор "Пространного жития Константина-Кирилла Философа".

Г.М. Прохоров справедливо писал: "Мы знаем, что Константин-Кирилл пользовался глаголицей"⁸. Завершив хазарскую миссию, Константин-Кирилл Философ отправился в Моравию, чтобы перевести на славянский язык необходимые для христианского богослужения книги. Для этого он разработал свой, простой и в общем известный славянам "по греческим письменам" алфавит, который в дальнейшем получил название кириллицы⁹. Срочность решения задачи, вероятно,

---

⁶ Жития Кирилла и Мефодия. М., 1986. С. 140, 163. Текст памятников здесь и далее приводится в упрощенной орфографии, титла раскрываются.

⁷ Степанов Н.В. (Выступление) // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 151.

⁸ Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 197.

⁹ В "Пространном житии Константина-Кирилла Философа" есть указание на то, что славяне Моравии до прибытия туда византийской миссии не име-

подтолкнула Константина-Кирилла Философа к логичному в этой ситуации использованию алфавита греческого, уже известного славянам. Поэтому будем придерживаться мнения, что Константин-Кирилл Философ создал кириллицу, опираясь на графику родного ему греческого языка, но учитывая фонетическую структуру древнеславянского языка. Дальнейшая ситуация могла бы развиваться таким образом.

Составленный в начале 60-х годов IX в. Константином-Кириллом Философом алфавит хорошо передавал фонетический строй языка славян, в том числе и славян восточных. По прибытии в Моравию миссия Константина-Кирилла убедилась, что там уже была письменность, основанная на глаголице, которую просто "отменить" было невозможно. Что оставалось делать Константину-Кириллу Философу? Ничего, кроме как настойчиво и терпеливо внедрять свою новую письменность, основанную на созданном им алфавите – кириллице. Сложная по своим конструктивным особенностям, вычурная, не имеющая никакого основания в культуре славян, глаголица, естественно, оказалась не в состоянии конкурировать с гениальной по простоте и изяществу кириллицей, которая вскоре заняла господствующее положение во всех славянских странах. Надо полагать, что ближайшие ученики Константина-Кирилла Философа не отказались от алфавита своего учителя, а наоборот, приняли самое активное участие в деле его распространения и вытеснения глаголицы.

Первоначально кириллический алфавит насчитывал 43 буквы, которые достаточно полно отражали звуки славянской речи. Древнейшая кириллица включала в свой состав такие, в разное время вышедшие из употребления буквы, как *зело*, *юс*

ли "букв". (См.: "Сказание о начале славянской письменности". С. 87.) Вероятно, составители "Жития", зная о глаголице, сознательно не написали об этом, не придавая ей сколько-нибудь существенного значения в перспективе. Этим же можно объяснить и тот факт, что Черноризец Храбр не упомянул глаголицу.

малый и *юс большой*, *кси*, *пси* и некоторые другие. По мере изменения звуков речи (например, утрата носовых звуков) отпадала необходимость и в обозначавших их буквах. В начале XVIII в. Петр I официально исключил из кириллического алфавита ряд букв с целью упрощения печатных шрифтов. В результате реформы русской письменности 1918 г. из русского алфавита были исключены и некоторые другие буквы. Современный русский алфавит состоит из 33 знаков, составляющих основу разнообразных печатных шрифтов.

Каждая буква кириллического алфавита в древнеславянском языке имела свое название: *аз*, *буки*, *веди*, *глаголь*, *добро* и т.д. В X в. эти названия букв были использованы древнеславянским гимнографом Константином Болгарским в качестве первых слов составленной им поэтической "Азбучной молитвы", в предисловии к "Учительному евангелию" (книга была известна на Руси с XII в.)¹⁰. Буквы кириллического алфавита имели также цифровое значение. Они обозначали единицы, десятки и сотни. Для обозначения тысяч применялся специальный значок, который присоединялся к соответствующей букве¹¹. Если та или иная буква использовалась для обозначения цифры, то она ограничивалась точками справа и слева, а над ней ставился специальный знак – титло. Многозначное число, состоящее из нескольких букв, также ограничивалось точками и "покрывалось" одним или несколькими титлами.

В чем же отличие графики глаголического и кириллического алфавитов? Оно, прежде всего, – в разных геометрических началах построения буквы и способах сочетания разных букв. В основе глаголицы лежат треугольники (или же пря-

---

¹⁰ См.: Зыков Э.Г. Судьба "Азбучной молитвы" в древнерусской письменности // ТОДРЛ. Т. XXVI. Л., 1971. С. 177–191.

¹¹ Подробнее см.: Жуковская Л.П. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 37–43; Симонов Р.А. Математическая мысль Древней Руси. М., 1977. С. 9–43.

моугольники в другом ее варианте) и петли, а в основе кириллицы – прямые мачты (вертикальные линии), перекладины и дуги. Кириллический алфавит характеризуется простотой и ясностью. Строгие вертикальные и горизонтальные линии, дополненные плавными дугами, – вот и все детали кириллических букв, но в своих разнообразных сочетаниях они создают особый эстетический эффект. Легко заметить, что каждая буква кириллицы архитектурно закончена и изящна. Многие буквы легко соединяются в один сложный знак-лигатуру, который воспринимается как более выразительная конструкция. Мачты и перекладины одних букв могут служить тем же и для других. Словом, все буквы кириллического алфавита удобно сочетаются друг с другом при наименьших графических затратах и излишествах, а эта экономичность и гибкость свидетельствуют о высочайших возможностях кириллицы в передаче звуковой речи, в "быстром" письме. Лигатуры встречаются уже в древнейших памятниках русской письменности. Со временем их становится больше, прежде всего – в вязи и скорописи.

Искусство русского кириллического алфавита проявляется как в уставном и полууставном, так и в скорописном письме. Но особенно наглядно оно представлено в заглавных буквах книг – инициалах. Но инициалы встречаются и в некоторых других памятниках письменности.

Кириллическим алфавитом в Древней Руси и в России XVII–XIX вв. пользовались для создания самых разнообразных текстов на самых разных материалах: на пергамене и бумаге (в книгах и деловых документах), на печатях, монетах, изделиях из дерева, камня, металлов, на тканях. Графические особенности алфавита могли варьироваться с учетом величины текста. В одних случаях буквы писали (гравировали, вырезали, вышивали и т.п.) крупно, рельефно, и тогда они особенно наглядно демонстрировали совершенство кириллического алфавита. В других случаях письмо было мелким, бисерным.

Глаголица	Числовые значения	Кириллица	Названия букв
ⱁ ⱂ	1	А а	аз
ⱃ ⱄ	2	Б б	буки
ⱅ ⱆ	3	В в	веди
ⱇ ⱈ	4	Г г	глаголь
ⱉ ⱊ	5	Д д	добро
ⱋ ⱌ	6	Є є, е, ѣ, Ю ю	есть
ⱍ ⱎ	7	Ж ж	живете
ⱏ ⱐ	8	З з, ѓ, ѓ, ѓ	зело
ⱑ ⱒ	9	З з (з)	земля
ⱓ ⱔ, ⱕ	10	І і (ї, і)	и [десятиричное]
ⱖ ⱗ	20	Н н, н	иже
ⱘ ⱙ	30	(ѣ)	[дж] [тш]**
ⱚ ⱛ	40	К к	како
ⱜ ⱝ	50	Л л	люди
ⱞ ⱟ	60	М м	мыслете
Ⱡ ⱡ	70	Н н	наш
Ɫ Ᵽ	80	О о	он
Ɽ ⱥ	90	П п	покой
Ⱨ ⱨ	100	Р р	рцы

Таблица 1а. Славянские алфавиты глаголица и кириллица

* и восьмиричное

** буква сербского алфавита

Но и тогда кириллический алфавит представал гармоничным.

С течением времени кириллический алфавит менялся, но его основа сохраняется вот уже более тысячи лет. Бережнее всего к русскому кириллическому алфавиту относилась Русская Православная церковь и старообрядцы. Вплоть до XX в. представители старообрядчества писали и печатали книги на кириллице, мало отличавшейся от ее древнейших образцов.

Ѧ Ѧ	200	С с	200	слово
Ѧ Ѧ	300	Т т	300	твердо
Ѧ Ѧ	400	Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ	400	ук
Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ	500	Ѧ Ѧ	500	ферт
Ѧ Ѧ	600	Х х	600	хер
Ѧ Ѧ	700	Ѧ Ѧ	800	омега
Ѧ Ѧ	800	Ц ц	900	цы
Ѧ Ѧ	900	Ѧ Ѧ (Ѧ)	90	червь
Ѧ Ѧ	1000	Ѧ Ѧ		ша
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ		ща
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ		ер
Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ (Ѧ), Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ		еры
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ		ерь
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ		ять
Ѧ Ѧ		Ю ю		ю
		Ѧ Ѧ		а йотованная
Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ	90	юс малый
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ (Ѧ)		юс большой
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ		юс малый йотованный
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ		юс большой йотованный
		Ѧ Ѧ	60	кси
		Ѧ Ѧ (Ѧ)	700	пси
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ	9	фита
Ѧ Ѧ		Ѧ Ѧ, Ѧ Ѧ	400	ижица

Таблица 16. Славянские алфавиты глаголица и кириллица

Русский кириллический алфавит был положен в основу алфавитов многих народов России, не имевших своей письменности. Это, преимущественно, северные народы и народы Сибири. Уже в XIV в. преподобный Стефан Пермский на основе кириллицы создал алфавит для населения обширных областей Перми.

В мировой письменности существует множество самых разнообразных алфавитов. Кириллическому алфавиту в этом большом ряду принадлежит одно из ведущих мест.

2. МАТЕРИАЛЫ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РУССКОГО ПИСЬМА

В X–XIII вв. основным материалом для письма на Руси служил *пергамен* – специально обработанная кожа овец или телят. На этом прочном и долговечном материале писали княжеские грамоты и различные книги.

Качество пергамена было неодинаковым. В одних случаях – это высококачественный материал, в других – весьма посредственный. Так, в период господства на Руси татаро-монголов пергамен как материал для письма в большинстве случаев был невысокого качества. Кроме того, его экономили. При раскройке материала для изготовления книг мастера далеко не всегда учитывали естественные дефекты шкур, их неровные края, случайные порезы и разрывы. В таких случаях листы книг оказывались неровными, с заклейками и сшивками, поверх которых писали текст. Характерными в этом отношении являются книги второй половины XIV в. (например, рукописи ГИМ, Син. №№ 224, 246, 247, 401 и др.). Иногда пергамен использовался дважды. Для этого первоначальный текст смывали или же соскабливали, а вместо него писали новый текст. Такие памятники называются *палимпсестами*. В русской письменности они исчисляются единицами.

Для бытового письма использовалась кора березы – *береста*. В конце XIII в. на Руси для письма стали применять *бумагу*. С этого времени пергамен и береста теряют свое монопольное положение в русской письменности, а бумага становится основным материалом как для деловых документов и бытовых актов, так и для строения (создания) книг.

Бумага – искусственный материал; впервые она стала применяться в древнем Китае во II в. Из Китая через арабские страны секрет производства бумаги к концу первого тысячелетия попал в Европу. Вплоть до XVIII в. в России бумага была привозной (в основном из Европы). Причина в том, что сырьем для изготовления бумаги служило хлопковое тряпье.

В Западной Европе хлопковые ткани использовались с древнейших времен, но в России они практически не были известны. Из-за сурового климата на русских землях хлопчатник не выращивался, а традиционные льняные и шерстяные ткани для изготовления бумаги были непригодны.

Древнейшая западноевропейская бумага по своему внешнему виду напоминала пергамен. Она толстая, желтоватого цвета, но, конечно, не столь прочная и долговечная, как пергамен. Эта бумага получила название *бомбицины*. На бумаге более позднего времени (с конца XIII в.) видны *вержерсы* и *пантюзо*, т.е. следы сетки, с помощью которой "отливали" бумагу, а также водяные знаки – *филиграни*, которые дают возможность более точно датировать написанные на ней тексты. Историю бумаги в России успешно изучали К.Я. Тромонин, Н.П. Лихачев, а позже – С.А. Клепиков¹². Они же составили специальные альбомы с изображениями филиграней основных производителей бумаги – хорошее подспорье в палеографических исследованиях.

Что касается пергамена и бересты, то они, уступив свою роль бумаге, время от времени все же использовались для создания различных текстов вплоть до конца XIX в. Сохранилось определенное количество поздних документов, написанных на пергамене (в основном грамоты и дипломы на чины и звания). Известны и берестяные книги XVIII – нач. XIX вв., но их единицы. Берестой как материалом для письма

---

¹² Тромонин К.Я. Знаки писчей бумаги. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамматы, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844; Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891; Он же. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I–III. СПб., 1899; Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959.

пользовались крестьяне отдаленных, глухих мест России (Север, Сибирь и др.).

Помимо пергамена, бересты и бумаги, в русской письменности в качестве ее материальных носителей весьма широко использовались и другие материалы. Это дерево, глина, камень, металлы и ткани. На них делались короткие тексты-надписи. На изделиях из дерева и глины надписи исполнялись обычным уставным или же полууставным письмом, а на изделиях из камня, металлов и тканей – преимущественно вязью.

Тексты на пергамене и на бумаге, а в более позднее время и на бересте, писали *чернилами*, которые получили название железо-галловых. Эти чернила изготавливались на основе кислой жидкости с добавлением в нее дубовых орешков или ольховых стружек, кусочков ржавого железа и клеящего вещества. Кроме того, в рецептуру изготовления чернил входили семена гвоздики (для уменьшения вязкости). Эти чернила обеспечивали длительную сохранность письма и не были утомительными для глаз читателей. Их цвет был золотисто-коричневый разной степени интенсивности.

Для создания текстов на основных носителях, помимо чернил, использовалась еще *киноварь* и различные краски. Киноварью писали "красные строки", т.е. начальные слова (или же начальные буквы слов – инициалы), а также сигнальные слова в богослужебных книгах. Краски использовались для написания орнаментированных инициалов. Киноварь и различные краски получали из минерального и растительного сырья¹³.

На пергамене и на бумаге, наряду с чернилами, киноварью и красками, иногда использовалось золото ("твореное", жидкое, или же листовое). Главным образом, оно применялось при создании аристократических книг. Золотом в этих книгах писали заголовки и инициалы, а в текстах ставили строчные знаки. В

---

¹³ Об этом см.: Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935.

отдельных случаях золото использовалось и для написания части текста, как, например, в "Изборнике Святослава" 1073 г.

Вплоть до середины XIX в. тексты на пергамене и бумаге (а также на поздней бересте) писали гусиными перьями. Многокрасочные орнаментированные заголовки и инициалы рисовали, вероятно, тонкими кисточками. С начала XVI в. в русской письменности на бумаге стали использовать карандаши. Во второй половине XVIII и в XX вв. они употреблялись весьма часто, главным образом, в бытовой переписке. Карандашами нередко делались и различного рода пометы на уже существующих текстах. Широкого применения в русской письменности они не получили. Тексты на древней бересте исполнялись металлическими писалами без применения чернил, методом простого нажима¹⁴. Подобными же инструментами писали и на изделиях из глины (например, на пряслицах). Надписи на дерево наносили различными красками или же вырезали режущими инструментами, а на камне – специальными резцами. Более тонкими режущими инструментами тексты исполнялись на металлических изделиях (в том случае, если они не отливались). Надписи на тканях (плащаницы, одеяния церковных иерархов и т.п.) вышивались с помощью иглол и различных нитей, в том числе – серебряных и золотых. Это делали женщины.

Особые надписи, сохранившиеся на стенах внутри храмов – *граффити* – по большей части процарапывались случайными предметами, однако, в отдельных случаях они исполнялись красками профессиональными мастерами¹⁵. Красками же исполнялись тексты на иконах и фресках. Что касается различных надписей на печатях и монетах, то они либо оттискивались, либо чеканились.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2003

¹⁴ Медведев А.Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Сов. археология. 1960. № 2. С. 63–88.

¹⁵ См.: Рыбаков Б.А. Русская эпиграфика X–XIV вв. С. 43 и др.

Для создания текстов книг на пергамене и на бумаге применялись линейки и ножички. С помощью линейек определялось зеркало текста, т.е. очерчивались линии строк и полей, а с помощью ножичка производилась подчистка ошибочно написанных букв и подготовка к письму перьев. Различного типа линейки использовались также при создании текстов на твердых материалах. Применялись и некоторые другие инструменты (шильца, например, для разметки строк и пр.).

Материалы и принадлежности русского письма являлись той основой, на которой развивалось и совершенствовалось его искусство, его графика и оформление текстов. На каждом из видов материалов создавались прекрасные образцы письма, нередко представлявшие собой настоящие произведения искусства.

3. ОБЩИЙ ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

За более чем тысячу лет в России было создано огромное количество памятников письменности: самых разнообразных грамот, текстов-надписей на твердых материалах, свитков (столбцов) и рукописных книг. Так как кириллический алфавит удачно соответствовал грамматическому и фонетическому строю русского языка, то научиться писать (и читать написанное) было нетрудно. Поэтому и в средневековой Руси, X–XVI вв., и в России нового времени, XVII–XIX вв., умели писать представители разных социальных слоев – князья и бояре, служители церкви и купцы, ремесленники и крестьяне. Они оставили для нас свои письменные труды и эксперименты.

Хотя в известном выражении "рукописи не горят", в действительности они не только горят, но и гибнут по многим другим причинам – от естественного износа, от небрежения владельцев, а также от умышленного уничтожения. Ведь в рукописи могли быть и нежелательные для кого-то тексты... К счастью, несмотря на многовековые испытания, в архивах,

в библиотеках и музеях России сохранилось великое множество драгоценных памятников русской письменности. Они служат нам незаменимым источником при изучении русского языка, литературы, истории государства, Русской Православной церкви и народной жизни в целом. По древним текстам ученым удалось установить также дипломатические контакты Древней Руси с другими народами и государствами.

Ранние памятники русской письменности, XI–XIII вв., создавались преимущественно на пергамене, материале прочном, но дорогом. Для письма использовали также бересту, дерево, камень, отливали слова на металлах и вышивали на тканях. Древнейшей, известной ученым на сегодняшний день кириллической надписью считается слово "горухша", вырезанное на глиняной корчаге середины X в. Она была найдена археологами в окрестностях Смоленска в 1949 г. Сохранились также весьма многочисленные надписи на стенах древнейших православных храмов. Ранние из них – в Софийском соборе Киева середины XI в. и в Новгородском Софийском соборе второй половины XI в.

Подлинных текстов, написанных на пергамене, сохранилось мало. По своему содержанию это, в основном, жалованные, договорные и духовные грамоты. Написаны они от имени князей или же церковных служителей. Самой ранней подлинной грамотой на пергамене считается "Жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю". Она датируется 1130 г. В своих духовных грамотах (завещаниях) составители давали указания относительно оставляемого имущества или дальнейших политических действий своим приближенным и духовным лицам. Договорные грамоты содержат условия договоров, главным образом, между князьями¹⁶.

---

¹⁶ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Особый тип грамот – грамоты на бересте. Они впервые были обнаружены археологами в Новгороде в 1951 г. В этих грамотах содержатся ценные сведения о жизни и быте новгородцев XII–XIV вв.¹⁷ К настоящему времени найдено около 900 таких грамот. Они убедительно свидетельствуют о широком распространении грамотности среди простых жителей древнего Новгорода. На основании новгородских берестяных грамот мы можем предположить, что читать и писать умели и в других городах средневековой России. Тексты большинства берестяных грамот опубликованы, а их изучение продолжается. Будем ожидать новых находок¹⁸.

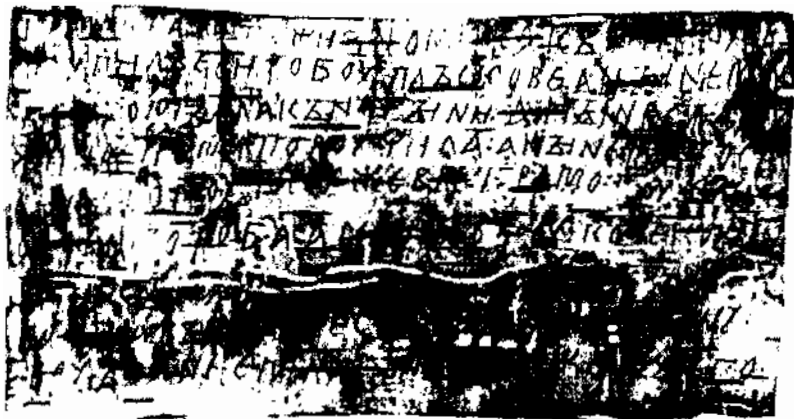
Ранние памятники русской письменности вызывают огромный интерес ученых. Грамоты на пергамене хорошо изучены историками и лингвистами и опубликованы. Были свои кропотливые исследователи и у берестяных грамот: А.В. Арциховский, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, Л.П. Жуковская и др. Огромный вклад в открытие и изучение берестяных грамот внесли замечательные специалисты-современники – В.Л. Янин и А.А. Зализняк. Различные надписи также часто становятся объектом пристального внимания крупных ученых; много усилий для их изучения приложили А.С. Орлов, Б.А. Рыбаков и А.А. Медынцева.

В XV в. на Руси появились документы, написанные в виде *свитков*, узких полосок бумаги, свернутых в трубку. При княжеских дворах и при епископских кафедрах, а также на местах в это время стали возникать канцелярии, ведающие делопроизводством. В этих канцеляриях работали государст-

---

¹⁷ См.: Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

¹⁸ См. о сенсационной находке в 2000 г. при раскопках в Новгороде деревянных досок, датируемых ок. 1050 г., с отрывками Псалтыри, написанными кириллицей: Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3–25.

Берестяная грамота

венные служащие – дьяки и подьячие, которые вели записи самых разнообразных текущих дел по управлению населением и судопроизводству. Как мирские, так и церковные власти сталкивались с необходимостью записывать важные факты повседневной жизни, и объем записей все возрастал. Решение какого-либо дела уже не помещалось на одном листе бумаги. На челобитную, поступившую в канцелярию, необходимо было ответить, но прежде следовало разобраться с ее содержанием. Поэтому возникавшие в связи с этой челобитной (жалобой или просьбой) другие документы подклеивались к документу-основе, который должен был напоминать о сути дела. Так возникал свиток (столбец) – нередко довольно длинная полоса склеенных листов бумаги, которая неизбежно свертывалась в трубку.

На оборотах листов, в местах их склеивания, обычно ставилась *скрепа* – свидетельство подлинности документов. Столбцы постепенно накапливались в канцеляриях; их хранили, хотя работать с ними было не слишком удобно¹⁹.

¹⁹ См.: Автократов В.Н. К истории замены столбцовой формы делопроизводства тетрадной в начале XVIII в. // Проблемы источниковедения. Т. 7. М., 1959. С. 274–286.

Столбцы были важными юридическими документами, на их содержание часто ссылались при решении других дел. Из них делали выписи, которые, в свою очередь, подклеивались к другим столбцам, излагающим другие дела. "Столбцовое делопроизводство" велось довольно долго, почти до XIX в. Столбцы хранились не только в государственных, но и частных канцеляриях и архивах. Помещики, промышленники и купцы дорожили документами, в которых содержались важные для них сведения.

Столбцы – ценный исторический источник, особенно по местной истории района, города, села, поэтому они часто попадают в поле зрения краеведов. Но столбцы крупных канцелярий содержат важные сведения и общероссийского значения, чем привлекают к себе историков и многих других специалистов.

В княжеских, церковных и других канцеляриях делопроизводство велось не только в форме столбцов. Как уже отмечалось, со столбцами было трудно работать. Кроме того, далеко не все, что относилось к реальной жизни государства и общества, можно было записывать на бумаге в виде столбцов. Лучшим способом хранения важной информации были книги, в средние века – рукописные.

Памятники русской письменности в виде рукописных книг XI–XIX вв. представляют собой величайшую историко-культурную ценность. Написанные на пергамене или же на бумаге (рукописных книг на бересте известно очень мало), эти книги содержат огромный объем сведений обо всех без исключения сторонах жизни русского и других народов России на всем протяжении их истории. К сожалению, ранних рукописных книг по уже упоминавшимся причинам сохранилось немного: от XI–XIV вв. – всего лишь чуть более одной тысячи книг и фрагментов. А между тем, по подсчетам историков в XI – первой половине XIII в. книг в России было около 130–140 тысяч²⁰.

---

²⁰ См.: Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 82.

Все русские рукописные книги XI–XIX вв. можно разделить на две большие группы по социальной сфере их применения: на книги церковные и светские (мирские). *Церковные книги* – это, прежде всего, книги, связанные с ритуалом христианского культа и монастырского обихода. *Мирские книги* предназначались для удовлетворения юридических, информационных и эстетических потребностей обычных людей. По функциональному назначению и содержанию книги разделялись на два основных типа – *служебные* и для обычного чтения ("*четьи*", как говорили в старину). Служебные книги, в свою очередь, можно классифицировать по их тематике. Книги четьи подразделяются на более узкие группы по своим жанровым особенностям. И в церковной жизни, и в светской использовались по мере необходимости как служебные, так и четьи книги. Более подробно о разных категориях русских рукописных книг будет сказано ниже, сначала же следует хотя бы кратко обрисовать их внешний вид.

Русские рукописные книги, как и современные печатные, имеют разные форматы и объемы. Есть книжечки "карманного" формата и очень небольшие по объему – до ста листочков. Но есть и огромные, тяжеловесные, форматом до 40 x 30 см и объемом до 1 тыс. листов²¹. Переплеты рукописных книг изготавливались из досок, обтянутых кожей или какой-либо тканью. Начиная с XVII в., для их изготовления стали применять картон, но деревянная основа переплетов в некоторых книгах использовалась вплоть до начала XX в. Переплеты имели *жуковины* – металлические изделия разных

---

²¹ Описывая формат, т.е. длину и ширину листа рукописных книг, палеографы используют традиционные понятия: "в лист" (in folio, в размер стандартного листа), "в 1/2 листа", "в четверку" (1/4 листа), "в восьмушку" (1/8 листа) и т.д. Объем рукописи принято исчислять листами, а не страницами. При определении места какого-либо текста в книге указывают "лист" (л., правая часть разворота книги) и "лист оборотный" (л. об., левая часть разворота книги).

форм, предохраняющие переплеты от истирания, и застёжки, скреплявшие их верхние и нижние крышки. На некоторых особо почитаемых книгах сохранились дорогие окладные переплеты (т.е. наложенные поверх простого тканевого или кожаного переплета), изготовленные из драгоценных металлов и камней. Названия книг на переплетах не писали. Тексты значительного количества русских рукописных книг украшены орнаментами и миниатюрами.

Рукописная книга начала XIV в. (внешний вид)

Служебные книги светского содержания применялись в различных областях государственной и общественной жизни. Это были необходимые для судопроизводства своды законов; разрядные списки со сведениями о службе дворян; писцовые, переписные и межевые книги, содержащие данные о поселениях, их владельцах и территориальной принадлежности; книги платежные, дозорные и некоторые другие. Эти хозяйственные книги по своему оформлению скромны, их переплеты просты, как правило, без жуковин и застёжек. Они – своеобразные справочники.

В организации церковных дел также были необходимы специальные книги, преимущественно – для отправления церковных служб (богослужебные).

Наиболее распространенные книги, ирмологии, октоихи, стихирари, служебные минеи, содержали утвержденные церковью краткие изложения церковной истории, литургические тексты и распевы, повседневные и праздничные. В церковной службе также использовались библейские книги с фрагментами Ветхого и Нового Заветов – евангелия, апостолы, псалтыри. В отличие от мирских "справочников", церковные служебные книги оформлялись богато: ведь они служили не сиюминутным потребностям обычных людей, а вечным истинам. Их переплеты украшались тиснением, а иногда и драгоценными окладами, а в текстах встречаются многокрасочные орнаменты и миниатюры, выполненные искусными художниками, нередко применявшими в своей работе "твореное" или листовое золото. Богослужебные книги хранились в ризницах приходских и монастырских храмов.

Разнообразными по содержанию и оформлению являются книги четьи. Мирская четья литература, главным образом, состоит из книг исторических и историко-публицистических. Среди них – *летописи*, важнейший исторический источник. Это погодные ("из лета в лето") записи о самых разнообразных событиях мировой, общероссийской и местной истории, а также о людях, которые по тем или иным причинам вызывали интерес у летописцев. Летописи составлялись, редактировались, дополнялись, объединялись в своды и переписывались во многих центрах России – в княжеских и митрополичьих канцеляриях, в крупных монастырях и соборах. Многие списки летописей начинаются с "Повести временных лет" – древнейшего из сохранившихся памятников летописания, восходящего к первому общерусскому летописному своду, составленному в Киеве в начале XII в. (ядро же самой "Повести" включает, по мнению многих ученых, еще более ранние записи XI в.). Наи-

более ценными источниками считаются "Лаврентьевская" 1377 г. и "Ипатьевская" нач. XV в. летописи.

Летописи оформлялись, как правило, весьма скромно. Лишь одна из них, "Радзивилловская", датируемая кон. XV в., украшена миниатюрами. Зато "Лицевой летописный свод" второй половины XVI в., сохранившийся в десяти томах солидного формата и объема, содержит свыше шестнадцати тысяч высокохудожественных миниатюр.

Летописи активно изучались и изучаются в настоящее время. Особое внимание им уделяли такие видные историки, как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, А.А. Шахматов, М.Н. Тихомиров, Д.С. Лихачев и многие другие ученые. Важнейшие списки летописей опубликованы в многотомном издании "Полное собрание русских летописей" (СПб. Т. 1–39). Часть списков издана факсимильно, например, та же "Радзивилловская летопись".

По своим содержательным признакам к летописям при- мыкают хроники и хронографы. *Хроники* – это переводные сочинения исторического содержания. События в них излагаются от сотворения мира до времени правления того или иного византийского императора. На Руси с давних времен были известны списки переводов с греческого языка "Хроник" византийских писателей Иоанна Малалы (VI в.) и Георгия Амартола (IX–X вв.).

Что касается *хронографов*, то это также исторические сочинения, но, в отличие от хроник, в них к общемировым событиям добавлены известия по русской истории (пример тому – знаменитый "Русский хронограф" середины XV в.). Некоторые списки хронографов сопровождаются многочисленными миниатюрами.

Книги, содержащие *жития* (жизнеописания) христианских святых, были популярны на Руси среди всех слоев населения. Они предназначались как для коллективного чтения в церкви, так и для домашнего чтения. Житийный жанр рус-

ской средневековой литературы был особенно любим. И это не случайно. Житийные повести обладали, по крайней мере, тремя бесспорными достоинствами: они укрепляли православную веру читателя, просвещали его и доставляли наслаждение искусством слова. Жития рассказывали о подвигах во имя веры как светских, так и духовных лиц.

Светские герои житийной литературы – это князья и княгини, прославляемые за различные заслуги перед Русской землей: Владимир, крестивший Русь в 988 г.; его сыновья, первые древнерусские христианские мученики Борис и Глеб; князь Михаил Черниговский, убитый в Золотой Орде в 1246 г. вместе со своим боярином Феодором; выдающийся военачальник Александр Невский; княгиня Ольга, первая христианская правительница на Руси, и многие другие политические и культурные деятели.

Среди наиболее почитаемых духовных лиц, жития которых переписывались и читались в России вплоть до конца XIX в., много известных имен. Это Феодосий Печерский – основатель Киево-Печерского монастыря, центра духовной и книжной культуры Древней Руси; преподобный Сергей Радонежский, основатель Троице-Сергиева монастыря и политический деятель, укрепивший русских князей на борьбу с татарским игом; московский митрополит Алексий – чудотворец и духовный лидер молодого княжества московского в XIV в.; митрополит Филипп, жестоко убитый Малютой Скуратовым; северные подвижники Зосима и Савватий Соловецкие и многие другие русские святые.

Из переводных житий широко распространялось, например, "Житие Николая, архиепископа Мирликийского". Николай Угодник, как его называли в просторечии, стал покровителем путешествующих и мореплавателей, культ его сложился на самых ранних этапах христианизации русских земель.

Книгописцы с особым вниманием и тщательностью относились к работе с житийными книгами. Среди них выделя-

ются прекрасные памятники книжного искусства – лицевое (иллюстрированное) "Житие Сергия Радонежского" 1592 г., "Житие Зосимы и Савватия Соловецких" XVI в. и пр. Эти книги были созданы лучшими мастерами, каллиграфами и миниатюристами, работавшими в царских и митрополичьих книгописных мастерских. В них сохранились высокохудожественные орнаменты и миниатюры.

Помимо житий, популярными у переписчиков были исторические повествования, такие как "Задонщина" и "Сказание о Мамаевом побоище", в которых рассказывается о Куликовской битве 1380 г.; "Временник" Ивана Тимофеева и "Сказание" Авраамия Палицына о событиях Смуты начала XVII в., и др.

Во множестве списков распространялись различные "слова" и "поучения" (в основном, переводные). Некоторые из этих сочинений украшены орнаментами и миниатюрами.

Большинство оригинальных памятников русской письменности и переводных сочинений мы находим в рукописных сборниках. Сборники были постоянного и непостоянного состава. К первому типу относят Прологи, Златоусты, Минеи и некоторые другие устойчивые виды книг. Древнейшим точно датированным сборником постоянного состава является знаменитый "Изборник князя Святослава" 1073 г. В нем содержатся статьи по богословию, философии, истории, географии, медицине и другим отраслям средневекового знания. Он украшен миниатюрами и рисунками, среди которых – "семейный портрет" князя Святослава со своей княгиней и сыновьями. Эта книга в 1983 г. была издана факсимильно²².

Сборники непостоянного состава более многочисленны. Они создавались по заказу для личного пользования (например, князя) или для монастырских библиотек. В их состав включались, по вкусу заказчика, самые разные сочинения –

---

²² См.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1983.

жития святых, назидательные слова и поучения, сказания об иконах, различные повести и изречения.

Особым типом сборника, весьма распространенным в русской письменности XV–XVIII вв., была книга под названием Синодик. Это очень сложный тип сборника, включавший в себя переводные сочинения византийских богословов о торжестве православия и основные чины (разряды) церковного почитания, дополненные впоследствии русскими текстами. Для палеографа особый интерес представляет, прежде всего, "Синодик-помянник", в котором, наряду с различными статьями назидательного характера, содержатся записи о поминовении усопших (или погибших) лиц разного социального положения. Записи регулярно дополнялись разными почерками²³.

С началом и распространением книгопечатания в России, с середины XVI в., рукописные книги не утратили своего значения. Во-первых, их продолжали создавать и читать, а во-вторых, – собирать уже как памятники старины, как исторические источники. Ревнители старой веры, ученые и просто коллекционеры, а со временем и сотрудники библиотек и музеев, стали разыскивать и собирать эти книги. Так складывались собрания рукописных книг – частные и государственные. К началу XIX в. образовалось несколько крупных собраний рукописных книг, в том числе и собрание графа А.И. Мусина-Пушкина, которое сгорело в 1812 г. (тогда в пожаре погиб и единственный список "Слова о полку Игореве", входивший в состав сборника XVI в.). На протяжении XIX в. собирание рукописных книг активно продолжалось. Сложились такие крупные собрания, как собрание государственного канцлера России Н.П. Румянцева, профессора МГУ М.П. Погодина, Е.В. Барсова, Е.Е. Егорова, А.С. Уварова и многих других ценителей русской старины. В настоящее время

---

²³ Подробнее о Синодиках см.: Дергачева И.В. К литературной истории древнерусского Синодика XV–XVII вв. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 63–76.

собрания рукописных книг, ранее принадлежавших разным владельцам, находятся на государственном хранении.

В XVIII–XIX вв. типология памятников русской письменности существенно изменилась и пополнилась. Появились и получили весьма широкое распространение дневники, мемуары, различные публицистические и научные сочинения нового типа, которые оседали в частных архивах землевладельцев, промышленников, купцов, служителей церкви, писателей и ученых. Часть этих архивов сохранилась и доступна для исследователей. С позиций палеографии эти материалы изучены меньше всего. А между тем они заслуживают самого серьезного внимания историков русского письма и, в частности, палеографов.

4. ЦЕНТРЫ ХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Основными центрами хранения памятников русской письменности являются архивы. Они составляли в прошлом и составляют в настоящее время сложную систему государственных учреждений, работающих на основе соответствующего законодательства. В этой системе есть специализированные архивы, в которых хранятся документы, составляющие ту или иную их разновидность. Для палеографов важны архивы, в которых хранятся документы от их древнейших образцов по XIX в. включительно.

Крупнейшим центром хранения памятников русской письменности является Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Это очень сложный по структуре своих фондов архив. В нем сосредоточены документы, ранее принадлежавшие разным государственным и церковным учреждениям. Здесь не только документы "древние". Преобладают в этом архиве материалы, относящиеся к XVII–XIX вв. Помимо этого архива, множество памятников русской письменности хранятся в областных и районных архивах²⁴.

---

²⁴ См.: Государственные архивы СССР. М., 1989; Документы ГАФ СССР в библиотеках, музеях и научно-отраслевых архивах. М., 1991; Ис-

Огромное количество памятников русской письменности хранится также в отделах рукописей различных библиотек. Самыми крупными центрами хранения документов, важных для палеографов, являются Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) в Москве, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) в Санкт-Петербурге, Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (ОР БРАН) в Санкт-Петербурге. Немало ценных памятников русской письменности находятся в отделах рукописей областных и ведомственных библиотек.

Многочисленные памятники русской письменности собраны в различных музеях России, крупнейшим из которых является Государственный исторический музей (ГИМ). В двух его отделах, Отделе письменных источников (ОПИ) и Отделе рукописей (ОР), находятся ценнейшие документы и собрания рукописных книг. В этом музее большая коллекция и многих других памятников русской письменности – монет, печатей, икон с надписями, предметов из дерева, камня, металлов и тканей, на которых имеются самые разнообразные надписи. Такие же по характеру памятники хранятся в областных и краеведческих музеях. Часть из них можно видеть на выставках.

Различные памятники русской письменности находятся в зарубежных библиотеках и научных центрах.

Крупные архивные центры памятников русской письменности издают свои путеводители, в которых содержатся сведения о составе и происхождении хранящихся в них материалов.

тория Русской Православной церкви в документах региональных архивов России. Аннот. справочник-указатель. М., 1993; История Русской Православной церкви в документах федеральных архивов России, архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Аннот. справочник-указатель. М., 1995.

В архивах, библиотеках и музеях идет кропотливая работа по систематизации и описанию памятников письменности. Архивные документы группируются в особые фонды, которые имеют свои названия и номера. Рукописные книги объединяются в собрания, которые также имеют свои названия. На архивные фонды составляются описи, а на собрания рукописных книг – описания. В большинстве случаев описи фондов и описания рукописных книг существуют в машинописном (и даже в рукописном) виде. Однако значительная часть описаний рукописных книг опубликована²⁵.

Во всех центрах хранения в качестве составной части справочного аппарата создаются еще и карточные каталоги. По своему характеру они весьма разнообразны: предметные, именные, универсальные и др. В основном они носят вспомогательный (служебный) характер. В процессе обработки архивных материалов карточные каталоги в соответствующих центрах хранения систематически пополняются.

Архивы, библиотеки и музеи помимо того, что они хранят и обрабатывают свои памятники письменности, также готовят их к изданию. Для палеографии важны факсимильные издания памятников письменности, они дают возможность исследовать письмо памятника без обращения к подлиннику, который, как правило, малодоступен. К настоящему времени факсимильно издано значительное количество наиболее ценных памятников русской письменности: "Остромирово евангелие" 1056–1057 гг., "Изборник Святослава" 1073 г., "Радзивилловская летопись", частично – "Лицевой летописный свод" и др.

Центры хранения памятников русской письменности одновременно призваны быть и центрами палеографических исследований. Если на исторических и филологических фа-

---

²⁵ См.: Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / Сост.: Н.Ф. Бельчиков, Ю.К. Бегунов, Н.П. Рождественский. М.; Л., 1963.

культетах вузов палеография значится как учебная дисциплина, то здесь она выступает как дисциплина научная. Однако это в теории. В действительности же центрам хранения памятников русской письменности еще предстоит стать настоящими центрами палеографических исследований.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ТИПОЛОГИЯ И ИСКУССТВО РУССКОГО ПИСЬМА

1. РУССКОЕ УСТАВНОЕ ПИСЬМО

Древнейшие сохранившиеся до нашего времени памятники русской письменности написаны *уставом*. О специфике устава существует обширная научная библиография. По словам В.Н. Щепкина, устав "есть медленное и торжественное письмо", имеющее "отчетливый архитектурный характер линий и незначительное количество сокращений"¹. Это – самая общая характеристика русского уставного письма. Суммируя наблюдения палеографов, Л.В. Черепнин дополнил эту характеристику более конкретными признаками: "В уставе, как правило, буквы писались прямо, перпендикулярно к строке, с правильными линиями и округлениями, ровным нажимом, одна буква отдельно от другой и большей частью на равном расстоянии друг от друга без деления на отдельные слова"². В учебниках и пособиях по палеографии приводятся образцы начертания букв в различных рукописях, написанных уставным письмом, а также примеры лигатур и сокращений. Отмечается также специфика выносных букв, строчных и надстрочных знаков и т.д.

Рассматривая русское уставное письмо, ученые справедливо отмечали, что на протяжении времени оно не оставалось неизменным. Более того, уже в период XI–XII вв. устав не был строго однородным. Так, Н.М. Каринский выделял среди почерков XI–XII вв. "беглые" почерки, "широкое", "уз-

---

¹ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1999. С. 117.

² Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 151–152.

кое" и "скошенное" письмо³. По отношению к тому же временному периоду Л.В. Черепнин, ссылаясь на В.Н. Щепкина, отмечал появление и даже распространение "делового устава"⁴. По словам Н.М. Каринского, во время господства устава, т.е. в XI в., появляется "прототип полуустава", который "мог бы стать прототипом скорописи"⁵. О наличии "тенденций" к полууставному письму в рукописях XI в. и, в частности, в письме "Остромирова евангелия" 1056–1057 гг., писала Е.Э. Гранстрем⁶. В XI–XII вв. "существование двух параллельных главных типов письма: каллиграфического устава и обычного (некаллиграфического) письма" отмечал В.А. Мошин⁷. О полууставных почерках XI в. М.В. Кукушкина писала – "возникший из византийского унциала, славянский кириллический устав на русской почве видоизменился и из классического письма уже с XI в. превратился в разные полууставные почерки..."⁸. Применительно к XIII в. существенные изменения в уставном письме находил В.Н. Щепкин. По его словам, с этого времени буквы уставного письма "теряют симметричный характер", "появляются их многочисленные варианты". В то же время появляется "новый стильный почерк", который переходит в XIV в., появляются полуустав и скоропись. Но и в XIII, и в XIV вв. продолжают существовать "более квадрат-

---

³ Каринский Н.М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925. С. 7–8.

⁴ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 158.

⁵ Каринский Н.М. Указ. соч. С. 7.

⁶ Гранстрем Е.Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // ТОДРЛ. Т. X. М.; Л., 1954. С. 431.

⁷ Мошин В.А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Метод. пособие по описанию славяно-русских рукописей для "Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР". Вып. I. М., 1973. С. 49.

⁸ Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 121.

ные простые почерки". В начале XV в. появляется "манерный литургический устав"⁹.

Из приведенных выше данных, характеризующих русское уставное письмо и начальный этап письма полууставного, можно сделать следующие выводы:

1. Древнейший устав – это медленное и торжественное письмо, буквы которого писались прямо, перпендикулярно к строке, с правильными линиями и округлениями;

2. В этом уставе встречаются "беглые" почерки, "скошенное" письмо, "прототип полуустава" и даже "полууставные почерки";

3. С начала XIII в. графика уставного письма приобретает новые черты, не свойственные древнейшему русскому уставу.

Важно отметить еще три момента, на которые в свое время обратил внимание В.Н. Щепкин: и в XIII, и в XIV вв. продолжали существовать традиционные почерки, в XIII–XIV вв. появляется "новый стильный почерк", а в XV в. – "манерный литургический устав".

В палеографическом альбоме епископа Саввы, помимо факсимиле отдельных страниц различных рукописей, приведена таблица начертания букв, в том числе и уставных. Из этой таблицы видно, насколько разнообразными были буквы уставного письма XI–XIV вв.¹⁰ Варианты начертания букв кириллического алфавита в XI–XIII вв. приведены и в учебнике русской палеографии Л.В. Черепнина. В отличие от епископа Саввы, Л.В. Черепнин не указывал, из каких рукописей взяты варианты, но в данном случае это не так важно; важно другое, а именно, – и в XI, и в XII, и в XIII вв. буквы уставного письма писались неодинаково¹¹. Обе эти таблицы являются убедитель-

---

⁹ Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 116–130.

¹⁰ См.: Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки XI–XVII века. Издал Савва, епископ Можайский. М., 1863. Табл. VIII.

¹¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 154–155.

ным подтверждением вывода Н.М. Каринского о том, что уже в XI в. можно отметить около 30 различных уставных почерков¹².

Приведенные факты свидетельствуют о том, что русское уставное письмо XI–XII вв. далеко не всегда было "торжественным". Его буквы не обязательно писались прямо, перпендикулярно к строке и имели правильные линии и округления. Кроме того, в уставном письме XI–XII вв. встречаются довольно многочисленные варианты начертания букв: от строгих вертикальных, приближающихся к квадрату, до "небрежных", скошенных и вытянутых. Имелись и многочисленные варианты начертания отдельных элементов букв как в одном, так и в другом случае. Нередко индивидуальные почерки писцов настолько своеобразны, что не совсем подходят под известные определения уставного письма. Так, например, почерки "Изборника" 1076 г., "Миней служебных" 90-х годов XI в. и "Архангельского евангелия" 1092 г. не являются торжественными по сравнению с почерками книгописцев "Остромирова евангелия" 1056–1057 гг., "Изборника Святослава" 1073 г. или же "Мстиславова евангелия" кон. XI – нач. XII вв. Однако эти различия не выходят за рамки главных (характеризующих) признаков устава, и, следовательно, не дают оснований не считать почерки "Изборника", "Миней" и "Архангельского евангелия" уставными¹³.

Из приведенных наблюдений палеографов ясно, что русское уставное письмо – явление весьма сложное. Появившись на Руси в IX–X вв., оно уже в XI в. не было одинаковым в своих частных проявлениях. Но как долго оно существова-

---

¹² Каринский Н.М. Указ. соч. С. 8.

¹³ М.В. Кукушкина, исходя из размера букв как определяющей характеристики типа письма, считает, что письмо ряда рукописей XI в. "даже с натяжкой не назовешь уставом". (См.: Кукушкина М.В. Указ. соч. С. 122.) Однако величина букв не может служить главным критерием в определении типа письма. В любом случае следует учитывать несколько решающих признаков.

ло? Этот вопрос далеко не праздный. А между тем, в специальной литературе однозначного ответа на него нет. Так, во второй половине XIX в., при описании собраний рукописных книг, когда было необходимо отметить тип письма конкретных памятников письменности XV–XVII вв., ученые нередко считали возможным определять это письмо как уставное. В качестве примеров подобной ситуации можно привести определения типов письма в известном труде А.В. Горского и К.И. Невоструева "Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки". Письмо "Евангелия" 1355 г. авторами определено как "чистый" устав, письмо "Евангелия" 1409 г. – "крупный и красивый устав", письмо "Евангелия" XV в. – "устав", "Апостола" XVI в. – "красивый устав", "Евангелия" XVII в. – "самый крупный и превосходный устав"¹⁴.

Подобные определения типа письма имеются также в описаниях рукописей А.И. Хлудова, А.С. Уварова¹⁵ и других собраний. Определялось как уставное и письмо некоторых поздних рукописных книг при их характеристике. Так, в предисловии к публикации заставок и миниатюр "Евангелия" 1507 г. А.Ф. Бычков отмечал, что письмо этой книги "довольно красиво в уставном почерке и менее правильно в полууставном, который он (книгописец – *И.Л.*) употребил в надписях под изображениями евангелистов"¹⁶. Один из виднейших русских палеографов Е.Ф. Карский писал, что "уставное письмо по нашим рукописям можно проследить с начала письменности по XVII век"¹⁷. Советский историк письма В.А. Ист-

---

¹⁴ См.: Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. I. Ч. I. М., 1855. С. 220, 227, 264, 283, 316 и др.

¹⁵ Попов А.Н. Описание библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. С. 55, 58 и др.; Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А.С. Уварова. Ч. I. М., 1893. С. 14 и др.

¹⁶ Заставки и миниатюры Четвероевангелия 1507 г. С предисловием А.Ф. Быčkova. СПб., 1880. С. 3.

¹⁷ Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 169.

рин считал, что "древнейший русский почерк – устав... применялся до XV–XVI вв."¹⁸ Видная советская исследовательница русской средневековой книги и письменности М.В. Кукушкина также считает, что уставное письмо в России применялось вплоть до конца XVII в. В своей книге о монастырских библиотеках Русского севера она, анализируя конкретные книги XVI–XVII вв., пишет об их уставном письме¹⁹.

Иное решение вопроса о времени существования русского уставного письма было предложено В.Н. Щепкиным и вслед за ним некоторыми другими палеографами. В.Н. Щепкин полагал, что "устав во всех разрядах письменности в известную эпоху вытесняется полууставом и с этого момента сохраняется только искусственный устав и то в ограниченном употреблении – в роскошных каллиграфически исполненных литургических памятниках"²⁰. Эту же мысль почти дословно повторили Н.С. Чаев и Л.В. Черепнин²¹. Рассматривая вопрос о "скорописании" и скорописи, Н.Н. Розов пришел к выводу, что устав и скоропись не применялись в одно и то же время, "этим двум типам письма не пришлось существовать одновременно: к моменту появления скорописи устав был уже вытеснен полууставом"²². Таким образом, верхняя грань применения русского уставного письма в научной литературе определяется весьма нечетко.

В процитированных выше словах В.Н. Щепкина не совсем понятно выражение "в известную эпоху". Судя по всему, речь идет о XIV–XV вв., однако, эту фразу можно понимать и иначе. Не вполне ясна точка зрения того же автора в отношении понятия "искусственный устав", который, по его словам,

---

¹⁸ Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 490.

¹⁹ Кукушкина М.В. Указ. соч. С. 77, 78, 110, 119 и др.

²⁰ Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 117.

²¹ Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1947. С. 131.

²² Розов Н.Н. Скорописание или скоропись? (Об уточнении термина) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. II. Л., 1969. С. 143.

сохранялся и в более позднее время "в роскошных, каллиграфически исполненных литургических памятниках". Сейчас хорошо известно, что от XI–XII вв., т.е. от времени господства "классического" уставного письма, сохранились, главным образом, "роскошные" литургические памятники. Это "Остромирово" и "Юрьевское" евангелия, "Чудовская псалтырь", "Мстиславово евангелие" и подобные книги. Н.М. Каринский с полным основанием писал о том, что "до нас дошли (от XI–XII вв. – *И.Л.*) по преимуществу рукописи роскошные, которые особенно тщательно хранились"²³. В чем отличие "искусственного" устава от "неискусственного" по имеющимся рукописям и замечаниям в научной литературе определить не удастся.

Установить точное время активного бытования русского уставного письма представляется весьма сложной исследовательской проблемой, которая неразрывно связана с другой, относящейся к самой сущности устава. В самом деле, если, по мнению одних ученых, уставное письмо применялось в России вплоть до XVII в. включительно, а, по мнению других, – "до известной эпохи", после чего оно вытесняется полууставом; если сохранившиеся от XI–XII вв. рукописи имеют, главным образом, "роскошный" и литургический характер и если в подобных рукописях позднейшего времени применялся "искусственный" устав, то что же тогда уставное письмо вообще?

Известный русский лингвист и палеограф И.И. Срезневский считал, что в XIV в. произошло "образование особого собственного русского уставного красивого почерка"²⁴. К сожалению, И.И. Срезневский не проследил развитие этого "почерка" на протяжении последующего времени, но есть множество фактов, свидетельствующих о существовании

---

²³ Каринский Н.М. Указ. соч. С. 6.

²⁴ Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. СПб., 1885. С. 260.

медленного, торжественного письма XV–XVI и даже XVII вв. От этого времени, как уже отмечалось выше, сохранилось значительное количество книг, письмо которых можно охарактеризовать именно этими качествами. К медленному, торжественному письму XV–XVII вв. применимы и все другие свойства устава: наличие определенных типов лигатур, сокращений и выносных букв, а также титлов и различных систем сопутствующих знаков в виде точек и их комбинаций и т.п.

Разумеется, медленное и торжественное уставное письмо XV–XVII вв. имеет некоторые отличия от письма XI–XIV вв. Прежде всего, это изменения в написании отдельных букв – Ё, И, М, Н, Ч и некоторых других. Немного изменился и общий вид письма: буквы стали более вытянутыми, их расположение на строке более тесным. Мачты большинства букв стали чуть наклонными. В качестве примеров подобного письма можно привести рукописи Синодального собрания – "Апостол" XVI в., № 13, "Служебник" того же времени, № 267, и ряд других книг. Что же касается новых свойств, то они являются объективным следствием эволюции уставного письма, начало которой уже заметно в книгах XI–XII вв.

Также как в XI–XII вв., уставное письмо XIII–XVII вв. использовалось преимущественно в рукописях богословского и богослужебного характера. Поэтому вряд ли есть основание называть его искусственным.

На протяжении XI–XVII вв. отмечают три периода развития русского уставного письма: 1) XI–XII вв. – ранний устав; 2) XIII–XIV вв. – переходный устав и 3) XV–XVII вв. – поздний устав. В раннем и переходном уставе можно выделить торжественное и деловое письмо. В деловом уставном письме равнительно легко различаются развитые и неразвитые типы почерков. В торжественном уставном письме всех трех периодов его развития следует различать изысканные (изящные) и ординарные (обычные) типы почерков. И та и дру-

ВЛАДЪ ПРЕДАЛА АНГЪ. ОНИЖЕ ПОСТАВІ
ША ЧААУ. ТРИДЕСЯТИ СЕРЕБРЯНИ
ИЗЪ МОУ ТРАТНИСКОЯ ШЕКРЕМНЕ. ПА
ДОВАНА. ДАЮГО ПРЕДАСТЬ.

ВЪВЛНІКІНУЕТЪ РТЪ КЪ ЗАУ.

ѲУА. 200 1921.

ЗОПОВРЕ. ИОНЕАНЖАШЕСА ПРАЗ
ДНИИСТ. ПОТЕНІСЪ НАРЦАЕ
ЛЪ И ПАСХА. И НЕКА ДОУ АРХМЕ
РЕННИИ И ЖЪ И ИЦН. КАКОГО
БЪША ОУЧЕНА И. БОМА ДОУ БОСА
ЛНДНИ. ВЪ И НАДЪЖЕТО НАКАНИ
ДОУ. НАРНИЖАЛААГО ИСКАРНОТА.
СОУЩА ОУТНІСЛАДЪ И НАДЪСАТЕ. И
ШЪДЪЖЕГЛАА. ИВЕРІАЛЪ. И КОЮКО
ДАЛАДЦРІКЪ И ТНІАЛЪ. КАКОГО
ПРЕДАСТЬ ИАЛЪ. НЕЗДАДОБЛАША
СА. И СЪБЪЩАША ИААУДАТИ СР
БЕ. И ИПОБЕДА. И ИСАИИ ПОДА
БНАВЪСАСН. АЛІТРОИСТАСТАН
ЛЪ. НЕЗНАДА. ПРИЖЕДНІО

гая разновидности уставного письма могут характеризоваться как квадратное, вытянутое, скошенное письмо, что подтверждается анализом конкретных рукописных памятников. Эти признаки следует считать индивидуальными особенностями почерков писцов, а не русского уставного письма в целом ²⁵.

Развитие делового устава XI–XIV вв. вело к появлению и все большему распространению письма полууставного, которое пришло на смену деловому уставу уже в XV в. Торжественное уставное письмо существовало вплоть до XVII в. включительно, однако сфера его применения все более и более сужалась. На смену ему шли два новых типа письма: полууставное и скорописное.

2. РУССКОЕ ПОЛУУСТАВНОЕ ПИСЬМО

Так же как и уставное, русское *полууставное письмо* уже давно привлекает внимание палеографов, однако считать его хорошо изученным, достаточных оснований пока нет.

Понятие "полууставное письмо" сложилось в результате сравнения лучших образцов раннего ("канонического") устава с письмом, в котором графика кириллического алфавита существенно изменена, а в строке намечаются признаки словоделения. В полууставном письме буквы теряют "архитектурность"; в нем больше сокращений, выносных букв и лигатур. По традиции русское полууставное письмо можно разделить на три разновидности: старший полуустав (XV–XVI вв.), младший (XVII–XVIII вв.) и поздний полуустав (XIX в.). Это деление следует хронологическим изменениям полуустава.

Старшее полууставное письмо еще очень близко к письму уставному, особенно к его разновидности, которая

---

²⁵ Подробнее см.: Лёвочкин И.В. Русское уставное письмо и его хронологические параметры // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XV. Л., 1983. С. 72–78.

определяется как "деловой" устав. Младший и поздний полуустав ближе к скорописи или же к некоторым печатным шрифтам²⁶. Независимо от хронологических периодов, в полууставном письме можно выделить два его типа: деловое и каллиграфическое. Деловой полуустав применялся в обычных, массовых книгах, а каллиграфический – в книгах, изготовленных по особым заказам. Впрочем, каллиграфическое полууставное письмо встречается и в книгах массовых, но это уже было связано с талантом книгописцев.

По отношению к русскому полууставному письму в научной и учебной литературе обращает на себя внимание одна особенность. Она состоит в том, что формирование этого письма на русской почве связывают с влиянием извне. Так, А.И. Яцимирский писал о значительном влиянии на русский полуустав письма молдавских рукописей XV в.: "Мы говорим о русских, точнее, московских рукописях начала XVI века"²⁷. В.Н. Щепкин полагал, что на русское полууставное письмо XV–XVI вв. значительное влияние оказал один из тырновских (болгарских) почерков, который "в 16-м веке ... стал любимым каллиграфическим почерком лучших великорусских писцов, привился в новгородской школе Макария, а в Москве, в школе Грозного"²⁸. В связи с приведенными высказываниями прежде всего возникает вопрос: почему русское письмо, имеющее на тот момент пятисотлетнюю традицию самостоятельного развития, вдруг начинает испытывать серъ-

---

²⁶ Следует признать, что окончательное решение вопросов о разделении позднего устава и раннего полуустава (как и разделения позднего полуустава и скорописи), а также истоков и образцов печатных шрифтов современная палеография выносит за пределы формального анализа типа письма. Возможно, более эффективным здесь будет литературоведческий или культурологический подход.

²⁷ Яцимирский А.И. Григорий Цамблак: очерки его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904. С. 384.

²⁸ Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 140.

езное влияние молдавского или болгарского письма и насколько убедительны эти высказывания?

Говорить о сколько-нибудь заметном влиянии молдавского письма XV в. на письмо московских или каких-либо других русских рукописных книг первой половины XVI в. всерьез не приходится. Славяно-молдавских рукописей XV–первой половины XVI в. в России того времени, вероятно, не было вообще. Но даже если они и были, то их количество исчислялось единицами. Думается, что русское уставное и полууставное письмо XIV–XV вв. само оказало большее влияние на письмо славяно-молдавское того же времени, чем наоборот.

Более серьезным является вопрос о влиянии "тырновских почерков". В 1915 г. П.А. Лавров опубликовал работу, в которой провел обстоятельный анализ практически всех наиболее распространенных почерков тырновских рукописей. Эта работа сопровождается снимками с образцами почерков, что дает возможность для их сравнения²⁹. Из современных исследователей письмом болгарских рукописей XIV в. занимались Е. Коцева³⁰, О.А. Князевская³¹ и некоторые другие ученые. На основании опубликованных исследований можно сделать два главных вывода: во-первых, тырновские рукописи написаны либо уставным, либо полууставным письмом; во-вторых, тырновские уставные и полууставные почерки характеризуются большим разнообразием.

Какой же из весьма многочисленных тырновских почерков стал, по словам В.Н. Щепкина, "любимым каллигра-

---

²⁹ См.: Лавров П.А. Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4/1. СПб., 1915. С. 137–166.

³⁰ Коцева Е. Александрийско-попгерасимово письмо в български ръкописи от втората половина на XIV в. // Старобългарска литература. София, 1971. Кн. I. С. 369–401.

³¹ Князевская О.А. Описание Норовской псалтыри // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 121–142.

фическим почерком великорусских писцов" и стал ли он таковым вообще?

Наблюдения над письмом русских рукописных книг XV–XVI вв. не позволяют утверждать, что тырновские почерки оказали на него какое-либо влияние. И еще: говорить об одном каком-либо "любимом" почерке великорусских писцов XV–XVI вв. также нет никаких оснований – слишком разнообразны и многочисленны эти почерки. Высказывание В.Н. Щепкина – это простое следование уже сложившейся традиции. Еще в конце XIX в. А.И. Соболевский писал: "... между половиною XIV и половиною XV веков русская письменность подпала под очень сильное влияние южнославянской письменности и в конце концов подчинилась этому влиянию"³². Несколько позже он утверждал: "Русский полуустав нередок в рукописях первой половины XV в. и – в виде уже особенного включения – встречается в рукописях второй половины этого столетия... Он вытесняется полууставом южнославянского типа и происхождения". И далее: "... русские заимствовали, между прочим, южнославянский полуустав в том виде, какой он имел в Болгарии во второй половине XIV в."³³ Получается нечто, по меньшей мере, странное: русское полууставное письмо в русских рукописях второй половины XV в. встречается лишь "в виде особенного исключения".

К сожалению, высказывания о серьезном влиянии на русское полууставное письмо XV–XVI вв. письма "южнославянского" находят сторонников и в новейшее время. Изучая некоторые аспекты русской рукописной книжности XV в., Н.Н. Розов пришел к выводу о том, что в это время повсеместно наблюдается значительное оживление процесса создания

---

³² Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. Речь, читанная на годичном акте Археологического института 8 мая 1894 г. СПб., 1894. С. 8.

³³ Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908. С. 53.

и миграции книг. Во многих городах Северо-Восточной и Юго-Западной Руси создаются самые разнообразные книги, которые затем переводятся из одного центра в другой³⁴. Судя по всему, Н.Н. Розов считает, что в основе этого, действительно имевшего место факта, лежит процесс возрождения древнерусской книжности. Вместе с тем ученый пишет, что в XV в. "в Россию во время завоевания турками Балканского полуострова... хлынул... мощный поток зарубежного книжного влияния"³⁵. В этом высказывании Н.Н. Розова следует видеть всего лишь дань старой традиции. В самом деле, о каком "мощном потоке" южнославянских книг, который якобы "хлынул" в Россию в XV в., здесь идет речь? Ведь тот же А.И. Соболевский писал: "... число дошедших до нас южнославянских рукописных книг XI–XVII веков сравнительно очень невелико"³⁶. И этот вывод справедлив: численность сохранившихся рукописей южнославянского происхождения действительно очень невелика по сравнению с численностью книг, созданных в России.

Известно, что в конце XIV в. начался процесс возрождения культуры Древней Руси, понесшей большой урон в XIII в. в результате татаро-монгольского нашествия. Этот процесс еще очень слабо изучен. Однако уже ясно, что возрождение означало и активизацию переписывания древнерусских книг. Если внимательно проследить развитие русского письма с XI по XVI в., то можно обнаружить следующее: русское уставное письмо XI–XV вв. закономерно трансформируется в письмо полууставное, хотя и продолжает свое существование вплоть до XVII в. При этом весьма многочисленные почерки русского уставного письма сменяются еще более многочисленными почерками письма полууставного. В XV–XVI вв., вопреки

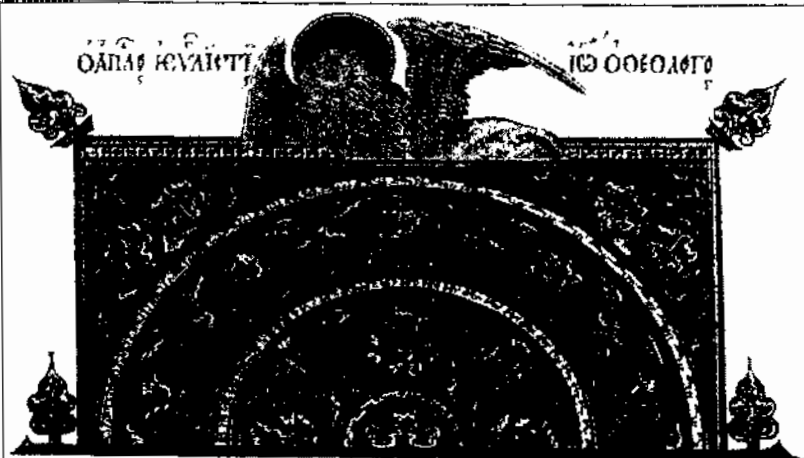
³⁴ Розов Н.Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 41–47.

³⁵ Там же. С. 44.

³⁶ Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. С. 13.

ОДНАКЪ ИСАИИ

ІСЪ ОДОЛОГО

СІОНІСТАІГЪСЪКІНІОІА.
ІАНАДОПОВЪКІНІОІА.

ВѢНАУАМЪБѢСЛОВО. ІСЛОВО
ВѢКЪБѢУ, ІБѢБѢСЛОВО.
СѢБѢІСКОННІКЪБѢУ. ВѢБѢТК
МЪБЫША. ІБЕЗНЕГО, ННУТО
ЖЕБЫ, ЁЖЕБЫ. ВѢТОМ
ЖИВОТЪБѢ, ІЖИВОТЪБѢ
СВѢТЪУАКОМЪ. ІСВѢТЪВѢТМЪ
СВѢТНІТЪ, ІТЪМАЕГОНОБЪАТЪ.
РЪІАКЪПОСЛАНЫѢА, ІМАЕМОУІОА
ВѢІТЖАІВЕАІКЖАІПАСХЫ. ІАЛІ.

мнению А.И. Соболевского, господствует русское полууставное письмо с великим множеством местных особенностей. Возрождающаяся древнерусская письменность имела свои национальные особенности, и если и испытывала какое-то влияние со стороны южнославянской письменности, то это влияние не было не только определяющим, но и сколько-нибудь заметным. То, что А.И. Соболевский и вслед за ним В.Н. Щепкин принимали за южнославянское влияние, является ни чем иным, как возрождением традиций древнерусской письменности X–XIII вв.

3. ИНИЦИАЛЫ И ВЯЗЬ

Как мы уже отмечали, в древнейших рукописных книгах первые буквы начальных слов писали иначе, чем все остальные. Они всегда были крупнее и исполнялись в иной манере. В специальной литературе эти буквы получили название *инициалов* (от латинского *initium* – "начало"). Инициалы русских рукописных книг XI–XIX вв. – исключительно сложное явление. Их всестороннее изучение – дело будущего, однако, общую характеристику и их предварительную классификацию можно предложить, и не дожидаясь специальных исследований.

В ординарных (массовых) книгах инициалы просты. Как правило, это укрупненные буквы кириллического алфавита, написанные киноварью. Такие инициалы малозаметны в книгах и не играют большой роли в их художественном оформлении. Иногда их писали в две линии, но это относится преимущественно к мачтам букв. Исполнялись они самими книгописцами. Эти простейшие инициалы наблюдаются в книгах вплоть до XIX в. включительно.

Значительная часть массовых книг имеет украшенные инициалы. Эти заглавные буквы также исполнялись более крупными по сравнению с буквами строк текста. Их украшения очень разнообразны. Простейшими украшениями являются стилизованные веточки, которые присоединялись к

нижним окончаниям мачт. Вместе с тем уже в книгах XI–XII вв. встречаются инициалы, украшенные различными более сложными орнаментами: растительными, геометрическими, комбинированными. В растительных орнаментах инициалов преобладают мотивы либо стилизованной, либо же реалистической ветки или цветка. Иногда контуры инициалов полностью изображались в виде стилизованной ветки (например, буквы В, Г, С, Р, Т и др.). Геометрические орнаменты инициалов чаще всего представляют собой жгут или же плетенку. Орнаменты инициалов этого типа нередко дополнялись элементами растительных орнаментов.

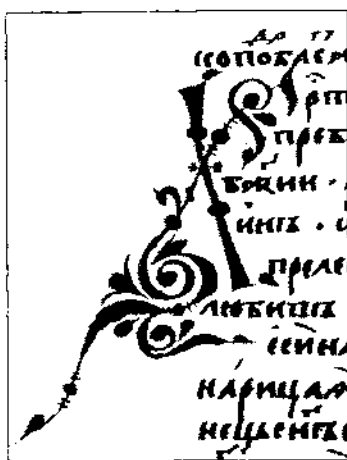
Инициалы XII–XIV вв. часто представляют собой рисунки фантастических животных и птиц. Это так называемая тератология (от греч. *Τερας* – "чудовище"). Инициалы в виде терраологических композиций, состоящих из чудовищ в переплетении их конечностей и ремней, иногда исполнялись так, что в них бывает трудно узнать ту или иную букву. Особенно сложные и изысканные тератологические инициалы встречаются в книгах новгородского происхождения³⁷.

В русских средневековых книгах можно обнаружить инициалы, представляющие собой изображения вполне реалистических животных, птиц и рыб. Например, в "Буслаевской псалтыри" XV в. в инициалах присутствует хорошо нарисованный скачущий конь. Этот тип инициалов принято называть зооморфными. Встречаются в книгах и антропоморфные инициалы, которые исполнялись в виде человеческих фигур. Иногда изображения людей в инициалах составляют какую-либо сценку, например, в инициале И две мужские фигуры, пожимающие друг другу руки, образуют сценку встречи двух знакомых³⁸.

---

³⁷ Подробнее см.: Голейзовский Н.К. Семантика новгородского тератологического орнамента // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983. С. 197–247.

³⁸ См.: Лёвочкин И.В. Инициалы XI–XVI веков. М., 1983.

Образцы инициалов русских рукописных книг

Величина украшенных инициалов различна: от 2–3 строк текста до 6–8 строк, а иногда и более. Орнаментированные и другие инициалы исполнялись несколькими красками, а в книгах аристократического типа – и с применением золота. Количество инициалов в разных книгах различно. Как правило, при строении (создании) книг украшенными инициалами не злоупотребляли, но есть книги, в которых сложные, орнаментированные или же иные инициалы представлены в большом количестве.

Инициалы в книгах выполняют две основные функции: украшают развороты книг и задают структурный ритм композиции текста. Судя по всему, орнаментированные инициалы исполнялись специальными мастерами.

Особым явлением в истории русского письма является *вязь*. Это декоративное письмо возникло в результате стремления украсить какой-либо текст, сделать его более привлекательным, "поиграть" с читателем. В основе вязи лежит кириллический алфавит, однако, реализуется он здесь по иным принципам, нежели уставное, полууставное или же скорописное письмо. Прежде всего, следует отметить, что буквы вязи в строке неодинаковой величины. Это обусловлено тем, что в строке вязного письма они располагаются не прямолинейно, а с учетом вертикали. Строка вязи может состоять из двух, трех, а в отдельных случаях и из четырех "ярусов", на которых располагаются буквы. Подобная конструкция была весьма сложна для беглого прочтения; она требовала определенных навыков и сосредоточенности у читателя.

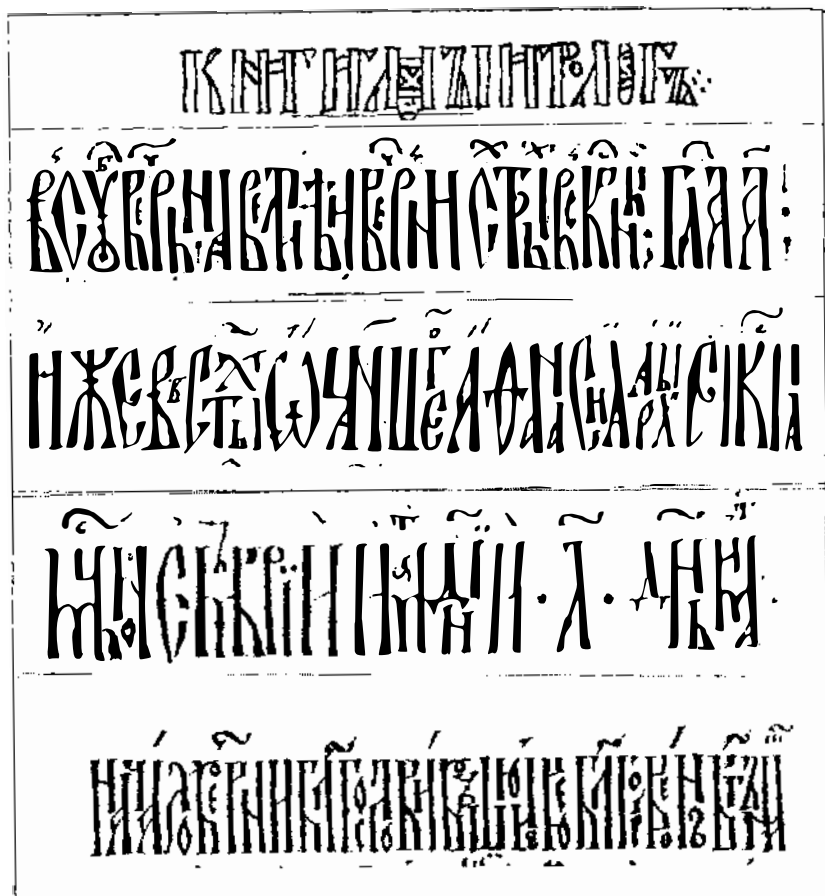
В основе вязи лежат лигатуры, т.е. соединения двух-трех букв в одном сложном искусственном знаке. Эффект достигается использованием мачты одной буквы одновременно и для другой. При этом мачты могут быть составными. Сокращения и вынос букв в вязной строке подчиняются общим с обычной уставной или же полууставной строкой правилам. Деление на слова в вязи отсутствует. В книжной письменности *вязь* использовалась лишь в том случае, если основной текст был написан полууставом. В текстах уставного и скорописного письма она, как правило, не допускалась.

Важной характеристикой вязи является показатель соотношения высоты ее букв и их ширины. Древнейшая *вязь* характеризуется низким показателем, а поздняя – высоким³⁹.

---

³⁹ См.: Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 50–65; Кондрашкина Е.С. Проблемы изучения русской вязи // Материалы XXVI Всесоюзной научн. студ. конф.

Иногда в структуру вязной строки привносятся "украшения" – тончайшие элементы растительных орнаментов. В рукописных (и в старопечатных) книгах вязь использовалась лишь для написания названий целых книг или же их отдельных частей. Как правило, вязь исполнялась киноварью, а в особых случаях (в книгах аристократического типа) – и золотом.

Образцы книжной вязи XV–XVII вв.

Помимо книг, вязь широко применялась в надписях на предметах декоративно-прикладного и изобразительного ис-

кустства: на потирах, тарелях, ковшах, на колоколах, на покровцах, плащаницах и т.п. Очень часто вязь использовалась для надписей на иконах. Принципиальных различий в вязи, исполненной на разных памятниках письменности, нет, однако, величина букв в разных случаях сильно варьируется. Наиболее крупная вязь наблюдается на памятниках художественного шитья и на различных изделиях на камне.

Инициалы и вязь в русской письменности использовались до конца XIX в. С некоторыми изменениями они перешли и в книги печатные. Вязь, в силу ее сложности, в XIX в. в книгах использовалась весьма редко, но инициалы встречаются и в книгах новейшей печати.

4. СКОРОПИСЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ПИСЬМО

Подавляющее большинство памятников русской деловой письменности XVI–XVIII вв. написано *скорописью*, которая резко отличается от письма уставного и полууставного. Но как и почему возникает этот тип русского письма?

Несмотря на то, что младший русский полуустав (XVII–XVIII вв.) оказался исключительно устойчивым и в несколько измененном виде применялся вплоть до XX в. (поздний полуустав), именно на его основе уже в XV в. возникает скоропись. Известно, что скорописное письмо возникло и стало активно применяться в связи с расширением делопроизводства⁴⁰. Но реально эту задачу можно было бы решить простым увеличением численности писцов. Несомненно, эта численность постоянно увеличивалась. Следовательно, причины возникновения и широкого распространения скорописи не только в увеличении объемов канцелярской переписки.

---

⁴⁰ См.: Розов Н.Н. Скорописание или скоропись? (Об уточнении термина) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. II. Л., 1969. См. на с. 143: "... скоропись с самого начала существования была письмом деловой письменности".

Развивающееся и усложняющееся делопроизводство носило преимущественно светский (мирской) характер. Канцелярские тексты не были рассчитаны на массовое чтение, а имели скорее частное, внутреннее назначение, они не требовали тщательного оформления. Подобные тексты не содержали вечных истин и религиозных догматов, а выполняли прикладные, сиюминутные задачи. Функциональность книги или текста в хозяйственной жизни выходила на первый план, постепенно вытесняя культурные и эстетические характеристики в сферу беллетристики. Поэтому в бурном развитии хозяйственной жизни и возникновением специфических потребностей деловой письменности следует видеть причины появления и распространения скорописного письма. Однако необходимо подчеркнуть, что книги религиозного содержания (евангелия, апостолы, псалтыри, различные богослужебные книги, жития святых и т.п.) по-прежнему создавались с использованием полууставного письма. Произошло закрепление определенного типа письма за определенными формами письменности.

Скоропись характеризуется очень большой свободой начертания всех букв кириллического алфавита, их лигатур, а также выносных букв и сокращений. Если в уставном и полууставном письме буквы пишутся на одной линии строки, то в скорописи картина иная. На горизонтальной линии строки стоят лишь отдельные буквы, а большинство их, не считаясь с этой линией, опускаются вниз за черту строки. Что касается верхних частей букв, то они, образуя причудливые лигатуры из строчных и выносных знаков, также не считаясь с некогда обязательной линией, произвольно выходят за нее, и строка получается сложной, двух- и трехъярусной. И если буквы вязи, различные по своей величине, образуют единую строку, то буквы скорописи "взрывают" строку, выходят за ее пределы.

Буквы кириллического алфавита в скорописи существенно меняют свою изначальную графическую основу, в це-

лом ряде случаев до неузнаваемости, и могут читаться только в составе слова, а иногда – просто угадываются. Ряд букв вообще обозначается лишь условными значками (например, выносные З, И, Р и др.). Н.Н. Розов справедливо писал: "Ско-рописью можно считать лишь такое письмо, в котором последовательно и радикально разрушаются графические особенности устава и полуустава"⁴¹. Общую характеристику графических особенностей скорописных букв впервые осуществили Г.Е. Есипов и И.С. Беляев⁴². В отличие от полуустава, в скорописи более определенно прослеживается раздельное написание слов.

Так же, как в уставном и полууставном письме, в скорописи наблюдается большое количество индивидуальных различий, связанных с личностью писца; в ней проявляются признаки профессионального и непрофессионального письма. Нередко встречается и каллиграфическая скоропись. Заметны также отличия в почерках писцов, работавших в разных географических центрах или получивших образование в разных книгописных мастерских и школах. Так, южно-русская скоропись существенно отличается от скорописи центральных областей России.

По сравнению с полууставом скоропись более трудное для чтения письмо. Видимо, по этой причине ей уделяется весьма значительное внимание как исследователей, так и преподавателей палеографии⁴³.

---

⁴¹ Розов Н.Н. Указ. соч. С. 140.

⁴² См.: Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии (В до-революционной России и в СССР). М., 1963. С. 64–65.

⁴³ См.: Сморгунова Е.М. Графика смоленской скорописи XVII века. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. М., 1967; Судаков Г.В. Из наблюдений над палеографией скорописи второй половины XVII в. (на материалах Государственного архива Вологодской области) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 141–151; Шульгина Э.В. Русская книжная скоропись XV в. СПб., 2000; Городилова Л.М. Русская скоропись XVII в.: Учебное пособие. Хабаровск, 1989 и др.

В конце XVIII в. скоропись постепенно начинает изменяться и приобретать более "спокойный" вид. Прежде всего, исчезают выносные буквы и сокращения слов под титлами. Исчезают и лигатуры. Формируется "*гражданское*" письмо – курсив, для которого характерно относительно "правильное" написание букв кириллического алфавита, которое, однако, существенно отличается от написания букв в уставе и полууставе ⁴⁴. Гражданское письмо – курсив XIX в., тоже скорописное, но эта "скоропись" не столь размашиста и произвольна. Это связано с тем, что появляются и внедряются в обучение письму строгие правила написания каждой буквы алфавита. На становление русского курсивного письма определенное влияние оказали и печатные тексты.

В русском гражданском письме XIX в. завершилось развитие древнего кириллического алфавита и уставного письма. Значительная часть букв получила иное начертание, не похожее на первоначальное. Изменили свою графику согласные буквы Б, В, Г, Д, З, Л, П, Р, Т, Х, Ч. Изменилось и начертание ряда гласных букв – Е, И, У и некоторых других. Другая часть букв кириллического алфавита сохранила свою древнюю графику. Это согласные Ж, К, М, Н, С, Ф, Ц, Ш, Щ, а также гласные А, О и Я. О причинах устойчивости этих букв можно говорить лишь предположительно. Вероятно, дело заключается в том, что они не нуждались в упрощении на всем протяжении их применения.

Русское гражданское письмо XIX в. заметно отличается от всех других типов письма, которые применялись в России с начала X в. Оно стало более строгим, в нем исчезли устаревшие (*кси, пси, юсы*) и выносные буквы, сокращения старо-

---

⁴⁴ См.: Берков Н.П. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст. посв. 75-летию проф. С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 36–50; Люблинский В.С. К пониманию генезиса гражданского письма // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 520–527.

го типа, а также лигатуры и буквенные обозначения чисел. Вместе с тем, в этом типе письма появились новые буквы, это Й, Ё и Э. Сложилась также система словоделения и знаков препинания, и появились ранее не известные вопросительный и восклицательный знаки. Несмотря на то, что гражданское письмо стало более единообразным, в нем, как и в других типах письма, наблюдается значительное различие в индивидуальных почерках и вариативность начертания одних и тех же знаков.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ ТЕКСТОВ РУССКОГО ПИСЬМА

1. ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТОВ РУССКОГО ПИСЬМА

Всякий *текст* (от латинского *textus* — "ткань", соединение слов) имеет смысловое содержание и реализующую его форму. Содержание текстов русского письма X–XIX вв. с разных сторон изучают историки, филологи, философы, богословы, текстологи, а также специалисты по истории книги и культуры. Оформление текстов — сфера интересов палеографов. Данные о формах текстов могут иметь решающее значение для установления даты и места происхождения памятника письменности, кроме того, они необходимы в масштабных исследованиях в области истории культуры. Оформление текстов — это, в определенной мере, реализация искусства письма.

По своему конкретному происхождению и исполнению тексты русского письма образуют сложную совокупность, которая, в свою очередь, может быть систематизирована на основании отдельных признаков.

Прежде всего, все тексты следует разделять по типу материальных носителей. По этому признаку выделяется большая группа текстов, выполненных на специальных, предназначенных только для письма материалах, т.е. на пергамене и на бумаге. Ко второй группе относятся тексты, исполненные на твердых материалах, изначально не предназначенных для письма. Эти тексты помещены на изделиях из дерева, глины, камня и металлов. Материальным носителем третьей группы текстов являются различные изделия из тканей.

Все тексты русского письма можно разделить еще и по функциональному признаку. Это тексты различных грамот, рукописных книг, делопроизводственных документов и надписей. Функциональный признак в целом соотносится с типом материальных носителей. На пергамене и на бумаге исполнялись тексты различных грамот, делопроизводственных документов и рукописных книг, а на твердых материалах и на тканях – надписи, сопровождающие основное средство художественного выражения в изделиях (рисунок, вышивку, скульптуру и пр.)¹. Что касается бересты, то ее тексты представляют собой одну из разновидностей древних грамот.

Выделение текстов по признаку их материальных носителей, безусловно, целесообразно – материалы во многом определяли форму текстов. Однако основным является признак функционального назначения соответствующих текстов. Различные грамоты, делопроизводственные документы в виде столбцов, рукописные книги и надписи – вот четыре группы текстов, оформление которых следует считать главным объектом истории русского письма и, следовательно, русской палеографии.

Формы грамот на пергамене и на бумаге различаются как по времени происхождения, так и по своему назначению. Древнейшие грамоты – это тексты, исполненные уставным письмом на отдельных листах пергамена. Формат этих грамот различен, но не велик по сравнению с грамотами XVII–XIX вв. На грамотах XI–XVI вв. укреплялись вислые печати из свинца или же из серебра. Ранние грамоты особых украшений не имели. Грамоты более позднего происхождения характеризуются большими форматами, их писали как на пергамене,

---

¹ В отдельных случаях на тканях исполнялись и тексты книг. См.: Аксенова Г.В. Русские рукописные книги на нетрадиционной основе в собраниях РГБ // Тезисы докладов и сообщений конференции молодых специалистов Росс. гос. б-ки по итогам научно-исследовательской работы за 1992 г. (22 июня 1993 г.). М., 1993. С. 16–18.

так и на бумаге преимущественно полууставным письмом. Все они скреплялись подписями и восковыми печатями и украшались орнаментами. Что касается грамот на бересте, то, как правило, это обыкновенные куски березовой коры с небрежно написанным на них текстом "делового" уставного или же полууставного письма. Вместе с тем, часть берестяных грамот оформлена весьма изящно.

Сложнее и разнообразнее оформлялись тексты рукописных книг. Листы, из пергамена или же бумаги, разлиновывались в зависимости от форматов книг. Эта разлиновка определяла зеркало текста. Горизонтальные линии указывали количество строк на листе, а вертикальные – ширину полей. Вертикальными же линиями отделялись друг от друга тексты столбцов. Разлиновка производилась без применения красящих веществ. Важнейшими элементами оформления книжного текста являются буквы алфавита, целые слова, строки и развороты книг. Как в уставном, так и в полууставном и скорописном письме, буквы кириллического алфавита в каждом конкретном случае создания книжного текста приобретали свою неповторимую выразительность. Их величина, наклоны, сочетания мачт, перекладин и дуг и, наконец, уровень мастерства книгописцев необычайно разнообразны.

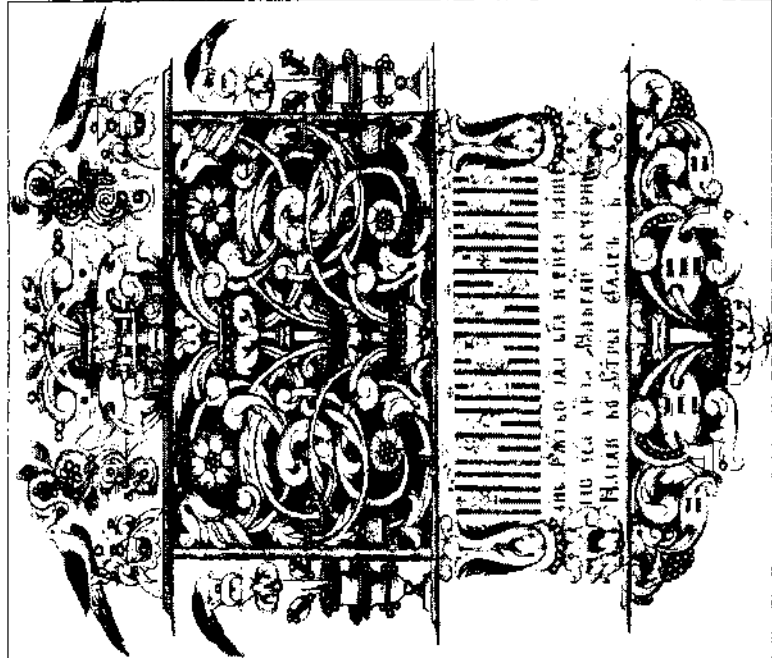
Важное значение в оформлении книжных текстов имеет написание отдельных слов. В уставном письме слово как самостоятельная единица текста не выделяется. При этом слово могло быть либо полным, либо сокращенным, с выносными над строкой буквами, либо же без выносных, под титлами. В полууставном и в скорописном письме слово может выделяться и приобретать самостоятельное формально-смысловое значение, но сокращения слов сохраняются (как с выносными буквами, так и без них). Отдельные, служебные, слова полууставного письма нередко исполнялись иными красителями – киноварью или же в особых случаях золотом. Использование иных,

кроме чернил, красителей для написания служебных слов, как правило, было сдержанным и не вело к пестроте текста.

Не менее важной в оформлении книжных текстов являлась строка. Она могла быть идеально прямой, но могла иметь и не столь строгий вид. Это во многом определялось разлиновкой листов. На внешний вид строки, помимо величины и каллиграфии букв, влияла также система строчных и надстрочных знаков. В уставном и в полууставном письме начало строки какой-либо части текста нередко начиналось простым или же украшенным инициалом, а в конце строки книгописцы ставили особые значки для выравнивания правой стороны текста.

Состоящая из отдельных строк страница книги является основой оформления книжного текста. Страничный текст может быть плотным, в один столбец, но может разделяться и на два столбца. В одних случаях он располагается на листе свободно, его обрамляют широкие поля, но может и наоборот, представлять собой монолит с тяжеловатым зеркалом и узкими полями. Иногда текст страницы завершается простой или же сложной "воронкой", т.е. конусообразным расположением слов конечной фразы. Страница, как главный элемент оформления книжного текста, может быть украшена одним крупным и несколькими мелкими инициалами. Страницы некоторых книг, преимущественно поздних, оформлялись рамками (простыми чернильными или же орнаментированными). На верхних полях иногда помещались колонтитулы, а на внешнем и на нижних – различные пометы (обозначения дней чтений, ссылки на источники и т.п.).

Две соседние страницы книги составляют ее разворот. Русские книгописцы хорошо понимали, что именно разворот дает возможность максимально полно оформить текст книги и использовать для этого все средства воздействия на читателя. В русских рукописных книгах буквы, отдельные слова,

Образец разворота рукописной книги XIX в.

строки и в целом страницы разворотов, как правило, уравновешены, гармоничны и согласованы в своем исполнении. Соблюдается единая мера в высоте букв, в длине строки, в количестве строк на странице, а также в колористике зеркала текста страниц и разворотов, в композиции иных украшений.

Тексты русских рукописных книг всего периода их строения и бытования часто украшались заставками, строками вязи, инициалами и миниатюрами. Кроме того, они украшались еще так называемыми полевыми украшениями (т.е. выполненными на полях) и концовками. Применение всех этих украшений текста делает книгу сложным, многогранным произведением искусства². Однако искусство книги XI–XIX вв. исследовано недостаточно.

Тексты русских рукописных книг и их украшений могли исполняться одним, либо несколькими мастерами. Границы их работы в конкретной книге не всегда можно установить однозначно. Успешно выполнить эту задачу помогает большой опыт палеографа.

Многие тексты имеют писцовую или же редакторскую правку. Эта правка может быть самой разнообразной: исправления ошибочно написанных букв и отдельных слов путем зачеркивания неправильно написанного, восстановления пропущенных слов с обозначением мест пропусков специальными значками (крестиками, комбинацией точек и т.п.), перечеркиванием повторов и т.д. Исправления вносились как обычными чернилами, так и киноварью. В конце текста какого-либо сочинения книгописцы нередко помещали свои "выходные записи". В них переписчики сообщали свои имена и имена заказчиков книг, даты изготовления книги и некоторые другие сведения.

---

² См.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 1–3. М., 1972, 1974, 1983.

Оформление текстов таких специфических рукописных книг, как певческих, отличается от обычных. Слова в этих текстах пишутся по их частям, в соответствии с распевом, исполняемым во время церковной службы. Кроме того, строки письма чередуются со строками музыкальной нотации (крюковой или же пятилинейной). В украшениях певческих книг особых отличий нет.

Делопроизводственные тексты оформлялись значительно проще. И в уставном, и в полууставном, и в скорописном письме деловых документов нет никаких украшений. Эстетической стороне этих текстов их создатели особого значения не придавали. Столбцы или писцовые (переписные, межевые, разрядные и т.п.) книги были важны своим содержанием и не требовали специального оформления с применением инициалов, заставок и миниатюр. Однако зеркало текста части подобных памятников письменности может быть и вполне законченным и гармоничным.

Вопрос о том, как конкретно создавались тексты на пергамене и на бумаге, должны решать книговеды, но палеографы прошлого считали его "своим". В.Н. Щепкин писал: "Процесс (создания текста – *И.Л.*) и орудия письма изображаются в самих памятниках старой письменности, всего более – в евангелиях с четырьмя миниатюрами пишущих евангелистов: это сидящие фигуры, которые пишут, держа лист на колене, т.е. так, как происходил процесс письма в античном мире и отчасти происходит на современном Востоке"³. Со ссылкой на эти слова В.Н. Щепкина, примерно также представлял себе работу русских писцов и Л.В. Черепнин⁴. М.Н. Тихомиров и А.В. Муравьев писали: "Миниатюры изображают писцов, сидящими на низком табурете с тетрадью или листом на коленях". "Писец одной рукой придерживал руко-

---

³ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1999. С. 46.

⁴ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 147.

пись, а другой писал. Такой способ письма удерживался еще в XVI в." Далее они приводят слова немца-опричника Г. Штадена, который отмечал: "Помощники дьяков или подьячие держали свои чернильницы с перьями и бумагой в левой руке и на колене переписывали грамоту набело"⁵.

После ссылок на три известных учебника русской палеографии позволительно поставить несколько вопросов:

Как русские художники писали самих "пишущих евангелистов", – тоже на своих коленях?

Как эти художники рисовали заставки и инициалы на листах пергамена или бумаги?

Возможно ли на эластичном листе пергамена или же бумаги написать или нарисовать что-либо, не подложив под него нечто твердое и плоское?

Если всерьез попытаться ответить на все эти вопросы, то, прежде всего, следует сказать, что "пишущих евангелистов" русские изографы, конечно, рисовали на чем-то твердом и плоском. Иначе бы у них ничего не получилось. То же относится и к процессу создания заставок и инициалов. Что же касается "коленного письма" евангелистов, то не следует забывать, что "пишущие евангелисты" – это всего лишь символы, а "свидетельству" немца-опричника не следует слишком доверять.

Миниатюры с изображениями пишущих евангелистов и "свидетельство" Г. Штадена не могут быть источниками для определения процесса работы русских писцов при создании ими тех или иных текстов. Стоит лишь попробовать взять в левую руку чернильницу с перьями и, положив бумагу на колени, "переписать грамоту набело". Есть основания полагать, что процесс создания текстов на пергамене и на бумаге в России начинался и заканчивался на рабочем столе, на котором и раз-

---

⁵ Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. М., 1982. С. 48.

линовывали листы пергамена или бумаги, и писали миниатюры, и рисовали заставки и инициалы, и переписывали тексты.

Сохранившиеся многочисленные тексты надписей на твердых материалах характеризуются большим разнообразием как по количеству слов и строк, так и по конкретному исполнению. Прежде всего, здесь следует выделить надписи-граффити, которые сохранились на внутренних поверхностях стен храмов. Они существенно разнятся как по происхождению, так и по исполнению. Однако все они были либо выражением эмоционального всплеска какого-либо посетителя храма, и в таком случае процарапывались острым предметом на штукатурке стены, или же были преднамеренным действием, преследующим конкретные цели в оформлении храма. Начертание букв большинства случайных надписей-граффити небрежное, отдельные слова и строки не придерживаются никаких правил, а весь текст производит впечатление несовершенства. Однако среди надписей-граффити встречаются и прекрасно оформленные тексты. Например, на стене Софии Киевской сохранился текст, исполненный крупными буквами типа тератологических инициалов⁶. Но таких текстов мало.

Помимо граффити, известно множество надписей на предметах изобразительного и прикладного искусства, а также на предметах бытового назначения. Тексты подобного типа не случайны, и потому они тщательным образом оформлены. По своему содержанию, назначению и оформлению они очень разнообразны. Подавляющее их большинство выполнено вязью, близкой к вязи книжных заголовков. Много таких текстов на иконах, потирах, тарелях, ковшах и на другой церковной утвари и памятниках изобразительного и прикладного искусства. Обычно они не велики по объему и состоят из нескольких или даже из одной, но своеобразной строки (на-

---

⁶ См.: Рыбаков В.А. Русская эпиграфика X–XIV вв.: (состояние, возможности, задачи) // Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 34–58.

пример, по окружности какого-либо предмета церковного обихода). Техника их исполнения различна, а их исполнители – профессиональные мастера. Оформление текстов на твердых материалах во многом определялось назначением и формой произведений искусства или же бытовых предметов, поэтому выступало в единстве с самими памятниками.

Оформление текстов на тканях имеет свои особенности. Техника их исполнения – шитье шелковыми, серебряными или золотыми нитями. Большинство таких надписей находится на предметах церковного назначения. Это покровцы, плащаницы и предметы одеяния иерархов церкви. Тексты на тканях, как правило, исполнялись вязью, нередко с применением жемчуга, и также состоят из нескольких отдельных слов или строк⁷.

Всестороннее изучение оформления текстов различных грамот, рукописных книг, деловых и эпиграфических текстов русского письма XI–XIX вв. – большая и сложная задача, стоящая перед историками русского письма и, прежде всего, перед палеографами. Здесь открываются интереснейшие перспективы не только изучения графики кириллического алфавита во всем ее конкретном многообразии, но и множество других аспектов бытования русского письма в его связях с различными явлениями русской национальной культуры. Оформление текстов важно и для практической работы исследователей, всесторонне изучающих памятники русской письменности, о чем подробнее будет сказано ниже.

2. ПРОТОГРАФЫ И СПИСКИ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Тексты памятников русской письменности XI–XIX вв. создавались не в одном, а в нескольких, нередко во множестве экземпляров. Переписка была основным способом сущест-

---

⁷ См.: Свирин А.Н. Древнерусское шитье. М., 1963; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М., 1971.

ования и распространения древнерусской книги, а в новое время рукописное копирование превратилось в способ специфический, дополнительный к книгопечатанию, отличающийся от него сферой применения. В этой связи перед палеографией стоит задача определения *протографов* и выявления *списков*, что очень важно для целого ряда различных отраслей знания. *Протограф* – это первоначальный текст, с которого сделан *список*. Но и сам список мог стать и становился протографом для других списков. Вопрос о протографах и списках относится не ко всем, а лишь к некоторым типам памятников русской письменности, а именно – к рукописным книгам и, в меньшей степени, к грамотам и делопроизводственным документам.

Мастера, создававшие книги, а также заказчики книг, как правило, хорошо знали книжность своего и прошлого времени. В качестве протографа они могли избрать любую из доступных им книг. Это могла быть и недавно созданная, и древняя книга. Однако мастера и заказчики были вправе изготовить либо близкий к протографу список, либо же создать на его основе новую, отличающуюся, или даже внешне совсем не похожую на свой протограф книгу, внося изменения в ее текст и украшения.

В средние века чаще всего переписывались тексты, необходимые в церковном богослужении. Это книги Нового завета, частично – Ветхого (Книга Бытия, Псалтырь и др.), толкования на них, слова и поучения отцов и учителей церкви, полемические трактаты против еретиков, а также жития святых. В этом большом массиве текстов были как переводные, так и оригинальные сочинения. К этим текстам переписчики относились особенно бережно.

Постоянно переписывались и светские (мирские) тексты и, прежде всего, – летописи. В отличие от церковных, светские тексты часто редактировались и дополнялись в соответствии с пожеланиями заказчиков. Протографами светских текстов

служили как древние, так и новейшие сочинения. Некоторые книжные тексты переписывались редко. Например, "Слово о полку Игореве" сохранилось всего лишь в одном экземпляре, который сгорел в 1812 г. Причины малой распространенности подобных текстов могли быть различными. Одной из них, возможно, являлась узкая, местная тематика произведения, не слишком интересная заказчикам из других районов⁸. На количество списков того или иного текста влияла политическая ситуация, а иногда и религиозные дискуссии в обществе.

Отличие списка от протографа, прежде всего, заключалось в их письме, а также в системе украшений (и только потом – в содержании). С протографа уставного письма можно было создать список, исполненный как уставным, так и полууставным, и даже скорописным письмом. Что касается украшений, то они также не повторялись (за исключением отдельных случаев). Однако протограф все же так или иначе проявлялся в списке. Об этом обстоятельно писал Н.Н. Розов. Переписчики часто копировали не только собственно текст книги, но и послесловия своих предшественников, даже если они звучали уже несовременно⁹. А нередко особо усердные переписчики переносили в новый текст даже ошибки и неточности оригинала, иногда это делалось вполне сознательно.

С развитием книгопечатания в России сложилась интересная ситуация, когда в качестве протографов некоторых рукописных книг в XVII–XIX вв. становились книги печатные. Это было связано, прежде всего, с двумя основными

---

⁸ Однако могло случиться так, что памятник письменности оказывался в изоляции от книжных центров из-за своей территориальной удаленности, военных распрей между русскими княжествами, просто случайного забвения. Так, например, о возможной известности древнерусским книжникам "Слова о полку Игореве" говорят цитаты из его текста в "Задонщине", а также надпись писца Домида на странице "Псковского апостола" 1307 г. и др. О "Псковском апостоле" см. в следующем разделе данной книги.

⁹ Розов Н.Н. Книга в России в XV веке. С. 17–47.

причинами: ограниченностью тиражей печатных книг и неприятием старообрядцами печатных книг, изданных после реформ патриарха Никона¹⁰. Так, для хозяйственных и судебных дел было недостаточно печатного "Соборного уложения" 1649 г., поэтому его текст весьма часто переписывался. В старообрядческой среде постоянно переписывались книги "дониконовской" печати. Для старообрядцев они были авторитетными и даже образцовыми, поскольку не содержали поправок.

Что касается грамот и делопроизводственных документов, то их тексты переписывались далеко не всегда, а если и переписывались, то только в 1–2-х экземплярах. В зависимости от типа грамоты, ее важности, переписанные экземпляры могли быть равноправными, а могли считаться всего лишь копиями. Большинство жалованных грамот XIV–XV вв. сохранились в копийных списках XVI–XVII вв. Ярким примером этого являются известные копийные книги Троице-Сергиева монастыря. В отличие от своих протографов, которые были написаны полууставом, копийные книги написаны скорописью. Примером списков с делопроизводственных документов являются приправочные книги, которые списывались со старых писцовых книг для справок писцам при новых переписях земель и владений по уездам XVII в.

Изучая внешний аспект отношения "протограф–список", палеографы помогают историкам и филологам уста-

---

¹⁰ Вопрос о исправлении богослужебных книг возник к середине XVII в. Он был связан с накопившимися за длительное время переписки книг разночтениями. Кроме того, необходимо было ввести единообразие и в саму церковную службу. За образцы для исправления были взяты новые греческие церковные книги, что, конечно, не устроило часть верующих, считавших, что с момента падения Константинополя в 1453 г. греческая церковь утратила чистоту христианской религии. Вошедший на патриарший престол в 1652 г. Никон (был смещен в 1666 г.) распространил реформу и на богослужебные ритуалы. В среде священнослужителей и прихожан произошел раскол по вопросу принятия или непринятия нововведений.

навливать зависимости одного текста от другого и разрабатывать *стеммы* – графические изображения происхождения списков. Эти стеммы важны не только для изучения текста отдельного произведения, но и для истории книжной культуры в целом. В стемме каждый из протографов-списков находит свое место в системе бытования того или иного произведения и тем самым обозначает себя в конкретной историко-культурной среде своего времени.

Помимо подлинных текстов, палеография занимается и *подделками*. Поддельных текстов в русской письменности не много, но они существуют. Так, в начале XVIII в. появились две, ранее никому не известные рукописные книги. Одна из них называлась "Соборное деяние на еретика арменина Мартина мниха", другая – "Требник Феогноста". Официальные власти выдавали их за подлинные, созданные еще в древнерусскую эпоху. В 1718 г. по распоряжению царя Петра I "Соборное деяние" с добавлением отдельных статей "Требника" даже было напечатано. Однако вскоре выговские старообрядцы, против которых были направлены эти фальсификаты, доказали их подложность. В результате "подлинники" были опечатаны и навсегда упрятаны в Синодальную библиотеку.

Известны и другие рукописные подделки – "Письмо Александра Македонского", "Русская правда", "Сказание о создании Киево-Печерской церкви Успения" и некоторые другие. Их внимательно изучали историки и филологи, например, акад. М.Н. Сперанский¹¹. Удалось установить, кто, когда и с какой целью создавал эти любопытные подделки. Подделками различных текстов в первой половине XIX в. прославились два "мастера" – А.И. Бардин и А.И. Сулакадзев. На ряде подлинных текстов ими были сделаны такие исправ-

---

¹¹ См.: Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. Т. 5. М., 1956. С. 44–101.

ления, которые вводили в заблуждение даже некоторых весьма образованных любителей старины.

Поддельные рукописи изготавливались и в XX в. Широко известной подделкой этого времени является так называемая "Влесова книга"¹².

3. НАДПИСИ И ТАЙНОПИСЬ РУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ

Надписи – это особый вид текстов. Как уже отмечалось, они были широко распространены в русской письменности с древнейших времен. Имеются многочисленные и самые разнообразные надписи на книгах. Исполненные в разное время и разными лицами, они заслуживают специального внимания палеографов. Классификация надписей на пергаменных книгах русского Средневековья и литература об этих надписях приведена в монографии Л.В. Столяровой¹³. Многочисленные надписи на книгах более позднего времени изучены меньше. Как на ранних, так и более поздних книгах надписи не подвергались тщательному палеографическому анализу.

Надписи на книгах могут состоять из одного-двух слов, но могут быть и весьма пространными. Многие из них содержат краткие указания на владельца тех или иных книг: "Сия книга принадлежит..." частному лицу, учреждению, обществу, храму, монастырю и т.п. В надписях, кроме того, имеются сведения о содержании соответствующих книг, о ценах и о местах их приобретения, а также заметки о каких-либо событиях, достойных внимания писца и последующих читателей. Так, например, книгописец Домид на листе 180 "Апостола", переписанного им в Пскове в 1307 г., сделал надпись, вторая часть которой – несколько измененная фраза из "Слова о пол-

---

¹² См.: Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С.142–144; Творогов О.В. "Влесова книга" // ТОДРЛ. Т. XLIII. Л., 1990. С. 170–254.

¹³ Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.

ку Игорева": *"Сего же лета бысть бой на руськой земли. Михаилъ с Юрьемъ о княженъе Новгородское. При сихъ князех сеюшется и ростяше оусобицамъ. Гыняше жизнь наши въ князехъ которы и вещи скоротишася человековъ"*.

По-своему интересны и важны вкладные и дарственные надписи на книгах. Почти всегда они оформлялись с подчеркнутым уважением к тем, кому посвящались. Это сказывалось на особенностях письма, а также проявлялось в количестве и расположении строк и в подписи вкладчика или дарителя. Кстати, эти надписи нередко плохой сохранности – потому трудны для прочтения, но прочитать их палеограф должен.

Содержательная сторона надписей на книгах важна для историков, филологов, книговедов и библиотечных работников. Особенно она важна для историков культуры. Палеографию же интересуют внешние признаки надписей, их форма и состояние. Как правило, эти надписи исполнялись полууставным или же скорописным письмом, а в XIX в. – письмом гражданским. Писали их обычно чернилами своего времени, карандаши применялись редко.

По форме надписи на книгах могут выглядеть как единый, цельный текст на одной странице (или нескольких, при большом объеме надписи). А иногда писец распределял текст по нескольким листам, помещая на каждом по одной фразе или слову, группе букв или букве. Такую надпись следует собирать буквально по частям. Надписи единого текста помещались чаще всего на оборотах переплетов и на форзацных листах. Рассредоточенные надписи, исполнявшиеся по частям слов или фраз, располагались преимущественно по нижним полям ряда листов. Иногда параллельно одной рассредоточенной надписи шла другая, и в этом случае палеограф должен точно определить их границы, установить, какие слова (или их части) исполнены одним лицом, а какие другим. Для этого необходимо обратить внимание на чернила и почерки и той и другой надписи.

Сплошные и рассредоточенные надписи на книгах могут оказаться подчищенными полностью или же частично. Установить их первоначальный смысл бывает очень сложно. Особенно это относится к именам собственным и к географическим названиям. Опыт последних лет дает возможность восстанавливать такие тексты с помощью специальной техники – фотографирования в ультрафиолетовых лучах.

Помимо надписей, на книгах весьма часто встречаются различные пометы читателей. Наиболее распространенной пометой является короткое слово "зри". По форме оно могло быть простым, написанным кириллицей определенного времени, но его нередко исполняли в виде вензеля, когда три буквы этого слова соединялись в один сложный знак. Помещались подобные пометы на боковых полях, против тех фрагментов текста, которые вызывали наибольший интерес у читателя. Пометы на книгах ставились, в основном, читателями, однако встречаются и иные, поставленные во время строения книги. Ими помечались границы каких-либо частей протографа или списка.

Часть надписей и помет на книгах исполнялась тайнописью. В палеографии известно несколько типов этого письма. Прежде всего, использовалась тайнопись, основанная на числовом значении кириллических букв, а также на замене одних букв другими (*литорея*). В этом случае десять первых согласных букв заменялись десятью же согласными, последовательно расположенными под первыми.

Б	В	Г	Д	Ж	З	К	Л	М	Н
Щ	Ш	Ч	Ц	Х	Ф	Т	С	Р	П

Если замена букв происходила одна на другую строго по вертикали, то это была простая литорея, если же по наклонной, то эта литорея называлась мудрой. Для тайнописи использовались также глаголические буквы и буквы перм-

ской азбуки. Кроме того, встречается тайнопись в виде "полусловицы", когда буквы писали не полностью, а лишь частично, а также тайнопись, состоявшая из кириллических букв и произвольных (искусственных) знаков. Тайнопись применялась для "сокрытия" какой-либо информации от "случайных" читателей, которые не владели методами ее прочтения. Однако никаких тайн эта тайнопись не содержит. Чаще всего "тайнописные" надписи – это имена книгописцев, их социальное положение и места проживания.

Особым типом тайнописи является *акростих*. Секрет прочтения акростиха прост – читать нужно первые буквы строк какого-либо текста сверху вниз (реже – наоборот – снизу вверх). В русской письменности акростих был редким явлением, однако, его особенности все же привлекают внимание некоторых исследователей, усматривающих в этом типе тайнописи весьма серьезное явление¹⁴.

И, наконец, следует сказать еще об одном виде тайнописи, которая заключается в том, что числовое значение букв кириллического алфавита обозначается черточками. Это громоздкая тайнопись встречается реже других. Тайнопись в русской и славянской письменности успешно изучал М.Н. Сперанский¹⁵.

подавляющее большинство надписей на книгах, в том числе и "тайнописных", прочитано, а часть из них и опубликована. И лишь отдельные из них расшифровке пока не поддаются. Примером такой тайнописи может служить надпись книгописца Домида на "Псковском апостоле" 1307 г. – "Е.33333(В) (В – в окружности – *И.Л.*) море" и повторно: "пять земель, две тме, море". И далее "Мудры разумеет".

---

¹⁴ См., например: Гогешвили А.А. Акростих в "Слове о полку Игореве" и других памятниках русской письменности XI–XIII веков. М., 1991.

¹⁵ Сперанский М.Н. Тайнопись в югославских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4/3. Л., 1929.

Первая строка этой тайнописи обведена тонкой чертой¹⁶. Что хотел сказать этой необычной надписью псковский книгописец, остается неизвестным.

Традиция делать надписи и пометы на книгах сохраняется вплоть до нашего времени. Книги с надписями-автографами и различными пометами (писателей, ученых, государственных деятелей и т.п.) вызывают особый интерес, но изучены они мало.

---

¹⁶ Надпись опубликована. См.: Лёвочкин И.В. Псковский писец Домид и Апостол 1307 г. // Альманах библиофила. Вып. 21. М., 1986. С. 112.

ГЛАВА ПЯТАЯ РУССКИЕ ПИСЦЫ И МАСТЕРА НАДПИСЕЙ

1. ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМУ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И В РОССИИ XIV–XIX ВВ.

Письмо как средство закрепления на каком-либо материале информации, мыслей и эмоций было известно славянам уже в глубокой древности. Введение христианства на Руси в 988 г. явилось общегосударственным событием и повлекло за собой настоящий культурный переворот. Возникла острая необходимость увеличения числа грамотных людей, способных писать разнообразные богослужебные книги и другие, важные для того времени тексты. Для подготовки будущих церковнослужителей и книжников князь Владимир, по словам "Повести временных лет", "нача поимати у нарочитыя чади дети и даяти нача на ученье книжное"¹. В исторических источниках сведений о том, как шло это "книжное ученье" не сохранилось, но то, что школы в Древней Руси существовали, имеются прямые свидетельства современников. Согласно этим свидетельствам школы действовали в Киеве, в Новгороде, в Курске, в Переяславле, в Суздале, в Полоцке и в других городах². Помимо обучения в русских школах, юноши направлялись и за границу, где они изучали греческий язык³.

Уже в XI в. на Руси было множество людей, хорошо умевших писать самые сложные тексты. Лучших писцов и пе-

---

¹ Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. Текст и перевод. С. 31.

² См.: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М., 1985. С. 88–96.

³ Там же. С. 99–100.

реводчиков князь Ярослав Мудрый пригласил работать в свою книгописную мастерскую. В "Повести временных лет" говорится о том, что князь Ярослав Мудрый *"собра писце многы и предлагаше от грекъ на словенское писмо. И списаша книги многы"*.⁴ Помимо государственных школ, существовали школы при монастырях и церквях, а также частные школы, в которых грамотные горожане за умеренную плату обучали письму всех желающих. Существовало, конечно, и домашнее обучение письму, когда один из грамотных членов семьи обучал других домочадцев. Берестяные грамоты и граффити убедительно свидетельствуют о том, что писать на Руси умели представители самых разных социальных и возрастных категорий населения⁵.

Татаро-монгольское нашествие на русские земли в 30–40-х годах XIII в., разорение городов и сел завоевателями нанесло огромный ущерб школьному делу, которое к этому времени едва успело сложиться в определенную систему. Однако и в условиях иноземного господства обучение грамотности на Руси все же продолжалось. Основными местами подготовки грамотных людей теперь стали монастыри, где продолжалось переписывание необходимых книг. По мере уменьшения зависимости от татаро-монголов в русских городах возрождалось и школьное дело. К середине XVI в. вопрос о школах вновь приобрел государственное значение, о чем свидетельствует Стоглавый собор и другие меры правящих кругов России⁶.

А.И. Соболевский свои лекции по славяно-русской палеографии начинал словами: "Старую Русь часто обвиняют в

---

⁴ Повесть временных лет. С. 102.

⁵ См.: Жуковская Л.П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959. С. 30–85; Рыбаков Б.А. Русская эпиграфика X–XIV вв. С. 34–58.

⁶ См.: Рогов А.И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977. С. 249–261.

том, что она была малограмотна и не любила книги. И совершенно напрасно". А далее продолжал: "...грамотных людей в России XI–XIV веков было достаточно"; "грамотность в северо-восточной Руси XV–XVII веков была явлением вполне обычным". Эти слова ученый подтверждает неоспоримыми фактами источников⁷.

В конце XVI и в начале XVII вв. школьное дело в России вновь оказалось в сложной обстановке. Опричнина, войны и польско-литовская интервенция резко затормозили процесс развития русских школ. Но уже к 30-м годам XVII в. положение улучшилось, о чем говорят весьма многочисленные рукописные и печатные учебники, которые сохранились до нашего времени.

Реформы Петра I резко изменили положение в школьном деле России. В начале XVIII в. и в последующее время повсеместно создаются школы, в которых готовят специалистов для различных отраслей хозяйства, военного дела и культуры. Петр I упрощает кириллическую азбуку и проявляет заботу о светской школе, в том числе и высшей.

Церковный раскол середины XVII в. стал причиной того, что значительная часть населения России не приняла новшеств, которые вводились патриархом Никоном. Не принимались новшества в религиозной жизни, которые внедрялись и правительством Петра I. Все это привело к тому, что школьное дело, с одной стороны, развивалось как официальное, а с другой – уходило в народные низы и оказывалось в руках старообрядческих общин, где сохранялись традиционные способы обучения детей письму и чтению. В конечном итоге официальные школы стали основой подготовки грамотных людей и на протяжении XVIII–XIX вв. добились больших успехов. Что же касается старообрядческих центров

---

⁷ См.: Славяно-русская палеография. Лекции А.И. Соболевского. 2-е изд. СПб., 1908. С. 1, 6–11.

обучения грамотности, то они постепенно вытеснялись светскими и церковно-приходскими школами. При этом следует иметь в виду, что старообрядчество XVIII–XIX вв. создало основной (и не малый по численности) массив русских рукописных книг, который оно бережно сохраняло.

Книжная миниатюра с изображением школьного класса с учащимися и учителем. XVI в.

Обучение письму, счету, пению и основам других отраслей знания в русских школах и при индивидуальном способе занятий осуществлялось с использованием различных азбук, букварей и прописей, часть которых сохранилась в ар-

хивах, музеях и в библиотеках России. Эти учебные книги были не только рукописными, но и печатными. В XVI в. Иваном Федоровым был напечатан первый русский "Букварь" (Львов, 1574), и с того времени этот тип школьной книги уже становится основным для начального образования. Широко известными в XVII в. были "Буквари" В. Бурцева (М., 1634) и К. Истомина ("Малый букварь". М., 1694; "Большой букварь". М., 1696). В качестве учебных книг применялись также различные часословы, псалтыри и другие богослужебные книги.

Учителями в различных школах были достаточно подготовленные священники и монахи. Со временем их роль в школьном деле постепенно уменьшалась, а их места занимали профессиональные преподаватели. Что же касается старообрядцев, то они вплоть до конца XIX в. обучали своих детей старыми, традиционными методами. И не безрезультатно. Сохранившиеся рукописные книги различного содержания показывают весьма высокую степень грамотности старообрядческих мастеров книжного дела и их развитый художественный вкус, который проявлялся в письме и в орнаментах созданных ими книг.

Уровень подготовки учащихся в средневековой Руси и в России нового времени был неодинаков. Он зависел от того, как долго и где учился тот или иной отрок, и кто были его наставники. Сохранившиеся памятники письменности убедительно свидетельствуют о том, что русская школа могла подготовить высокообразованных для своего времени людей, но, с другой стороны, они же, сохранившиеся памятники письменности, говорят о том, что реальный уровень грамотности был не высок даже у тех, кто брался за переписывание богослужебных книг.

Обучение письму подрастающего поколения предполагало умение использовать письмо не только при работе на пергамене или же на бумаге в более позднее время. Владеющие навыками письма могли не только написать книгу устав-

ным, полууставным и скорописным письмом, с инициалами и вязью, но еще нанести текст на камень, дерево, металл и ткань. Научиться технике нанесения надписи на твердый материал можно было только при индивидуальном обучении у мастера, который в совершенстве владел этим искусством.

2. ЦЕНТРЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И СТРОЕНИЯ КНИГ

На протяжении XI–XIX вв. на Руси действовали многочисленные центры письменного делопроизводства и книгописания. Древнейшим центром письменности был Киев с его княжескими канцеляриями и книгописными мастерскими. В княжеских канцеляриях писали различные грамоты (договорные, жалованные, духовные), а в книгописных мастерских создавались книги. В "Повести временных лет" сообщается, что в XI в. Ярослав Мудрый "собра писце многы" и "списаша книги многы"⁸. Первые же книгописные мастерские, в которых переводились и писались книги на древнеславянском языке, появились в Киеве, вероятно, еще в X в. С принятием христианства возникла необходимость в огромном количестве книг. А чтобы укрепить власть киевского князя-христианина в удельных княжествах, требовалось распространить богослужебную литературу вместе с новой верой в кратчайшие сроки.

Указание "Повести временных лет" на многочисленность писцов в великокняжеской мастерской и высокий уровень выполнения древнейших сохранившихся до наших дней книг, говорят о том, что в Киеве XI в. было несколько книгописных мастерских, в которых трудились как славянские, так и греческие писцы и переводчики. Одна, даже весьма крупная, книгописная мастерская великого князя не могла удовлетворить ту острую потребность в книгах, которую испытывал Киев и его округа на первом этапе христианизации страны.

---

⁸ См.: Повесть временных лет. Ч. I. С. 102.

Помимо великокняжеской книгописной мастерской, в которой были переведены и составлены такие книги, как "Пандекты Антиоха" (ГИМ, Воскр. 30) и "Чудовская псалтырь" (ГИМ, Чуд. 7), крупным центром книгописания в Киеве был Киево-Печерский монастырь. В "Житии Феодосия Печерского" о создании книг в этом монастыре сообщается как об обычном деле: "И многажды же великому Никону, седещю и строашу книги, блаженному (Феодосию – *И.Л.*) вськрай его седяшу и прядушу вервие, еже на потребу таковому делу"⁹. В создании книг в этом монастыре принимали участие не только его основатели, Никон и Феодосий, но и другие монахи, например, Иларион, который "беаше бо книгамъ хитрь писати, и се по вся дни и нощи писаше книги в келии блаженного Феодосиа"¹⁰. Одной из замечательных книг, вероятно, созданных в Киево-Печерском монастыре, является "Изборник Святослава" 1073 г.¹¹

Другим крупным центром, в котором шло активное письменное делопроизводство и строение книг, был Великий Новгород с его монастырями. Здесь было написано множество книг, которые частично сохранились¹². Прекрасным памятником книжного искусства Великого Новгорода является "Евангелие" начала XII в., созданное в новгородском Юрьеве монастыре (ГИМ, Син. 1003).

Выдающимся центром письменности Великий Новгород стал в конце XV в. Здесь активно и плодотворно действовала

---

⁹ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 33–34.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Подробнее см.: Лёвочкин И.В. Киевские книгописные мастерские и Изборник Святослава 1073 г. // Рукописные фонды Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского АН УССР. Киев, 1989. С. 118–124.

¹² См.: Покровский А.А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.

Духовная академия, созданная и руководимая архиепископом Геннадием. Достаточно сказать, что в этой Академии был составлен полный свод русской Библии, которая получила название "Геннадиевской"¹³.

В начале XIII в. центром строения книг был и Ростов Великий. По мнению специалистов, здесь были созданы такие замечательные книги, как "Житие Нифонта Констанцкого", "Апостол толковый", "Учительное евангелие Константина Болгарского", "Слова Ипполита об антихристе" и некоторые другие. Все эти книги сохранились и хорошо известны специалистам¹⁴.

Вслед за Ростовом Великим центром книгописания уже с первой половины XIV в. становится Москва. Сохранились две замечательные книги этого времени, несомненно, созданные в Москве. Это "Сийское евангелие" (БАН, Археогр. ком. 189) и "Евангелие-Апостол князя Симеона Ивановича Гордого" (РГБ, Тр.-Серг. III, I). Со временем в Москве начали действовать крупные книгописные мастерские – Царская и Митрополичья, в которых было создано множество ценнейших книг.

Особо следует сказать о монастырских книгописных мастерских. Уже с конца XIV в. архивная работа по созданию книг велась в московских Чудовом и Андрониковом монастырях и в подмосковных – Троице-Сергиевом, Серпуховском Высоцком и других.¹⁵ Одной из крупнейших была книгописная мастерская Иосифо-Волоколамского монастыря. Здесь, начиная с XV в., трудились многие мастера рукопис-

---

¹³ Подробнее см.: Лёвочкин И.В. Владыка Геннадий, архиепископ Новгородский // Образ. 1996, № 1(5). С. 108–116.

¹⁴ Князевская О.А. О ростовских рукописях начала XIII в. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. ст. к 70-летию В.И. Борковского. М., 1971. С. 145–152.

¹⁵ См.: Вздорнов Г.И. Книгописание и художественное оформление рукописи в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. // ТОДРЛ. Т. XXII. М.; Л., 1966. С. 119–143.

ной книги¹⁶. Несколько позже особым книжным центром стал Кирилло-Белозерский монастырь¹⁷. В период Средневековья, кроме этих двух центров, были известны и другие монастырские мастерские по производству рукописных книг: в Рязани, Смоленске, Ярославле и в прочих крупных и мелких городах.

В XVI–XVII вв. важным книжным центром стала огромная вотчина Строгановых. Созданные там книги расходились по всей России¹⁸. В XVIII и в XIX вв. книгописание ведется в местах компактного проживания старообрядцев: на Выге, в Поволжье, Сибири и др. Старообрядцы бережно хранили традиции древнерусской рукописной книги вплоть до XX в.

Центры книгописания были одновременно и центрами хранения книг. И если княжеские библиотеки почти все были разорены, то монастырские оказались устойчивее. Так, библиотеки Троице-Сергиевой лавры, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого монастырей и ряда других в своем основном составе сохранились до нашего времени.

Рукописные книги составляют лишь часть памятников письменности, которые были созданы в разных центрах России с XI по XIX вв. На всем протяжении этого времени, как уже было отмечено, создавались многочисленные документы столбцового делопроизводства, а затем и другие документы. Их создавали повсюду: в княжеских, митрополичьих и монастырских канцеляриях, в поместьях и вотчинах, в уездных и губернских центрах управления. Немалое количество документов самого разнообразного содержания было создано частными лицами. Это письма, дневники, воспоминания, твор-

---

¹⁶ См.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.

¹⁷ См.: Ульяновский В.И. Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 гг. // Книжные центры Древней Руси: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 113–136.

¹⁸ Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 45, 48 и др.

ческие рукописи писателей и ученых. Многие из этих документов не сохранились, однако многие дошли и до нашего времени. Создавались также и другие произведения, так или иначе связанные с письменностью: изделия из дерева, металла, тканей и т.п. Весь этот материал – обширная сфера деятельности палеографии.

3. ПИСЦЫ, КНИГОПИСЦЫ И МАСТЕРА НАДПИСЕЙ

Вопрос о том, кто писал тексты различных грамот и рукописных книг в России периода Средневековья и нового времени, в палеографии поставлен уже давно. Значительное внимание этому вопросу уделял А.И. Соболевский. В его изданных лекциях приведены ценные сведения о людях, которые писали различные грамоты и создавали книги¹⁹. В XX в. этот вопрос изучали Н.Н. Розов, М.В. Кукушкина, Н.А. Казакова и другие ученые²⁰. О книгописцах XVIII–XIX вв. известно меньше.

В "Повести временных лет" (под 1037 г.) сообщается о многочисленных писцах, работавших над перепиской книг.²¹ Примерно к указанному летописцем времени, к первой половине XI в., относится кириллическая часть (17 листов) так называемого "Реймского евангелия", по преданию принадлежавшего дочери князя Ярослава Мудрого, королеве Франции Анне²². Книгописец, написавший кириллический текст этого евангелия, был мастером средней руки, но инициалы и за-

---

¹⁹ Славяно-русская палеография. Лекции А.И. Соболевского. С. 27, 38 и др.

²⁰ Розов Н.Н. Книга Древней Руси XI–XIV вв. М., 1977; Он же. Книга в России в XV веке. М., 1981; Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977; Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977; Казакова Н.А. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 169–200.

²¹ ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846. С. 65.

²² Об этом "Евангелии" см.: Жуковская Л.П. Реймское евангелие. История его изучения и текст. М., 1978.

ставки, которые он нарисовал, свидетельствуют о его хорошем вкусе и способности к самостоятельному творчеству.

Писцы двух других книг этого времени – "Чудовской псалтыри" (ГИМ, Чуд. 7) и "Пандектов Антиоха" (ГИМ, Воскр. 30), владели более совершенным письмом, чем автор (переписчик) "Реймского евангелия". Имена книгописцев древнейших русских книг неизвестны, и судить о них можно лишь по их мастерству писать.

В 1056–1057 гг. было создано знаменитое "Остромирово евангелие" (хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге). Мастера, работавшие над этой драгоценной книгой, также не известны по именам, за исключением одного – дьякона Григория, который, по словам Н.Н. Розова, "несомненно был не только главным исполнителем заказа Остромира: он всей душой отдался делу сотворения этой книги и сумел подобрать и объединить вокруг себя мастеров-единомышленников, чтобы совместными усилиями создать подлинный шедевр"²³. Дьякон Григорий – это один из талантливейших книгописцев Древней Руси, о чем убедительно свидетельствует созданное им и его помощниками "Евангелие" для новгородского посадника Остромира. В этом "Евангелии" и текст, и инициалы, и заставки, и миниатюры выполнены на высочайшем художественном уровне.

Через несколько лет, в 1073 г., была создана еще одна сохранившаяся до наших дней замечательная книга – "Изборник" великого князя Святослава Ярославовича (сына Ярослава Мудрого). В послесловии "Изборника" упомянуто имя лишь одного из создателей этой книги – дьяка Иоанна, который так же, как и создатель "Остромирова евангелия", был, вероятно, не просто книгописцем, но и организатором всех

---

²³ Розов Н.Н. Остромирово евангелие апракос 1056–1057 годов – старейший памятник славянской письменности и искусства книги Древней Руси // Остромирово евангелие 1056–1057 гг. М., 1988. С.11.

работ при строении этого выдающегося произведения книжного искусства Древней Руси. В "Изборнике", помимо каллиграфического уставного письма, высокими художественными достоинствами характеризуются миниатюры, архитектурные фронтисписы, заставки и инициалы, а также орнаментированная рамка с текстом "Похвалы князю Святославу", написанной твореным золотом.

"Изборник" князя Святослава хранится в Государственном историческом музее в Москве (Сим. 31-д). Как и "Остромирово евангелие", "Изборник" был издан факсимильно, и, следовательно, с ним можно ознакомиться более обстоятельно.

На рубеже XI и XII вв. древнерусскими мастерами-книгописцами было создано "Мстиславово евангелие", письмо, инициалы, заставки и миниатюры которого выполнены также на очень высоком художественном уровне. "Мстиславово евангелие" было создано для великого князя Мстислава Владимировича, сына князя Владимира Мономаха. Основным писцом этой книги был Алекса, сын пресвитера Лазаря. Вместе с ним работал златописец Жаден. И тот и другой в конце книги оставили свои "автографы"—надписи, которые свидетельствуют о том, что именно эти мастера переписали и украсили текст Евангелия. В книге есть и еще одни "автограф"—надпись. Ее сделал княжеский слуга Наслав, который возил это Евангелие в Царьград (Константинополь) для того, чтобы заказать и изготовить там драгоценный окладный переплет этой великокняжеской книги. Для изготовления переплета требовалось золото, серебро и "драгый камень". В конце своей надписи Наслав отметил, что "цену же Евангелия сего един Бог ведает". И действительно, "Мстиславово евангелие", теперь хранящееся в Государственном историческом музее в Москве, является бесценным²⁴.

---

²⁴ См.: Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.

Завершив свой труд, книгописец по традиции в конце книги сделал краткую надпись, в которой указал дату окончания своей работы, свое социальное положение и имя – дьяк Константин, "а мирскы Добрило", назвал заказчика – священника церкви Иоанна Предтечи Симеона и высказал просьбу к читателям исправлять ошибки его письма. Завершается эта надпись словами удовлетворения по случаю окончания работы: "Яко же радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист". Книгописец Константин переписал Евангелие для простого священника, но и этот мастер хорошо осознавал значение своего труда, ведь его книга будет долго служить людям.

Даже в условиях татаро-монгольского ига русские книжники создавали прекрасные книги. При этом в своих "послесловиях" они иногда живо откликались на современные им события. Так, в 1296 г. книгописец Захария, закончив переписывать "Псалтырь" для княгини Марины, написал весьма обширное "послесловие", в котором рассказал о себе и о своих трудах. Он много написал за свою жизнь святых книг и уже "при старости" "списа на Волоце Еоуанглие опрокос боголюбивому Антонию игумену". В самом конце своей надписи Захария пишет: "должни бо есми за ся и за весь род крестьянский молитвы с псалтырю возносити, рекуще – пощади Господи, пощади Господи люди своя, не даждь достояния своего в поношение обладати иноплемеником; да не рекут: Кде есть Бог их. На тя бо уповаем, животом и смертью обладающа". "Псалтырь княгини Марины" хранится в Государственном историческом музее в Москве (Син. 235).

Замечательным книгописцем был молодой псковитянин Домид. В 1307 г. он переписал "Апостол", хранящийся ныне также в Государственном историческом музее в Москве (Син. 722), последний лист которого содержит несколько "автографов". Домид знал современную литературу и активно откликался на политические события своего времени.

Книгописание было нелегким, но благодатным делом, что вполне осознавали сами книгописцы. Об этом свидетельствует такая, например, надпись на первом листе "Книги Григория Богослова" XIV в.: "Господи, помози рабу своему Якову научиться писати, рука бы ему крепка, око бы ему светло, ум бы ему острочен, писати бы ему з...м" (золотом? – *И.Л.*).²⁵

Среди книгописцев были не только прекрасные мастера своего дела, но и настоящие поэты. В качестве примера можно привести выдержки из весьма пространныго "послесловия" к "Уставу церковному" 1438 г. тверского дьяка Андрея. Начинается это "послесловие" так: "Изволением Отца и свершением Сына и поспешением Святого Духа и молитвами Пресвятыя владычица наша Богородицы и Приснодевы Мариа и святых отец, възаконивших нам правила сиа, простирается и неплодная десница благознаменитыя цветы церкви прекрасныя тростию начетртати". Далее дьяк Андрей прославляет князя Бориса Александровича и епископа Илию, а о своем труде, завершнном 21 мая, пишет: "Тогда неплодней мои руце плод показаша, весне оубо настояши, идеже цветы от древес процветоша и яве еже от земля возвращемаа былиа; тогда и сеемое семя по повелению Божию и новокоренитися по тихости, морю же и небеси яснейшим бывати". "Устав церковный" 1438 г. был написан для храма Успения Богородицы, о чем говорится в "послесловии" дьяка-поэта Андрея: "Церкви же Успения ... цветы приемлет благознаменитыя – книгу Типик (т.е. Устав церковный – *И.Л.*) о Святем Дусе начертанную по вся времена знаменушу церковное украшение". Хранится эта книга в Государственном историческом музее в Москве (Син. 331).

Замечательными книгописцами были и мастера, жившие в XVI в. Один из них – Михаил Медоварцев. Жил он в

---

²⁵ См.: Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 9.

Москве, при монастыре Николы Старого (Китай-город), где не только переписывал книги, но и руководил целой книгописной мастерской. О Михаиле Медоварцеве сохранились сведения, не только взятые из "послесловий" написанных им книг. Исследовательница его творчества Н.В. Синицына установила, что этот видный деятель русской культуры был связан Максимом Греком и другими известными людьми первой половины XVI в. Что же касается книжного дела, то Михаил Медоварцев был еще и составителем интереснейших сборников. Некоторые книги, в создании которых он принимал непосредственное участие, отличаются особыми художественными достоинствами²⁶. Образцом может служить "Евангелие" 1507 г., в котором "златом прописывал Михайло Медоварцев, а еуангелисты писал Феодосие-зограф, сын Дионисиев зографов" (РНБ, Пог. 133).

Другим великолепным мастером книжного дела XVI в. был Гурий Тушин, который за 47 лет жизни в Кирилло-Белозерском монастыре написал тексты 37-ми самых разнообразных книг. Как и Михаил Медоварцев, Гурий Тушин не просто переписывал книги, а сам составлял и писал сборники сложного состава. Кроме того, он был еще и составителем "Краткого летописца". Старец Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин принимал активное участие в культурной жизни России. Большинство его книг известны²⁷. Они являются ценными историческими источниками и постоянно привлекают внимание ученых.

Во второй половине XVI в. жил видный книгописец и организатор книжного дела, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимий Турков. Им лично и под его руководством было написано множество книг самого разнообразно-

---

²⁶ Синицына Н.В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 286–317.

²⁷ См.: Казакова Н.А. Указ. соч. С. 169–200.

го содержания. В конце составленного им "Обиходника" имеется "послесловие" – "Сия вся аз недостойный и многогрешный чернец Ефим, ученик быв великого старца Федосиа, бывшего архиепископа Новаграда и Пскова, по благословению и по совету настоятеля святыя обители сея и соборных преимущих старцев, написах подлинно и изъяхих подробну о малых и тонких вещех монастырский обычей, сиречь Обиход и закон и предание преподобнаго отца нашего, светильника, начальника и создателя святыя обители сея Иосифа чудотворца".

Евфимий Турков был страстным книголюбом. Он хорошо знал, пополнял и бережно хранил богатейшую библиотеку своего монастыря. В 1573 г. он вместе с одним из братии составил опись книг, хранящихся в Иосифо-Волоколамском монастыре²⁸.

Мы упомянули лишь немногих русских книгописцев XI–XVI вв., чьи имена известны из созданных ими книг и из некоторых других источников. Но книгописцев в Древней Руси, в России XIV–XVI вв. и в более позднее время трудилось в тысячи раз больше (среди них встречались и женщины). Они были очень разными, жили в неодинаковых условиях и создавали непохожие, но всегда интересные книги.

В XVIII–XIX вв. строение рукописных книг сосредотачивается в старообрядческих общинах. О книгописцах этого времени известно немного, однако творчество нескольких мастеров книжного дела привлекало внимание палеографов²⁹. Среди книгописцев конца XIX – начала XX вв. выделяется замечательный мастер из Городца Нижегородской губернии Иван Гаврилович Блинов (1872–1944 гг.). Это был не только прекрасный каллиграф, но и талантливый художник-миниатюрист.

---

²⁸ См.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 5–6 и др.

²⁹ См.: Бобков Е.А. Певческие рукописи гуслицкого письма // ТОДРЛ. Т. XXXII. Л., 1977. С. 388–394.

тьюрист. Всего И.Г. Блинов создал свыше ста рукописных книг самой разнообразной тематики³⁰.

Мастера книгописного дела, самоотверженно и бескорыстно сберегавшие книжную мудрость и собиравшие "сладость" знаний для будущих поколений, вероятно, хорошо знали часто встречающуюся в книгах заповедь одного из отцов церкви: "О человеце, аще трудолюбне потщишися божественному писанию прилежати, трое благо получиши: первое – от своих трудов питаешися, второе – праздного беса изгониши, третье – з Богом беседовати имаши".

Что касается мастеров надписей на твердых материалах (например, на дереве), то о них известно очень мало – надписи безымянны, хотя и очень интересны³¹. О высоком профессионализме мастеров свидетельствуют их прекрасные изделия и надписи³².

Некоторые мастера надписей на изделиях из драгоценных металлов все-таки известны, но сведения о них скудны.

4. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ПОЧЕРКОВ И ТЕКСТОВ

Важной и актуальной задачей русской палеографии является изучение почерков писцов и книгописцев. Исследуя ту или иную рукопись, специалист неизбежно сталкивается с вопросом, одним или же несколькими мастерами написана данная книга, а при работе с несколькими рукописями может возникнуть впечатление о близости почерков разных текстов или их отдельных частей. Известно, что книжный мастер мог один написать несколько книг и, кроме того, принять участие в коллективном написании еще какого-нибудь количества рукописей. Определенные сложности изучения и идентифика-

---

³⁰ См.: Лёвочкин И.В. Иван Гаврилович Блинов и рукописные книги его работы // Книга: Исследования и материалы. Сб. 61. М., 1990. С. 131–138.

³¹ См.: Жегалова С.К. Русская народная живопись. М., 1975.

³² Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (Территория СССР). М., 1983.

ции почерков древнерусских писцов связаны также с тем, что многие книги сохранились не в полном составе, а с утратами большей или меньшей части своих листов. Однако в архивах, в библиотеках и в музеях России хранятся многочисленные отрывки различных рукописей, большинство из которых еще не исследованы. Вполне вероятно, что некоторые из этих фрагментов являются частями не полностью сохранившихся книг, которые уже давно описаны и введены в научный оборот.

В опубликованных описаниях рукописей указывается количество и характер почерков в конкретных книгах. Так, установлено, что "Остромирово евангелие" 1056–1057 гг. написано четырьмя мастерами. "Архангельское евангелие" 1092 г. — тремя, "Минея служебная" 1096 г. — двумя³³. Подобные примеры можно продолжить. Однако встречаются менее выраженные или, наоборот, множественные и неустойчивые различия в характере письма отдельных частей той или иной книги. В таких случаях в описании отмечается, что рукопись выполнена "несколькими почерками", без указания их границ, или же она содержит письмо "разных рук". Например, "Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР" выделяет "несколько почерков" в письме "Пандектов Антиоха", "Синайского патерика" XI в. и "Ефремовской кормчей" XII–XIII в.³⁴ Определение почерков как полууставного письма разных рук сделано по отношению к "Прологу" 1313 года, к "Евангелию апракос" XIV в., "Сборнику" XIV в.³⁵ и др. Нередки случаи, когда при описании какого-либо памятника письменности о почерках вообще умалчивается и отмечается лишь тип письма (устав, полуустав, скоропись). Это означает, что рукопись исполнена одним писцом. Однако нельзя исключать, что в действительности автор описания либо

---

³³ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 33, 44, 47.

³⁴ Там же. С. 66, 68, 116.

³⁵ См.: Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 169, 182, 185.

не обратил внимания на незначительные различия в письме в разных частях рукописи, либо затруднялся в их характеристике.

Особую важность имеет задача отождествления почерков двух и более книг. Первые попытки в этом направлении предпринимались еще в конце 30-х гг. XIX в. Так, в 1839 г. И.М. Снегирев попытался доказать тождество почерков в текстах "Лобковского пролога" (ГИМ, Хлуд. 187) и "Первой Новгородской летописи" (ГИМ, Син. 786)³⁶. Утверждение И.М. Снегирева о том, что писцом этих двух книг являлся пономарь Тимофей, не было безоговорочно принято палеографами. В "Сводном каталоге" вопрос о тождестве почерков "Лобковского пролога" и "Первой Новгородской летописи" определяется как дискуссионный³⁷.

Попытки идентифицировать почерки писцов двух и более рукописных книг продолжались и в XX в. Так, в 1974 г. Н.Н. Розов опубликовал статью, в которой утверждал, что часть текста "Изборника Святослава" 1073 г. и текст "Изборника" 1076 г. написаны одним и тем же книгописцем – дьяком Иоанном³⁸. Главным аргументом для подобного отождествления послужили записи писцов на страницах обоих "Изборников", именовавших себя Иоаннами. Н.Н. Розов не сравнивал почерки писцов двух этих книг (по крайней мере, не упоминал о методике отождествления почерков); он ограничился констатацией их "похожести", что недостаточно для столь ответственного вывода. Правда, в статье приводятся некоторые исторические данные, свидетельствующие, по мнению ученого, о том, что дьяк Иоанн "Изборника" 1073 г. и "грешный Иоанн" "Изборника" 1076 г. – одно и то же лицо. Однако выводы Н.Н. Розова не

---

³⁶ Снегирев И. Новгородский древний пролог // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. III. Кн. 3. С. 293–296.

³⁷ Сводный каталог. С. 200.

³⁸ Розов Н.Н. Об идентификации почерков старейших рукописных книг (XI–XII вв.) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 16–17.

убеждают. В.С. Гольшпенко права, когда полагает, что хотя "почерк Изборника 1076 г. близко напоминает письмо Изборника Святослава 1073 г.", эти почерки не родственны"³⁹. Анализ особенностей почерков в указанных книгах позволяет уточнить: эти почерки очень похожи, они относятся к одному и тому же времени и месту, но не тождественны, так как принадлежат разным книгописцам.

В том же 1974 г. в упомянутом уже сборнике "Древнерусское искусство: Рукописная книга" М.В. Щепкина опубликовала статью, в которой утверждала, что две рукописи ГИМ – "Псалтырь" 1296 г. (Син. 235) и "Псалтырь" XIII в. (Хлуд. 3) – написаны одним и тем же мастером⁴⁰. Этот вывод не убедил Л.П. Жуковскую, которая выразила сомнение в том, что эти книги написаны одним и тем же книгописцем⁴¹. Следует отметить, что М.В. Щепкина и сама видела определенные различия в почерках "Синодальной" и "Хлудовской" псалтырей, но объясняла она эти различия, во-первых, тем, что эти книги были написаны в разное время, и, во-вторых, тем, что последняя была написана по заказу настоятеля монастыря, а первая – по заказу княгини.

Очень важен вопрос об отождествлении почерков не полностью сохранившихся книг и отдельно хранящихся отрывков. Его актуальность подчеркивал Н.Н. Розов: "Полная картина статистики книги русского Средневековья предстанет перед исследователями только тогда, когда будет закончена работа по отождествлению сохранившихся и в немалом числе (особенно евангельских текстов) – фрагментов книг"⁴².

---

³⁹ См.: Изборник 1076. М., 1965. С. 123.

⁴⁰ Щепкина М.В. Возможность отождествления почерков в древнерусских рукописях // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 7–13.

⁴¹ См.: Орлова М.А. Конференция, посвященная методике идентификации почерков в древнерусской рукописной книге // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 394.

⁴² Розов Н.Н. Книга Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1977. С. 83–84.

Определенные достижения в воссоединении фрагментов книг и их отрывков, хранящихся отдельно, имеются⁴³, однако это только начало большого исследовательского процесса. Отождествление по почеркам и текстам не полностью сохранившихся книг и различных отрывков осложняется тем, что зачастую они хранятся в разных центрах и в разных городах.

Отождествление почерков и текстов важно не только для памятников уставного, но и полууставного, и скорописного письма. Здесь также имеются определенные достижения палеографов. Так, Н.В. Сеницына, изучив несколько рукописных книг конца XV – первой половины XVI в., пришла к выводу, что их следует отнести к числу книг, текст которых исполнил старец Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин⁴⁴. Эта же исследовательница на основании отождествления почерков нескольких книг установила: тексты эти исполнил Максим Грек⁴⁵. Б.М. Клосс предлагает атрибуцию почерков отдельных книг Нилу Сорскому и Нилу Полеву.⁴⁶ Скорописные почерки писцов нескольких книг успешно изучала И.С. Филиппова⁴⁷. Есть и другие попытки отождествлять почерки XV–XVI вв. и более позднего времени, однако подавляющее большинство текстов русских скорописных книг и отдельно хранящихся отрывков не идентифицированы.

---

⁴³ См.: Тихомиров Н.Б. Каталог русских и славянских рукописей XI–XII веков, хранящихся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Ч. 1 (XI в.), ч. 2 (XII в.) // Зап. отд. рукоп. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Вып. 25. М., 1962. С. 143; Вып. 27. М., 1965. С. 93–148 и др. См. также: Сводный каталог. С. 225–226 (части нотированного ирмология нач. XIII в.).

⁴⁴ Сеницына Н.В. Отождествление почерков русских рукописных книг конца XV – первой половины XVI в. и его трудности // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 89–113.

⁴⁵ Сеницына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 12–43 и др.

⁴⁶ Клосс Б.М. Нил Сорский и Нил Полев – "писатели книг" // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 150–167.

⁴⁷ Филиппова И.С. Идентификация писцов на основании анализа письма скорописных рукописей // Там же. С. 38–47.

Для правильного суждения о специфических особенностях почерков еще в начале XX в. И.М. Каманин предлагал пользоваться метрическим методом⁴⁸. За подобную методику высказывался Л.В. Милов, который считал необходимым "в исследованиях почерков опираться на графический материал, систематизированный в виде таблиц со статистическими выборками буквенных написаний"⁴⁹. К этой точке зрения близка позиция И.С. Филипповой, которая полагает, что основная задача при отождествлении почерков – выделить "графические варианты" букв и сравнить их⁵⁰. Такого же мнения придерживается и Н.В. Сеницына. По ее представлению, "главным условием истинности отождествления является большая практика работы с рукописями именно с точки зрения почерковедческого анализа, т.е. умение "узнавать" исследуемый почерк среди многочисленных похожих на него и сходных с ним"⁵¹. Л.П. Жуковская отстаивала преимущество экслитеральных способов идентификации почерка, поскольку так полнее раскрываются его индивидуальные особенности⁵².

Очевидно, что *почерк* – это совокупность индивидуальных особенностей письма того или иного человека, объективно проявившихся в конкретном тексте. Сюда входят: графика букв, строчные и надстрочные знаки, манера сокращения слов, а также общий вид текста – расположение письма на листе (плотность написания букв, особенности строки, ее совершенство и т.п.). В русских рукописных книгах разного времени и места происхождения наблюдаются почерки, резко отличающиеся друг от друга. В этих случаях даже не очень

---

⁴⁸ Каманин И.М. Метрический метод в палеографии и результаты его приложения к изучению южно-русского устава и полуустава XVI–XVIII вв. // Труды XIII археологического съезда. М., 1908. Т. 2, разд. IV. С. 207–209.

⁴⁹ Орлова М.А. Указ. соч. С. 395.

⁵⁰ Филиппова И.С. Указ. соч. С. 38 и др.

⁵¹ Сеницына Л.П. Максим Грек в России. С. 19, 25 и др.

⁵² Жуковская Л.П. Экслитеральные способы определения разных почерков // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. С. 28–37.

опытный специалист сумеет определить их нетождественность. Вместе с тем, исследователям часто приходится сталкиваться с реалиями сходных почерков. Именно в этих случаях необходимо проделать глубокий анализ, провести последовательное, скрупулезное сопоставление всех элементов почерков для последующих выводов.

Решая свои исследовательские задачи, Л.Е. Морозова предприняла попытку установить общие и отличительные признаки трех текстов XVI в. с целью доказать или опровергнуть принадлежность их почерков Зиновию Отенскому. Справедливо отметив, что "выделение в почерках характеристик, позволяющих идентифицировать писцов, является задачей, окончательно не решенной современной палеографией", она использовала рекомендации криминалистики⁵³. В итоге Л.Е. Морозова пришла к выводу, что три изучаемых текста написаны разными людьми. Но этот вывод можно было сделать и на основании палеографических методов, которые уже известны.

Несомненно, что для суждения о графике почерка, прежде всего, необходимо определить отношение высоты букв к их ширине, остроту углов наиболее характерных букв, угол наклона букв. При рассмотрении строчных и надстрочных знаков достаточно выяснить количество их разновидностей. Манеру же сокращений слов можно установить путем их подсчета с выносными буквами и без них. Представление об общем виде текста вырабатывается в процессе характеристики плотности написания букв и специфики строки с учетом разлиновки пергамена или же бумаги. Если все четыре основных показателя почерков при сравнении окажутся одинаковыми, то такие почерки, несомненно, тождественны. Но если хотя бы один из них будет отличаться от соответствующего показателя в другом, то эти почерки следует считать разными.

---

⁵³ Морозова Л.Е. Опыт определения авторства рукописей XVI века по почерку // История и палеография: Сб. ст. Ч. 1. М., 1993. С. 140–175.

Вопрос о том, одним или же несколькими мастерами написан текст конкретной рукописи, является наиболее простым⁵⁴. Что касается отождествления почерков двух и более разных книг, а также не полностью сохранившихся рукописей и отдельно хранящихся отрывков, то эта задача сложнее. Есть основания полагать, что подавляющее большинство сохранившихся книг написано разными мастерами. Это, разумеется, не означает, что работа по отождествлению почерков двух и более книг и отдельно хранящихся отрывков не является перспективной. Напротив, эта работа может оказаться весьма результативной.

Особо следует выделить задачу по отождествлению почерков поздних текстов как рукописных книг, так и других памятников русской письменности. Это не только письменность старообрядцев, но и огромный пласт архивных материалов самого разнообразного характера. Многие интересные памятники письменности оказались разобщенными и не авторизованными. Чтобы привести в строгую систему весь этот пласт русской письменности и культуры, без палеографических методов отождествления почерков не обойтись.

Почерки русских писцов и книгописцев XI–XIX вв. — это до сих пор во многом еще таинственный для науки мир. Изучение их насущно и увлекательно. И совершенно не случайно они привлекают все большее внимание специалистов. Даже почерки берестяных грамот становятся объектом анализа с целью их отождествления⁵⁵.

---

⁵⁴ Исключение составляют памятники, написанные разными типами письма, как, например, "Просветитель" Иосифа Волоцкого (ГИМ, Епарх. 337), где полуустав чередуется со скорописью в пределах одной страницы. Подобные книги редки и должны изучаться особо.

⁵⁵ Медынцева А.А. Письма Григория — тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 53–75.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ И ПАМЯТНИКИ ПЕЧАТИ

1. ПАЛЕОГРАФИЯ И СТАРОПЕЧАТНЫЕ КНИГИ

Как известно, в середине XVI в. в России началось книгопечатание. Сначала, в 50-е гг., появились так называемые безвыходные издания (т.е. без указания места и года издания), а в 1564 г. в Москве был напечатан знаменитый "Апостол" Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца. Со временем книгопечатание становилось все более эффективным и, пользуясь поддержкой светских и церковных властей, активно теснило книгу рукописную.

Печатные книги – сфера изучения книговедения. Однако печатными книгами XVI–XIX вв., а частично и более позднего времени, должна заниматься и палеография. Интерес палеографии к печатным материалам не случаен. Первые печатные книги возникли не на пустом месте, а на мощной традиции книг рукописных. Еще П.Н. Полевой в XIX в. писал о том, что первопечатные книги "явились с внешней своей стороны верным подражанием" книгам рукописным¹.

Иван Федоров и Петр Мстиславец, несомненно, хорошо знали рукописные книги своего времени. Они жили в Москве, а здесь находились замечательные собрания рукописных книг царской и митрополичьей библиотек, а также собрания Чудова монастыря, Успенского и Архангельского соборов. Были и другие собрания, доступные первопечатникам, занимавшимся

---

¹ Полевой П.Н. Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова. СПб., 1883. С. 8–9.

печатным делом по повелению царя Ивана IV и с благословения митрополита всея Руси Макария. Первопечатники не просто знали, а, надо полагать, любили и высоко ценили рукописные книги, как древние, так и современные. Об этом свидетельствует целый ряд фактов, которые содержатся в самих первопечатных книгах.

В середине XVI в. в русской рукописной книжности господствовало полууставное письмо. К этому времени русский полуустав достиг своего совершенства, поэтому первопечатники в основу своих шрифтов закладывают лучшие образцы московского полууставного письма. И напрасно В.Н. Щепкин полагал, что первопечатные "церковные книги" в основе своих шрифтов имели "тырновский почерк"². Ничего "тырновского" в безвыходных изданиях XVI в., а также в изданиях Ивана Федорова и Петра Мстиславца обнаружить невозможно³.

Уже в безвыходных изданиях 50-х гг. XVI в. шрифты были неодинаковыми. Так, печатные евангелия этого времени были узкошрифтовые, среднешрифтовые и широкошрифтовые⁴. Эта вариативность объясняется необходимостью поиска оптимальных шрифтов, а также вкусами самих первопечатников. Но в любом случае идея разнообразия шрифтов исходит из разнообразия полууставных почерков первой половины XVI в. Далеко не одинаковыми были и шрифты изданий Ивана Федорова и Петра Мстиславца, а также более поздних русских изданий. Это также связано с влиянием разнообразия полууставного письма первой половины XVI в. и последующего времени. Было из чего выбирать.

---

² Щепкин В.Н. Русская палеография. С. 140.

³ Подробнее см.: Лёвочкин И.В. К вопросу о возникновении рисунка русских первопечатных шрифтов // Федоровские чтения. 1983. Великий русский просветитель Иван Федоров. М., 1987. С. 110–115.

⁴ Протасьева Т.Н. Описание первопечатных русских книг // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 161–177.

Помимо "полууставных" шрифтов, в старопечатных книгах использовалась и характерная для русских рукописных книг первой половины XVI в. простая и изящная вязь. Но ничего нового в это декоративное письмо печатники не внесли. И это вполне понятно: к середине XVI в. русская книжная вязь достигла своего совершенства и не нуждалась в улучшении. Вязь русских старопечатных книг – это воспроизведение вязи, исполненной каллиграфами в рукописях.

Старопечатные книги ограничивали "вольность" кириллического алфавита, устанавливали известный предел вариативности начертания его знаков. Особенно это сказывалось на инициалах. И если в рукописных книгах инициалы характеризуются огромным разнообразием, то в книгах старопечатных они практически одинаковы. Ксилография, технологическая основа печати, не дает возможности разнообразить и усложнять орнаментику инициалов, потому они просты и отличаются от остальных букв только своей величиной, да еще цветом.

По примеру рукописных книг в старопечатных книгах, в их окончаниях, помещались послесловия, близко напоминающие послесловия рукописей⁵. Однако они стали более сдержанны и "академичны".

Старопечатные книги воспроизводили и многие другие особенности рукописных книг и, в частности, зеркало текста. Оно превращалось в полосу набора, по-своему повторяющую страницу рукописи. М.Н. Тихомиров справедливо писал: "Русские первопечатные издания воспроизводят текст рукописей своего времени с их характерными почерками, с их вязью, заставками, инициалами, кинноварными значками и т.д. Близость печатных изданий середины XVI в. к рукописям того же времени поразительна"⁶.

---

⁵ См.: Розов Н.Н. Послесловия Ивана Федорова как продолжение русской рукописной книжной традиции // Федоровские чтения. 1983 г. С. 51–54.

⁶ Тихомиров М.Н. Начало книгопечатания в России // Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 313.

Первые печатные книги были встречены читателями неоднозначно. Как всему новому, печатным книгам предстояло завоевывать своих сторонников. На некоторых книгах, изданных в XVI–XVII вв., сохранились следы их "усовершенствования", приближения к привычным рукописным книгам. Так, можно встретить раскраску печатных гравюр вручную и вклеивание традиционных миниатюр в книги старой печати, а также "дополнения" печатных книг рукописными текстами. С другой стороны, тексты старопечатных книг нередко переписывались, и таким образом появлялись рукописные книги, протографами которых были книги печатные. Этот сложный процесс взаимодействия старопечатных и рукописных книг еще не изучен, однако можно отметить, что при переписывании печатных книг писцы, как правило, не воспроизводили форму их текстов. Печатные шрифты, основанные на тех или иных разновидностях русского полууставного письма, могли заменяться на полуустав иного характера или даже на скоропись. Иначе и не могло быть. Переписчики воспроизводили тексты старопечатных книг своими почерками. При этом печатные шрифты не влияли на письмо переписчика, для которого, вероятно, более ценной была содержательная сторона текста. Скептически относясь к возможностям влияния печатных шрифтов на письмо, А.С. Орлов отмечал: "...впрочем – кто знает – любители, может и были выделывать в письме печатные буквы, но думаем, что они представляли редчайшие экземпляры"⁷.

Как и на рукописных книгах, на книгах старой печати встречается множество самых разнообразных надписей. Их письмо ничем не отличается от письма надписей, имеющих на рукописных книгах. Эти надписи могли располагаться и на одной странице, и быть рассредоточенными по нескольким страницам, как это нередко наблюдалось на книгах рукописных.

---

⁷ Орлов А.С. Домострой по Коншинскому списку и подобным // ЧОИДР. 1908. Кн. 2. С. 16 (третьего счета).

Констатируя одинаковые признаки рукописных и старопечатных книг, необходимо отметить и их закономерные различия. В конкретных текстах старопечатных книг нет вариативности графики букв кириллического алфавита, в то время как в рукописях одна и та же буква может быть написана, даже одним и тем же писцом, в нескольких вариантах. В старопечатных книгах очень мало сокращений, нет лигатур (кроме вязи), а тексты – с меньшим количеством выносных букв. Правая сторона текста печатных книг более строгая, чем в книгах рукописных. Ну и, конечно, старопечатные книги беднее по своей колористике.

2. ПАЛЕОГРАФИЯ И ТЕКСТЫ ГРАВЮР XVII–XIX ВВ.

В библиотеках, в музеях и в архивах хранятся многочисленные и очень сложные по своему содержанию и форме массивы русских гравированных изданий XVII–XIX вв. Они уже давно привлекают внимание ученых, преимущественно этнографов, филологов и искусствоведов⁸. Значительное внимание гравюрам уделяется и в настоящее время⁹, но считать их всесторонне изученными пока нельзя.

Гравированные настенные листы пользовались большой популярностью у городского и сельского люда. Д.А. Ровинский писал: "В обиходней жизни малограмотного населения картинки заменяли и газеты, и нынешние афиши: народ находил в них известия о разных чудесных явлениях на небе и на

---

⁸ См.: Снегирев И.М. Русская народная галерея или лубочные картинки // Отечественные записки. 1822. № 30; Буслаев Ф.И. О русских народных книгах и лубочных изданиях // Отечественные записки. 1861. № 9; Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. I–V. СПб., 1881–1893.

⁹ Овсянников Ю. Лубок. Русские народные картинки XVII–XVIII веков. М., 1968; Сакович А.Г. Народная гравированная книга Василия Корея 1692–1696. М., 1983. Т. 1–2; Хромов О.Р. Русская лубочная книга XVII–XIX вв. М., 1998 и др.

земле"¹⁰. Например, с гравированного листа XVIII в. на тему о Мамаевом побоище городецкий каллиграф и миниатюрист И.Г. Блинов сделал два списка, большего чем протограф формата¹¹.

Гравюры XVII–XIX вв. (и листовые, и в виде "книжек"), помимо самых разнообразных изображений, содержат и тексты. Именно эти тексты и должны интересовать палеографов. Однако, по справедливому замечанию О.Р. Хромова, "вопрос о палеографии гравированных текстов представляется важным и перспективным, но, к сожалению, еще недостаточно изученным"¹². Нет сомнения в том, что гравированные тексты заслуживают самостоятельных монографических исследований палеографов.

Характер и особенности шрифтов и текстов во всех видах русской письменности во многом зависят от исходных материалов и технологий исполнения. Хотя русские гравированные тексты во всех случаях исполнены на бумаге, процесс их создания начинается на твердых материалах – на деревянных или же на металлических досках (с XIX в. и на камне). А то, что считается гравированным текстом, – это оттиск с гравировальной доски.

В России на всем протяжении XVII–XIX вв. гравюры создавались также на дереве (ксилография), и на меди; их шрифты и тексты следует рассматривать особо. Шрифты ранних гравюр на дереве содержат много архаики, свойственной старопечатным книгам. В алфавите используются юсы, омеги, диграфы (например, оу) и другие древние знаки. Тексты, как правило, не разделяются на слова, что свойствен-

---

¹⁰ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. V. С. 73.

¹¹ См.: Иткина Е.И. Памятники Куликовского цикла в творчестве художника-миниатюриста И.Г. Блинова // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 216–224.

¹² Хромов О.Р. Указ. соч. С. 78.

но уставному письму. Сохраняются сокращения слов и выносные буквы под титлами. Ксилографические шрифты основываются на русском полууставном письме, но в них немало элементов, заимствованных от шрифтов старопечатных книг.

Значительная часть гравюр на дереве имеет сатирическую направленность, изображения здесь шаржированны. Соответственно и графика шрифтов подобных гравюр отступает от норм полуустава и печатных шрифтов. В этих случаях шрифты небрежны. Располагаются они на плоскости листов в самых разных местах, но в пределах конкретной гравюры характеризуются неким единством. Примером такой гравюры может служить ксилография первой четверти XVIII в. "Цирюльник хочет раскольникову бороду стричь"¹³.

Шрифты и тексты гравюр на дереве могут быть и вполне гармоничными. Особенно, если сюжет ксилографии достаточно серьезен (связан, например, с религиозной тематикой). Весьма показательными образцами таких шрифтов и текстов могут служить шрифты и тексты, исполненные в кон. XVII в. Василием Коренем¹⁴. Достаточно совершенны шрифты и тексты в некоторых гравюрах на дереве "исторической" тематики, как, например, на гравюре "Славное побоище царя Александра Македонского с царем Пором". Здесь буквы правильные, а тексты гармонично расположены на наиболее подходящих для них местах¹⁵.

Шрифты и тексты гравюр на меди более совершенны и исполнены строже. Как правило, они основываются на хорошем полууставном письме, либо же на четком курсиве. Их расположение на листах более компактно и определено. По существу шрифты и тексты на меди представляют собой либо подражание рукописному полууставу, либо хорошему кур-

---

¹³ См.: Овсянников Ю. Указ. соч. № 27.

¹⁴ Там же. № 21.

¹⁵ Там же. № 26.

сивному почерку, исполненному от руки. Образцами типичных шрифтов и текстов гравюр на меди являются такие, как "Слушай жених, читай не вертись, а что написано – не сердись" и "Описание публичного въезда в Москву присланного к здешнему императорскому двору от Порты Оттоманской чрезвычайного и полномочного посла Абдул Керима Беглербея Румелийского". На этих замечательных гравюрах второй половины XVIII в. шрифты близки к беглому полууставу, а тексты – к официальным сообщениям. Но их заголовки, написанные более крупными буквами, мало похожи как на буквы полуустава, так и на печатные шрифты своего времени¹⁶.

Особенности шрифтов и текстов русских гравюр на дереве и на металле (а также литографий – печати на камне), их похожесть на полууставное и курсивное письмо, следует объяснять тем, что они, в своей основе, выполнялись от руки. Гравировальная доска и техника получения готовой гравюры представляют собой оригинальное явление. Однако шрифты и тексты гравюр все же имеют свои отличительные признаки от полууставного письма, исполненного непосредственно на бумаге. Отличаются они и от курсива, которым пользовались в XIX в. для обычного письма. Степень отличия не одинакова в разных гравюрах. Это объясняется тем, что каждый мастер по-своему представлял готовые тексты своих гравюр и по-своему их исполнял.

Многие гравюры отличаются плохой сохранностью. Некоторые из них имеют утраты частей текста. Чтобы восстановить утраченные части текстов тех или иных гравюр, необходимо знать особенности их "почерков". А это задача палеографии, которая должна также помогать в отождествлении гравированных шрифтов.

---

¹⁶ Там же. №№ 62, 67.

3. ПАЛЕОГРАФИЯ И ИЗДАНИЯ НОВОЙ ПЕЧАТИ

Шрифты и тексты новопечатных изданий (XVIII–XIX вв.) существенно отличаются от шрифтов и текстов старопечатных и гравированных. Больше отличий наблюдается в изданиях гражданского шрифта, меньше – в изданиях традиционных, напечатанных древней кириллицей. Но и в первом, и во втором случаях шрифты и тексты новой печати имеют много общего как с рукописными, так и старопечатными памятниками русской письменности.

Задачи палеографии по отношению к изданиям новой печати традиционны – определить время и место их происхождения. Несмотря на то, что новопечатные издания в большинстве случаев изначально датировались и локализовывались самими издателями, на практике книговеды и палеографы сталкиваются с фактами неполной сохранности изданий – с утратами титульных листов и окончаний текстов, где проставлялись выходные сведения. В подобных случаях методы палеографии оказываются весьма эффективными.

Определением времени и места создания того или иного памятника новой печати и, в частности, фрагмента подобного памятника (а таких фрагментов немало) задачи палеографии не ограничиваются. Для палеографа как историка письма важно установить, что и почему перенесено в произведения новой печати из письменности прошлого. И еще: как влияет сохранившаяся книжная архаика на форму новопечатных изданий, способствует ли она популярности у читателей произведения новой печати. Для палеографии важно и то, почему новопечатные издания отказываются от старых ценностей, которые использовались в рукописных книгах.

Не могут не интересовать палеографию и те, весьма многочисленные и разнообразные, надписи и пометы, которые по традиции делались на изданиях новой печати. Отождествление почерков этих надписей и помет может иметь

очень важные результаты. В частности, методом отождествления почерков можно установить, кому или какой библиотеке принадлежал соответствующий печатный экземпляр книги.

Книги, журналы, альманахи и листовые издания XVIII–XIX вв. необычайно разнообразны. Типографии нового времени располагали огромным количеством самых разнообразных шрифтов, а печатники – опытом верстки, который давал им возможность печатать тексты оригинальные, неповторимые. Государственные, церковные и частные издательства и типографии стремились к тому, чтобы их издания отвечали высоким требованиям и вкусам читателей.

Издания XVIII–XIX вв. по всем показателям богаче и совершеннее изданий старой печати (XVI–XVII вв.), но беднее рукописных книг. В них и гражданский, и кириллический шрифты более разнообразны по своей графике и величине. Разнообразнее и полосы набора. С другой стороны, основные шрифты стали мельче, а плотность текстов увеличилась. Создатели произведений новой печати практически отказались от вязи (за исключением церковных книг и некоторых листовых изданий). Отказались они и от использования киновари. Развитие техники, механизация создания книги, ее многократное тиражирование обезличивало книгу, первоначально бывшую результатом индивидуального творчества.

Изменение внешнего вида новопечатных изданий связано с общими для всех сторон русской культуры процессами. Экономический и научный прогресс неизбежно вел к дальнейшему развитию техники издательского дела и технологии печати. Эстетику новопечатных изданий во многом уже определял экономический эффект. Издатели становились предпринимателями; на смену монахам-переписчикам, талантливым книгописцам и художникам Средневековья в книжное дело пришли инженеры и профессионалы полиграфии.

Полоса набора новопечатных изданий приобрела вид, соответствующий вкусам эпохи. Но в ней все же сохранился

один интересный реликт, и прогресс перед ним оказался бес-
сильным. Это инициал, возраст которого – тысяча лет. Ко-
нечно, инициалы новопечатных изданий стали иными, но они
сохранились как особое графическое явление. Мало того, они
сохранили и свое великое разнообразие. В большинстве слу-
чаев они утратили так некогда украшавшие их орнаментику и
многоцветие, но приобрели немало других достоинств. Так,
инициалы некоторых изданий XIX в. стали сопровождаться
рисунками, а в отдельных случаях и целыми жанровыми
сценками. В качестве примеров таких инициалов можно при-
вести работы художников Р.К. Жуковского в книге "Русские
полководцы" (СПб., 1845) и К. Чичагова в книге "Русская воен-
ная сила" (М., 1892)¹⁷. В конце XIX в. издательство А.С. Суво-
рина заинтересовалось древними тератологическими инициа-
лам. В результате, историко-литературный журнал "Историче-
ский вестник" (СПб., 1894) был оформлен с использованием
тератологических инициалов, очень похожих на инициалы
XIV в.¹⁸

Новопечатные издания XVIII–XIX вв. сосуществовали
рядом с другими изданиями и рукописными книгами. Все
книжное богатство, накопленное человечеством за многие
века создания книг, хранилось в государственных, церковных
и частных библиотеках. Читатели этих библиотек могли ра-
ботать с книгами, удовлетворяя собственные культурные по-
требности, а также изучать книги, раскрывая современникам
тайны их создания и живую силу их содержания. Сверхзадача
палеографии – своими методами способствовать возрожде-
нию интереса к этим духовным богатствам.

---

¹⁷ См.: Долинский М.З., Якубович В.И. Русский инициал. Вторая поло-
вина девятнадцатого века. Двадцатый век. М., 1990. С. 160–174.

¹⁸ Там же. С. 196–205.

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ
И
ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1845.

Образцы шрифтов новопечатной книги

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В области русской палеографии работают профессиональные историки и филологи. И те, и другие изучают "внешность" алфавита, типов письма и печатных шрифтов в их развитии и конкретных проявлениях. У них, помимо специфических научных, есть общие цели и задачи, состоящие в правильном описании, датировке и атрибуции исторических источников, однако решаются они разными методами. Историков больше интересуют факты, изложенные в памятниках письменности и печати, а филологов — язык текстов. Именно в этом причина своеобразного "уклона" в историю или филологию, который наблюдается в работах по русской палеографии. Этот уклон особенно заметен в известных учебниках филолога В.Н. Щепкина и историка Л.В. Черепнина.

Историкам хорошо известно, что славянские племена первого тысячелетия н.э. имели общую культуру и, соответственно, общий язык. Кирилло-мефодиевские переводы в равной степени были понятны как для южных и западных, так и для восточных славян. С X в. южные, западные и восточные славяне начинают обособляться, а списки кирилло-мефодиевских переводов приобретают некоторые специфические черты. От XI–XII вв. сохранились книги, в которых присутствуют либо болгарские, либо сербские, либо русские языковые особенности (изводы). Это означает, что первоначально в Древней Руси были известны списки с кирилло-мефодиевских переводов на некогда единый старославянский язык. Постепенно различия в языке и, следовательно, письменности славян достигли такого уровня, что привели к возникновению собственных древнерусских текстов и книг. В

них отразились уже исторические факты, литературные вкусы, философские воззрения и эстетические пристрастия древнерусских книгописцев.

Кириллический алфавит, уставное, полууставное и скорописное письмо, а также старопечатные тексты представляют известные трудности для их правильного восприятия нашими современниками. Это объясняется существенными изменениями, которые претерпела русская письменность за свою более чем тысячелетнюю историю. Изменились состав, графическая основа алфавита и манера письма. Шрифты старопечатных книг также отличаются от современных. В основе всех этих процессов лежит эволюция русского языка, его фонетики, грамматики, лексики и синтаксиса. Графика лишь стремится соответствовать языковым потребностям. Следовательно, при работе с подлинными памятниками письменности или печати XVI–XIX вв. необходимо знать историю русского языка и уметь пользоваться соответствующими пособиями и словарями.

Наиболее значительных успехов в палеографических исследованиях, на наш взгляд, можно достичь, сочетая масштабность исторического подхода к памятникам письменности с тщательностью их лингвистического анализа. Но главное — скрупулезно и настойчиво отмечать все внешние особенности источника: его графики, орнаментики, материала для письма и способа его нанесения, датирующих и атрибутирующих признаков и пр. Тогда результат работы будет понастоящему ценным для науки.

Книга "Основы русской палеографии", как представляется автору, лишь обозначает круг вопросов, которыми занимаются палеографы, и в определенной степени обосновывает их актуальность для современной отечественной науки и культуры. На бесспорные научные выводы эта работа не претендует. Поэтому в ней отсутствует обстоятельный анализ графических особенностей кириллического алфавита в уставном,

полууставном и скорописном письме, а также в печатных и графированных шрифтах. Это тема специальных монографических исследований, которые, несомненно, будут созданы.

Предваряя эти исследования, необходимо подготовить и издать аннотированные альбомы с образцами начертаний букв кириллического алфавита во всех типах русского письма на всем протяжении времени его применения. Необходим и подобный палеографический альбом шрифтов и текстов книг, изданных на русском языке в XVI–XIX вв. Такие альбомы могли бы с успехом использоваться не только в средней и высшей школе, но и в более широком диапазоне.

В "Основах русской палеографии" не рассматривается подробно вопрос о так называемом южно-славянском влиянии на русскую письменность. И это тоже не случайно. В старых учебниках по русской палеографии этому вопросу уделялось очень большое внимание. Но что такое "южно-славянское влияние"? Не является ли оно возрождением древнерусской письменности в условиях освобождения русских земель от татаро-монгольской зависимости? Этот процесс глубоко и всесторонне не изучен, а представления ученых XIX в. по этой проблеме давно устарели.

Избранная и посильно рассмотренная проблематика "Основ русской палеографии", мы надеемся, будет полезной для дальнейших исследований в этой области.

И.В. Лёвочкин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ТИПОЛОГИИ ОРНАМЕНТОВ РУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ XI–XVI вв.¹

Теоретические представления и практическая работа современных палеографов и археографов, которые, так или иначе, сталкиваются с необходимостью определения орнаментов русских рукописных книг XI – XVI вв. и более позднего времени, в значительной степени основываются на соответствующих параграфах известного учебника В.Н. Щепкина. Видный филолог-славист и палеограф, В.Н. Щепкин полагал, что в XI–XII вв. в русских рукописных книгах господствовал византийский стиль орнамента, в XIII–XIV вв. – тератологический, в XV в. – балканский, а в XVI в. – нововизантийский, на смену которому шел старопечатный². Однако схема происхождения и типологии орнаментов русских рукописных книг, приведенная в учебнике В.Н. Щепкина, в отечественной палеографии не единственна.

Еще в исследовании 1903 г. А.И. Соболевский писал: "Устав и старший полуустав нередко имеют при себе заставки и большие буквы, исполненные в так называемом чудовищном стиле", а "младший полуустав (с середины XV в. – И.Л.) обыкновенно сопровождался геометрическим или (ре-

---

* Впервые напечатано: Записки отдела рукописей / Рос. гос. б-ка. Вып. 51. М., 2000. С. 9–17. Публикуется без изменений.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный 20.IV.1990 г. См.: Лёвочкин И.В. Русская палеография и проблемы изучения орнаментов рукописных книг XI–XVI вв. // Тез. докл. и сообщ. конф. по итогам научно-исслед. работы Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина за 1989 г. М., 1990. С. 109–110.

² Щепкин В.Н. Учебник русской палеографии. 1920. С. 42–60.

же) растительным орнаментом"³. И.А. Шляпкин, который хорошо знал не только рукописные книги, но и памятники материальной культуры, считал, что если орнамент древнерусских книг XI в. "является подражанием византийской эмали" (эмали, но не орнаментам рукописей. – И.Л.), то в XII в. "он подражает русской вышивке, и красная плетенка является в нем характерным признаком". В XV в., по его словам, "орнамент напоминает северный, весенний цветущий луг, в нем много желтой и красной краски. Это новый тип начинающейся московской культуры, сменяющей новгородскую. Появляются колеса, решетки, спирали"⁴.

Наблюдения И.А. Шляпкина полностью соответствуют действительности. Красная (киноварная) плетенка действительно характерна для орнаментов русских рукописей XII в. Наиболее яркий пример такой плетенки – многие инициалы известного "Юрьевского евангелия" 1119–1128 гг. Мало того, кинноварная плетенка нередко встречается и в рукописях XI в., например, в инициалах "Архангельского евангелия" 1092 г., а также и в орнаментике книг XIII–XIV вв.

Для типологии орнаментов русских рукописных книг очень важны выводы Ю.А. Олсуфьева, который писал: "Обозрение книг Лавры (ризницы библиотеки) нас привело... к заключению о существовании трех главных, ясно выраженных типов орнамента за период XIV–XVII веков: орнамента животного в плетении или без такового для XIV века, геометрического для XV века и растительного для времени последующего"⁵. Ю.А. Олсуфьев знал учебник палеографии В.Н. Щепкина, од-

---

³ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиогр. материалы. СПб., 1903. С. 3.

⁴ Шляпкин И.А. Русская палеография. СПб., 1913. С. 93–94.

⁵ Олсуфьев Ю. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. М., 1921. С. II.

нако от полемики с его автором отказался, хотя и заявлял, что "употребляемая нами терминология для обозначения различных родов орнамента — не установившаяся и в большинстве случаев новая, вытекающая из наших наблюдений"⁶.

Вплоть до 50-х гг. XX в. новых идей в области истории книжных орнаментов палеографы, археографы и искусствоведы выдвинуть не смогли. В немногочисленных работах, которые были написаны после 1920–1921 гг., господствовала схема В.Н. Щепкина. В 1954 г. А.Г. Шицгал опубликовал конспект своих лекций, в котором предложена новая схема типологии орнаментов русских рукописных книг. Автор писал: "За период до возникновения книгопечатания в древней Руси различают, в основном, следующие типы орнаментов в рукописных книгах: старорусский, тератологический, плетеный, московский и лиственный"⁷. А.Г. Шицгал, как и Ю.А. Олсуфьев, пишет не о стилях, а о типах орнаментов. На это следует обратить самое серьезное внимание. Ведь стиль и тип орнамента это далеко не одно и то же.

Свое отношение к вопросам о происхождении и типологии орнаментов русских рукописных книг высказал и Л.В. Черепнин. Не ссылаясь на работы Ю.А. Олсуфьева и А.Г. Шицгала и не соглашаясь с В.Н. Щепкиным в определении орнамента XI–XII вв. как византийского, ученый писал: "Не создавая искусственных терминов, лучше просто говорить об орнаменте Древней Руси XI–XII вв., отличающемся по своему стилю от орнамента периода феодальной раздробленности"⁸. Об орнаменте следующего периода Л.В. Черепнин писал: "С XII в. зарождается новый стиль рукописного орнамента — "чудовищный" или "тератологический"... который господствует в

---

⁶ Там же. С. VII.

⁷ Шицгал А.Г. Шрифт и орнамент: Конспект лекций. Ч.1. М., 1954. С. 24.

⁸ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 167.

русской письменности в XIII — XV вв.⁹. Что касается так называемых балканского и нововизантийского орнаментов, то Л.В. Черепнин полагал, что “эта терминология односторонняя” и что эти термины” не отражают самобытных черт русского искусства, того что орнамент XV в. в его обеих разновидностях развивался на основе традиций орнамента Древней Руси XI — XII вв. и чудовищного стиля XIII — XIV вв.”. “Более удачным, — считал этот ученый, — представляются названия стилей орнамента XV в. по самой манере украшений: жгутый, или плетеный, и растительный”¹⁰. Орнамент русских рукописных книг XVI в. Л.В. Черепнин предлагал называть “растительным, или травным, цветным”¹¹.

Выводы Л.В. Черепнина оказали заметное влияние на представления специалистов о происхождении и типологии орнаментов русских рукописных книг XI — XVI вв., однако, по различным причинам полностью приняты не были.

Своеобразную позицию при определении орнаментов русских рукописных книг XI — XVI вв. и более позднего времени заняла Т.Б. Ухова. В ее двух работах, посвященных описанию миниатюр, орнаментов и гравюр рукописных книг собраний В.М. Ундольского и Троице-Сергиевой Лавры¹², нередко встречаются “двузначные” определения орнаментов. Характерным примером определения орнаментов конкретной книги может служить такая вот ее формула: “Заставка на л. 1 — растительного орнамента неовизантийского типа”¹³. В ней очень наглядно отражается попытка “примирения” двух точек

---

⁹ Там же. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 167.

¹¹ Там же. С. 398.

¹² Ухова Т.Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в собрании В.М. Ундольского // Зап. отд. рукоп. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Вып. 18. М.: 1956. С. 64 — 71; Она же. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря и Московской духовной академии // Там же. Вып. 22 М.: 1960. С. 5 — 56.

¹³ Зап. отд. рукоп. Вып. 18. С. 81. (Миния служебная XVI в.).

зрения на орнамент русской рукописной книги XVI в. — Л.В. Черепнина и В.Н. Щепкина.

Следует обратить особое внимание и на то, что здесь (и во многих других случаях) Т.Б. Ухова вместо термина "стиль" применяет иной термин — "тип", причем в отличие от Ю.А. Олсуфьева и А.Г. Шицгала в соединении со "щепкинским" определением "неовизантийский" ("византийский", "балканский" ...).

Примерно такую же позицию занимал и Ю.А. Неволин. В его рекомендациях по определению книжных орнаментов XI–XIV вв. можно найти такие, например, определения: "южнославянский орнамент", "плетеный орнамент "балканского типа", "переходный тип от "старовизантийского" к "тератологическому" и др.¹⁴ Подобную терминологию Ю.А. Неволин широко применял и в своей практической работе в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР. При этом не отказывался и от употребления "старых" определений орнаментов — "византийский", "балканский", "неовизантийский" стиль (и тип)¹⁵. Значение оригинальных определений орнаментов, которые были предложены Ю.А. Неволным, состоит в том, что они показывают ограниченность схемы В.Н. Щепкина, ее "тесноту". Однако и определения Ю.А. Неволлина безоговорочно принять невозможно; эти определения настолько субъективны, что орнаменты практически каждой книги оказываются не имеющими общетипологических признаков. А между тем, сам Ю.А. Неволин справедливо писал: "Отсутствие единой терминологии зачастую приводит к тому, что со-

---

¹⁴ Неволин Ю.А. Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно // Методическое пособие по описанию славянорусских рукописей для "Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР". Вып. I. М., 1973. С. 174–175.

¹⁵ См.: Машинописные описания собраний рукописных книг Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР, подготовленные в 60–70-х гг.

ставители описаний (рукописей. — *И.Л.*) различных хранилищ называют по-разному один и тот же тип украшений"¹⁶.

Один из крупнейших специалистов в области славяно-русской палеографии нашего времени — Л.П. Жуковская, решительно отказалась от определений книжных орнаментов на основе схемы В.Н. Щепкина. В своей статье об инициалах древнерусских книг она сделала убедительный вывод: "При всем разнообразии инициалов в древнерусских рукописях вообще и в каждой в отдельности (лишь в редких исключениях инициалы в какой-либо рукописи однообразны у одного и того же писца) они имели нечто общее. Это общее позволяет относить инициалы к тому или иному стилю или типу. Определяя эти типы, мы видели, что нет оснований считать их византийскими или южнославянскими, так как истоки и развитие их отчетливо прослеживаются в самой рукописной книге, в быту и прикладном искусстве Древней Руси"¹⁷.

Л.П. Жуковская считала, что в рукописных книгах Древней Руси имеются инициалы эмальерного и растительного типов, витые и плетеные, а также инициалы звериного (тератологического) стиля. К сожалению, в работе Л.П. Жуковской понятия "стиль" и "тип" применяются без четкого различия.

В 1983 г. автор настоящей работы опубликовал 110 инициалов из русских рукописных книг XI–XVI вв.¹⁸ Эта публикация сопровождается вступительной статьей и краткими комментариями к каждому из инициалов. Всего здесь выделено 10 типов инициалов: коленчатые, узорные (эмальерные), растительные, плетеные, витые, зооморфные, тератологические, антропоморфные, сюжетные и геометрические (ка-

---

¹⁶ Неволин Ю.А. Методика работы над "Иллюстрированным каталогом иллюминированных рукописей в собраниях ГБЛ" // Зап. отд. рукоп. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Вып. 37. М., 1976. С. 219.

¹⁷ Жуковская Л.П. Инициалы в древнерусских рукописных книгах // Рус. речь. 1974. № 3. С. 120.

¹⁸ Лёвочкин И.В. Инициалы русских рукописных книг XI–XVI вв. М., 1983.

лиграфические). Названная публикация примыкает к статье Л.П. Жуковской, однако, понятие "стиль" в ней не применяется.

В 1984 г. вышел в свет "Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв."¹⁹. В этом каталоге обобщен опыт многих специалистов, которые работали с рукописными книгами. Определения орнаментов здесь весьма своеобразны. С одной стороны, название, к примеру, "старовизантийский" сохраняется, но вместо слова "стиль", которое для В.Н. Щепкина и других палеографов прошлого было неотделимым от собственного названия, применяется слово "тип". Так, орнаменты "Остромирова евангелия" определяются следующим образом: "Большая заставка... 18 малых заставок... старовизантийского типа... Инициалы старовизантийского орнамента, с антропоморфическими элементами"²⁰. Орнаменты "Изборника Святослава" определены так: "Две заставки старовизантийского типа... под заставками два больших инициала старовизантийского типа". Но – "орнаментальная рамка старовизантийского стиля"²¹. Орнаменты "Архангельского евангелия" 1092 г. определены следующим образом: "заставка – интерпретация старовизантийского орнамента с элементами плетенки южно-славянского типа; ...заставки-разделители (3) – примитивы южнославянского типа; ...инициалы (177), все – орнамент старовизантийского типа (с элементами южнославянской интерпретации)"²². Думается, что большей путаницы в определении орнаментов хотя бы трех названных рукописей XI в. придумать невозможно. И подобные определения, к сожалению, характерны для всего "Сводного каталога".

Касааясь происхождения орнаментов славянских и русских рукописных книг, В.Н. Щепкин писал: "У южных славян

---

¹⁹ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. М., 1984.

²⁰ Там же. С. 33.

²¹ Там же. С. 37.

²² Там же. С. 44.

и в России вместе с христианством и письменностью распространялось византийское искусство, в том числе и орнамент. В орнаменте рукописей византийское влияние было почти исключительным: иные художественные влияния проникали в памятники письменности позднее и редко"²³. В этом высказывании нет и намека на существование различных орнаментов у славян как самобытного творчества задолго до принятия ими христианства. Но В.В. Стасов справедливо писал: "Всякий, занимавшийся изучением древних рукописей, знает, что в их заглавных буквах, кроме редких исключений, очень мало христианского, религиозного элемента, ...напротив, главное содержание в этих заглавных буквах языческое"²⁴. И действительно, разнообразные орнаменты как явление эстетической мысли и культуры существуют с древнейших времен (с палеолита). У народов всех континентов и стран они применялись и применяются для украшения одежды и предметов быта, орудий труда и оружия, а также в архитектуре и прикладном искусстве. Орнаменты в рукописных (и печатных) книгах – частный случай их бытования...

Для решения весьма сложных вопросов происхождения и типологии орнаментов русских рукописных книг XI–XVI вв. и более позднего времени, прежде всего, необходимо выяснить, что такое орнамент. В.Н. Щепкин определял его так: "Орнамент есть ритмическое зрительное искусство в пределах плоскости"²⁵. Современный специалист предлагает иное определение: "Орнамент – содержательное искусство, хотя в нем структура определенно господствует над мотивом. При всей своей отвлеченности, эта структура есть, в известном смысле, художественная модель мира и, значит, далеко не

---

²³ Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 46.

²⁴ Стасов В.В. Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей // Собр. соч. 1847–1886 гг. Т. 1. Художественные статьи. СПб., 1894. С. 849.

²⁵ Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 42.

формальна"²⁶. И еще: "Орнамент – вид искусства, по преимуществу предназначенный к синтезу... его основная роль в этом синтезе состоит в зрительной организации поверхностей, привнесении в предмет меры и ритма, в придании неопределенному, аморфному определенных границ и членений, в активизации динамического ощущения формы и, наконец, в эмоциональном "приподнимании" деловой, чисто функциональной вещи до уровня эстетически осознанной, индивидуализированной..."²⁷

Определение, предложенное В.Н. Щепкиным, никак не связывается ни с эстетическим содержанием орнамента, ни с его национальными особенностями. И если сравнить определения, которые были предложены В.Н. Щепкиным и Ю.Г. Герчуком, то первое оказывается явно недостаточным, неудовлетворительным. Но, как уже отмечалось, основные положения В.Н. Щепкина, относящиеся к орнаментам русских рукописных книг, еще не ушли в прошлое. Мало того, в некоторых работах предпринимаются попытки их "оживления", реанимации²⁸. В этой связи высказывания В.Н. Щепкина о происхождении и типологии орнаментов русских рукописных книг необходимо рассмотреть более внимательно.

Л.П. Жуковская вполне обоснованно считала, что инициалы древнерусских книг нельзя называть, как это делал В.Н. Щепкин, "византийскими" или же "византийского стиля". Помимо той аргументации, которую приводила Л.П. Жуковская, следует привести и дополнительную. Орнаменты византийских книг X–XII вв. далеко не единообразны. В них имеются самые разнообразные мотивы: виття, плетения, сти-

---

²⁶ Герчук Ю.Г. Структура и смысл орнамента // Декор. искусство СССР. 1979. № 1. С. 32.

²⁷ Он же. Художественная структура книги. М., 1984. С. 174.

²⁸ См.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 205–335.

лизированной растительности, зооморфные, тератологические и др.²⁹ Но подобные мотивы орнаментов есть не только в византийских книгах.

Орнаменты заставок и инициалов с мотивами витя и плетения были весьма широко распространены в русских рукописных книгах и XI–XII, и XIII–XIV, и XV–XVI вв. О таких орнаментах XV в. В.Н. Щепкин писал: "В западной и юго-западной Руси и в самом Московском государстве господствует в XV в. главным образом жгутовый и плетеный орнамент, который ввиду своего широкого распространения у южных славян и у румын в XIV–XV вв. называется также балканским орнаментом"³⁰. Но если этот орнамент одинаково широко был распространен и на землях России (в "Московском государстве господствует"), и на Балканах, то почему же его нужно называть "балканским"? Это древний геометрический орнамент, известный во многих странах. Наглядным свидетельством сказанному может служить знаменитый электронный сосуд IV в. до н.э. из кургана Куль-Оба (близ Керчи), по тулову которого положен четкий жгутовый орнамент.³¹ Другое дело, что у каждого народа существовали и существуют свои особенности воплощения этого типа орнамента в конкретных изделиях, в том числе и в книгах. В этой связи необходимо отметить, что жгутовые и плетеные орнаменты

---

²⁹ Кондаков Н.П. Зооморфические инициалы греческих и глаголических рукописей X-го – XI-го столетий в библиотеке Синайского монастыря. СПб., 1903.

³⁰ Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 57–58.

³¹ См.: Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. М., 1976. С. 59. О плетеном орнаменте А.К. Елкина справедливо писала: "Одни и те же орнаменты трафаретно повторяются в произведениях из различных материалов: камня, дерева, кости, металла и пергамента, везде они непогрешимо следуют закономерностям, присущим общему прототипу – самому ремеслу плетения". (См.: Елкина А.К. Исторические и теоретические принципы построения плетеного орнамента // Худож. наследие. Хранение, исследование, реставрация. М., 1983. № 8 (38). С. 58.)

рукописных книг народов Балканского полуострова значительно отличаются по манере исполнения от подобных же орнаментов русских рукописных книг.

Параллельно с геометрическими орнаментами в русских рукописных книгах XI–XVI вв. были широко распространены орнаменты, в основе которых лежат растительные мотивы. В научной литературе такие орнаменты определяются по-разному. В одних случаях – просто "растительные", "цветочные", "тонкотравные" и т.п. В других – "нововизантийские", "старопечатные", а по отношению к инициалам, имеющим украшения в виде веточек или листьев, – "тонкие киноварные с орнаментальными отростками" (определение Ю.А. Неволлина; а если подобные инициалы выполнены золотом? тонкие – насколько? орнаментальный отросток – что это? – И.Л.). И если первая группа определений растительных орнаментов отражает их сущность, то о второй этого сказать нельзя.

По мнению В.Н. Щепкина, "нововизантийский" орнамент возник в XIV в. в Восточной Болгарии как стиль придворных кругов. В XV в. он как составная часть так называемого второго южно-славянского влияния проникает в Россию, а в XVI в. "господствует в роскошных рукописях Московского государства"³². В этом представлении совершенно не учитывается объективный процесс развития древнерусских орнаментов, а русские изографы, которых В.Н. Щепкин лишает способности к самостоятельному творчеству, оказываются слепыми подражателями чужих моделей. Но орнаменты русских рукописных книг XI–XVI вв. свидетельствуют о другом: о самобытности и творческой самостоятельности русских орнаменталистов. И глубоко прав Н.А. Кожин, который считает, что "мотивы декораций рукописей и стилистика декора в значительной степени восходят к системе декораций

---

³² Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 55–57.

~ предметов народно-прикладного искусства и к характерному для искусства русского народа "узорочью" в развитии его от древнейших времен и до XVIII–XIX вв., т.е. имеет народную основу"³³.

Таким образом, тот орнамент, который В.Н. Щепкин и его эпигоны называли "нововизантийским" ("неовизантийским"), в действительности является разновидностью растительных орнаментов. При этом, по справедливому выводу Н.Н. Розова, "его следует рассматривать как возрождение орнамента русских книг XI–XII вв."³⁴.

К типу растительных орнаментов следует относить так называемый "старопечатный" орнамент русских рукописных книг, который, как полагал В.Н. Щепкин, возник в результате соединения "неовизантийской заставки", внутри которой "появляются "клейма" (узорные рамки)... содержащие как главный мотив крупные травы", которые "по стилю... относятся к орнаменту немецкого Возрождения". Произошло это соединение якобы "под влиянием орнаментов Московских печатных книг XVI в."³⁵. Но орнаменты русских первопечатных книг не заимствованы извне. А.С. Зернова вполне обоснованно писала: "...перед глазами первопечатников несомненно могли быть рукописи с заставками растительного стиля, уже сходными с гравюрой, которые могли послужить образцами для резчиков печатных украшений"³⁶. То же самое утверждает и Е.Л. Немировский: "Орнаментика первых печатных книг (России. – *И.Л.*) – продолжение той же линии, тех же приемов художественного убранства, которые в течение многих десятилетий (столетий! – *И.Л.*) были выработаны мастерами ру-

---

³³ Кожин Н.А. Искусство русской рукописной книги XVIII–XIX вв. // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 203.

³⁴ Розов Н.Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 92.

³⁵ Щепкин В.Н. Указ. соч. С. 58.

³⁶ Зернова А.С. Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. С. 12.

кописной книги. Ничего принципиально нового, за исключением самого метода воспроизведения, мы здесь не видим"³⁷.

Итак, те орнаменты русских рукописных книг XI–XVI вв., которые В.Н. Щепкин и его последователи считали "византийским", "балканским", "неовизантийским" и "старопечатным", в действительности являются орнаментами геометрического и растительного типов, характерными для русского декоративного искусства.

В русских рукописных книгах XI–XVI вв. довольно широко были распространены еще зооморфные и тератологические орнаменты. Особенно часто они использовались в рукописных книгах второй половины XIII и XIV вв. В отличие от геометрических и растительных орнаментов, которые В.Н. Щепкин и его сторонники разделяли на разные стили, зооморфные и тератологические орнаменты подобного деления не получили. Почему? – остается загадкой. Но независимо от этого обстоятельства, тератология, например, византийских, болгарских, русских и других книг X–XVI вв. не одинакова по своему конкретному исполнению. Одно дело – скромная, неразвитая тератология книг византийских и совсем другое – буйная, в высшей степени изобретательная и по-своему интересная тератология, скажем, новгородских книг XIV в. Значит, тератологические, как и всякие другие

---

³⁷ Немировский Е.Л. Орнаментика первых московских печатных книг // Труды НИИ Полиграфмаш. Вып. 21. Исследовательские работы по шрифтам. М., 1962. С. 100 и др. Е.Л. Немировский ошибочно полагает, что истоки широколистственного орнамента лежат в творчестве русского изографа кон. XV – нач. XVI в. Феодосия, который якобы оказался под влиянием алфавита Изразля фон Мекенема. Несколько рукописных книг нач. XVI в. с элементами "орнаментов Мекенема", которые, кстати, не являются оригинальными, не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на орнаменты русских рукописных книг. Что же касается орнаментов русских первопечатных (безвыходных) книг, то их орнаменты никакого отношения к алфавиту Мекенема не имеют.

орнаменты, имеют свои стили, которые, к сожалению, практически еще совершенно не изучены.

Помимо геометрических, растительных, зооморфных и тератологических орнаментов русских рукописных книг XI–XVI вв. необходимо выделить еще несколько типов орнаментов, в которых имеются свои признаки. Так, очень интересны орнаменты, состоящие из разных элементов. Заставка или инициал в своей основе могут состоять, например, из геометрических элементов, но, как правило, дополняются элементами растительными. В основе тератологических орнаментов лежат "чудовища", но такие орнаменты также очень часто дополняются либо растительными, либо геометрическими мотивами. Такие орнаменты следует назвать сложными.

Рассмотренные основные типы орнаментов русских рукописных книг XI–XVI вв. могут и должны разделяться на стили. Выше уже отмечалось, что тип и стиль – это не одно и то же. И если тип орнамента – это определяющие его мотивы, то стиль – их национальное или местное воплощение. Тип орнамента – это общее, стиль – частное. Типы орнаментов существуют с древнейших времен, стили относительно недолговечны. Смена стилей орнаментов, видимо, определяется фундаментальными изменениями в общественной жизни народов. Стили орнаментов русских рукописных книг XI–XVI вв. и более позднего времени еще ждут своих исследователей. Это большая самостоятельная работа, которую предстоит выполнить.

Необходимо подчеркнуть, что в русских рукописных книгах XI–XVI вв. применялись, в общем, те же орнаменты, что и в других сферах народной культуры средневековой России. Следовательно, говорить о византийском, балканском или же "неовизантийском" орнаменте русских рукописных книг нет никаких оснований. Простая или сложная плетенка, стилизованная или же "реалистическая" растительность, зооморфные, тератологические или антропоморфные мотивы, которые реально проявляются в заставках и инициалах русских

рукописных книг, по своему происхождению древнеславянские, а по конкретному исполнению – русские средневековые. В этом можно легко убедиться при простом сравнении орнаментированных рукописных книг разных народов и стран.

В настоящее время в различных центрах нашей страны продолжается процесс научного описания рукописных книг, и археографы обязаны определить их орнаменты. Но как это сделать, когда в науке нет достаточно обоснованных критериев? Здесь археографам могли бы помочь методические работы, но, к сожалению, надеяться на это не приходится. В 1989 г. Уральским государственным университетом были опубликованы "Методические указания" по описанию рукописных книг, в которых говорится и об определении орнаментов. Авторы этой работы считают, что при описании рукописей следует указывать "тип орнамента (старовизантийский, южно-славянский, балканский, тератологический, поморский и т.д.)". И далее: "Если составитель описания затрудняется определить тип орнамента, им указываются составляющие элементы орнамента: растительных, геометрических форм, с зооморфическими и антропоморфическими элементами, плетенка, подражание старопечатным изданиям.... и т.д." Рекомендую применять понятие "тип орнамента", в конкретном примере составители "Методических указаний" используют понятие "стиль": "...л. 1,10 – заставки балканского стиля, в красках, многоцветные"³⁸. Отметив отсутствие четкости и ясности "указаний" по определению орнаментов в данной работе, следует констатировать, что археографы-практики вряд ли здесь смогут получить для себя реальную помощь.

В другой работе методического характера³⁹ вопрос об

---

³⁸ См.: Описание рукописных книг: Метод указания / Сост.: С.А. Галишев, И.Л. Манькова, Л.С. Соболева, А.Т. Шашков. Свердловск, 1989. С. 19.

³⁹ См.: Экспертиза и научно-техническая обработка рукописных книг: Метод. рекомендации / Сост. Ю.Д. Рыков. М., 1990. С. 28–29.

определении орнаментов по существу сводится к общим рассуждениям. Ее составитель пишет: "При описании орнамента в рукописных книгах древних и древней традиции необходимо определять и указывать его тип и кратко характеризовать ярко выраженные индивидуальные особенности". Судя по одному из пяти приведенных в данной работе примеров, здесь археографы-практики также не смогут получить сколько-нибудь ясного представления об определении орнаментов: "На л. 122 об. концовка-орнамент старовизантийского стиля с зооморфическими элементами (птицы), – одноцветный контурный рисунок". Так что же все-таки определять – тип орнамента или его стиль? И на каком основании определять?

Как свидетельствуют приведенные в этой статье факты, в литературе нет общепризнанных критериев при определении орнаментов русских рукописных книг. На современном уровне знаний, видимо, целесообразно применять при описании рукописей лишь понятие "тип" орнамента. При этом следует исходить только из составляющих его мотивов и обозначать как "геометрический", "растительный", "зооморфный", "сложный", "тератологический" и др. Вполне допустимы и такие определения, когда собственные типы орнаментов в описании не указываются, а называются лишь их конкретные разновидности: "жгутовый орнамент", "плетеный", "широколиственный" и т.п., как нередко и делается на практике. Что же касается определения стилей орнаментов русских рукописных книг XI–XVI вв., то в настоящее время это практически невозможно; на протяжении времени русские орнаменты не оставались неизменными, но их эволюция остается неизученной.

В предисловии к альбому А.С. Зерновой А.А. Сидоров справедливо писал: "В изучении народного искусства, в овладении художественным наследием, стало ясно, что наука недостаточно обращала внимание на декоративные искусства, издревле любимые, постоянно практикуемые народными

мастерами"⁴⁰. Несмотря на то, что эти слова были сказаны более сорока лет назад, они полностью сохраняют свое значение и в настоящее время. Палеографу и археографу следует осознать, что орнаменты русских рукописных книг – это особое явление русского народного искусства и говорить о нем необходимо именно с этой позиции.

---

⁴⁰ Сидоров А.А. Предисловие // Зернова А.С. Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. С. 3.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Азбука, см. **Алфавит**

Акростих – слово, выражение, стих, образуемый начальными буквами строк текста.

Алфавит – упорядоченный набор графических знаков (букв) для передачи звуков конкретного языка.

"Апостол" – христианская богослужебная книга, содержащая часть Нового завета (Деяния и Послания апостолов) и Апокалипсис. Первая печатная книга Ивана Федорова (1564 г.).

Археография – специальная историческая дисциплина, занимающаяся собиранием, описанием и изданием рукописных, печатных и др. памятников письменности.

Атрибуция – определение принадлежности художественного произведения тому или иному автору, мастерской, школе, времени и т.д.

Бомбицина – древнейшая западноевропейская бумага, напоминающая по своему виду пергамен: толстая, желтоватого цвета.

Бумага – материал для письма, получаемый преимущественно из растительных волокон, которые нагреваются (варятся) до получения однородной массы.

Вержеры и пантюзо – следы сетки, с помощью которой отливали бумагу.

Водяной знак (филигрань) – видимое на просвет изображение на бумаге, полученное с помощью проволоочной сетки. В палеографии помогает датировать рукописные и старопечатные издания и другие документы.

Вспомогательные (специальные) исторические дисциплины – изучают определенные виды или отдельные стороны формы и содержания исторических источников.

Выносные (надстрочные) знаки – знаки (буквы, их фрагменты и специальные небуквенные обозначения), выходящие за пределы текстовой строки.

Вязное письмо, см. **Вязь**

Вязь – сложное декоративное письмо, основанное на древнем уставе, но состоящее из сочетания букв разного размера в пределах одной строки.

Генеалогия – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая происхождение, историю, родственные связи родов и семей.

Геометрический орнамент – тип орнамента, составленного из геометрических элементов.

Глаголица – одна из двух славянских азбук, отличается графикой букв. Известна у древних славян (преимущественно в Болгарии, Моравии и Хорватии) с кон. IX – нач. X в.

Гравюра – вид графического изображения, получаемого с помощью печатного оттиска рельефного рисунка, нанесенного на доску гравером.

Гражданский шрифт – вариант русского алфавита, созданный для изданий гражданской печати. Вошел в употребление после реформы алфавита, проведенной Петром I в 1708 г. Лег в основу современного русского шрифта.

Гражданское письмо – правильное курсивное письмо XIX в.

Граффити – древние и средневековые надписи, нацарапанные на стенах

зданий, сосудах и др. твердых поверхностях.

Датирующие признаки – палеографические данные о документе, существенно значимые для установления времени и места его создания, а также последующего всестороннего анализа.

"Домострой" – памятник русской литературы XVI в., свод житейских правил и наставлений. Отражает принципы строгого патриархального быта.

Евангелия – раннехристианские сочинения, повествующие о земной жизни Иисуса Христа.

Жития святых – жизнеописания (биографии) духовных и светских лиц, канонизированных христианской церковью. Изучаются как исторический, лингвистический и литературный источник.

Жуковины – металлические изделия разных форм, предохраняющие переплеты книг от истирания.

Заставка – небольшая орнаментальная композиция, выделяющая и украшающая начало какого-либо раздела книги.

Звериный (тератологический) орнамент – тип орнаментации в виде фантастических изображений зверей и птиц, переплетающийся с растительными мотивами. Наиболее характерен для русского книжного искусства XI–XIV вв.

Зооморфный орнамент – орнаментальное украшение с элементами изображений птиц и животных.

Инициал – укрупненная заглавная буква раздела в тексте книги. В рукописях часто украшалась орнаментом.

Историческая метрология – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая развитие систем мер и единиц счета.

Источники исторические – все объекты, отражающие исторический процесс и позволяющие изучать прошлое человечества: все, созданное человеком (включая предметы материальной и духовной культуры, памятники письменности и пр.), а также результаты его взаимодействия с окружающей средой.

Источниковедение – отрасль исторической науки, разрабатывающая историю, теорию и методику изучения и использования исторических источников (в основном письменных).

Киноварь – природный минерал красного цвета, используется для приготовления краски.

Кириллица – одна из двух (вместе с глаголицей) славянских азбук; известна с кон. IX – нач. X вв. Названа по имени составителя этой азбуки Кирилла, философа, византийского ученого и богослова (IX в.). Легла в основу русского алфавита.

Кириллическое письмо, см. **Кириллица**
Книговедение – комплекс наук о книге, ее возникновении, специфике, распространении и применении.

Копия – изделие или художественное произведение, максимально точно повторяющее другое изделие или произведение. Копирование часто служило способом распространения памятников древней и средневековой письменности.

Курсив – правильное округлое начертание букв кириллического алфавита с наклоном. В печатном шрифте имитация письма от руки.

Летописи – исторические повествования Древней Руси XI–XVII вв., состоящие из погодных записей. Часто объединялись в летописные своды по территориальному признаку или политическому заказу.

Лигатура – буква или знак, образованный из соединения элементов двух букв или знаков транскрипции; один знак, передающий сочетания букв.

Лигатурирование — соединение в одном сложном искусственном знаке двух и более букв.

Литорея — вид тайнописи, основанный на замене букв в слове.

Минеи — христианские богослужебные книги, содержащие тексты церковных служб годового круга (по месяцам).

Миниатюра книжная — художественное произведение малых размеров, отличающееся особо тонкой манерой наложения красок, в рукописных книгах.

Мирские книги — книги, предназначенные для удовлетворения юридических, информационных, эстетических и др. потребностей людей в обычной жизни (в миру).

Надпись — буквенные изображения на твердых материалах и тканях, выступающие дополнительным средством выражения художественного смысла памятников изобразительного и прикладного искусства.

Оклад — украшение лицевой поверхности иконы или книжного переплета металлическими накладками с эмалью, драгоценными камнями и пр.

Орнамент книжный — узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов украшения.

Палеография — историко-филологическая дисциплина, предметом изучения которой является древнее и старое, вышедшее из употребления, письмо того или иного народа и государства во всех его внешних формах проявления.

Палимпсест — древняя рукопись, написанная на писчем материале (гл. образом пергамене) после того, как с него был удален первоначальный текст.

Патерики — сборники жизнеописаний отцов церкви, монахов какого-либо

одного монастыря, обычно признанных церковью святыми.

Пергамен — специально обработанная кожа овец или телят, используемая в средние века в качестве основы для письма.

Письменность — конкретная реализация письма; совокупность письменных памятников определенного народа или эпохи.

Письмо — система фиксации речи с помощью графических знаков (букв).

Подделка — процесс и результат изготовления произведения искусства в подражание стилю (содержанию, графике письма) какой-либо эпохи или автора. Подделкой считается также изменение формы и содержания подлинных документов.

Полуустав — тип почерка, графическая разновидность кириллического письма, обеспечивающая большую скорость начертания букв по сравнению с уставом. Допускает сокращения слов и разделение текста на слова. На Руси известен с XIV в.

Полууставное письмо, см. **Полуустав**

Почерк — совокупность индивидуальных особенностей письма того или иного человека, объективно проявившихся в конкретном тексте.

Пролог — сборник кратких житий, расположенных в календарном порядке по дням их церковной памяти. Также тип древнеславянской книги.

Протограф — первоначальная рукопись, положенная в основу более поздних списков (копий, редакций).

Псалтырь — книга псалмов, одна из книг Библии.

Растительный орнамент — тип орнаментального украшения рукописных и старопечатных книг, основанный на различных растительных мотивах.

Редакция — формальный или содержательный вариант текста, получившийся в результате его переписки или переработки автором или другим лицом.

Русская палеография — наука о внешних особенностях русского кириллического письма древнего (X–XIII вв.), средневекового (XIV–XVI вв.), а также письма нового времени (XVII–XIX вв.).

Русский алфавит — ряд букв, передающий звуковой состав русской речи и обеспечивающий письменную и печатную фиксацию русского языка. Состоит из 33 букв (20 согласных и 10 гласных).

Синодики — литературные памятники, включающие средневековые византийские и русские сказания; а также списки умерших для церковного поминовения.

Скоропись — наиболее распространенный тип делового письма (с XV в.); характеризуется большой свободой начертания букв кириллического алфавита, большим количеством лигатур и выносных знаков, нарушающих линейность строки текста.

Скрепа — специальный знак в местах склейки различных документов, свидетельство их подлинности (в столбцах).

Служебные книги — книги для удовлетворения различных хозяйственных, юридических и обрядовых нужд, книги не для простого чтения.

Список — рукописная копия текста.

Стемли — графические изображения происхождения списков и взаимосвязи текстов и их редакций.

Столбцы (свитки) — форма приказного делопроизводства в канцеляриях России XV–XVII вв., при которой документы писались в виде узких полосок бумаги, свернутых в трубку.

Сфрагистика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати.

Тайнопись (криптография) — система изменения письма с целью сделать текст непонятным для непосвященных лиц. Отрасль палеографии, изучающая графику систем тайнописи.

Текст — смысловое единство формальных знаков (слов, предложений), образованное по правилам данного языка.

Текстология — отрасль филологии, литературоведческая дисциплина, изучает историю и структуру текстов (памятников письменности) во всем многообразии их списков и редакций.

Типографика — наука о технике печатных изданий.

Тиснение — получение изображения путем давления нагретой формы на переплетную крышку книги.

Титло — надстрочный знак, указывающий на сокращенное написание слова или на цифровое значение буквы в средневековом славянском письме.

"Требник" — православная богослужебная книга, содержащая тексты церковных служб и изложения порядка частных молитв и обрядов (треб), исполняемых верующими.

Устав — тип почерка древнеславянских рукописей, написанных кириллицей с прямым четким начертанием каждой буквы, малым количеством сокращений и отсутствием деления текста на слова.

"Устав церковный" — книга, содержащая правила монастырского общежития и церковной организации.

Уставное письмо, см. **Устав**

Филигрань — проволоочное изображение, укрепляемое на сетке для отлива бумажных листов с целью получения водяных знаков.

Хроника — средневековое историческое сочинение, последовательно излагающее события, главным образом, местного характера.

Хронограф — древнеславянское сочинение по всемирной истории.

Хронология — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая системы летоисчисления и календари у разных народов; помогает устанавли-

вать даты событий и время создания исторических источников.

Церковные книги – книги, связанные с ритуалом христианского культа и монастырского обихода.

Чернила – материал для письма; наиболее древние чернила получали из чернильных орешков (галлов).

Четы книги – книги, предназначенные для обычного чтения.

"Четы-Минеи" (чтения ежемесячные) – сборники житий святых, составленные по месяцам в соответствии с днями их церковного почитания.

Эмаль – техника украшения разноцветными эмалевыми сплавами небольших изделий из металла.

Используется в книжных и иконных окладах.

Эпиграфика – специальная историческая дисциплина, изучающая надписи на камне, дереве, металле, керамике и пр. твердых поверхностях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ И СНОСКАХ

Автореф. дис. — автореферат диссертации	н.э. — наша эра (в датах)
акад. — академик	научн. — научный
аннот. — аннотированный	нач. — начало (в датах)
архим. — архимандрит	об. — оборотный (лист)
библиогр. — библиографический	ок. — около (в датах)
б-ка — библиотека	отд. — отдел
в. — век	перераб. — переработанное (издание)
вв. — века	под ред. — под редакцией
вступит. — вступительная (статья)	посв. — посвященный
вып. — выпуск	проф. — профессор
г. — год	разд. — раздел
гг. — годы	рос. — российский
гос. — государственный	рукоп. — рукопись
декор. — декоративный	рус. — русский
докл. — доклад	с. — страница
доп. — дополненное (издание)	с.-петербургский — Санкт-Петербургский
зап. — записки	сб. — сборник
и др. — и другие	св. — святой
и пр. — и прочее	см. — смотри
и т.д. — и так далее	собр. соч. — собрание сочинений
и т.п. — и тому подобное	сов. — советский
изд. — издание	сообщ. — сообщение
им. — имени (в названиях)	сост. — составитель(-ли)
имп. — императорский	СПб. — Санкт-Петербург (в выходных данных)
испр. — исправленное (издание)	ст. — статья
исслед. — исследовательский	студ. — студенческий
канд. — кандидат	т. — том
кн. — книга	т.е. — то есть
коммент. — комментарий	табл. — таблица
кон. — конец (в датах)	тез. — тезисы
конф. — конференция	техн. — технический
Л. — Ленинград (в выходных данных)	тыс. — тысяча
л. — лист	указ. соч. — указанное сочинение
М. — Москва (в выходных данных)	филолог. — филологический
метод. — методический	худож. — художественный
	ч. — часть

АББРЕВИАТУРЫ

АН – Академия наук
БАН – Библиотека Академии наук
БРАН – Библиотека российской Академии наук
ГАФ – Государственные архивные фонды
ГБЛ – Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГИМ – Государственный исторический музей
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИОР – Научно-исследовательский отдел рукописей
ОПИ – Отдел письменных источников
ОР – Отдел рукописей
ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская Академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека
СССР – Союз советских социалистических республик
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)
УССР – Украинская советская социалистическая республика
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОКРАЩЕНИЯ В ШИФРАХ УПОМИНАЕМЫХ РУКОПИСЕЙ

БАН, Археогр. ком. – Библиотека Академии наук (СПб.). Собрание Археографической комиссии
ГИМ, Воскр. – Государственный исторический музей (Москва). Собрание Воскресенского монастыря
ГИМ, Епарх. – Государственный исторический музей. Епархиальное собрание
ГИМ, Сим. – Государственный исторический музей. Собрание Симонова монастыря
ГИМ, Син. – Государственный исторический музей. Собрание Московской синодальной библиотеки

ГИМ, Хлуд. – Государственный исторический музей. Собрание А.И. Хлудова
ГИМ, Чуд. – Государственный исторический музей. Собрание Чудова монастыря
РГБ, Рум. – Российская государственная библиотека (Москва). Собрание графа Н.П. Румянцева
РГБ, Тр.-Серг. – Российская государственная библиотека. Собрание Троице-Сергиевой Лавры
РНБ, Пог. – Российская национальная библиотека (СПб.). Собрание М.П. Погодина

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авраамий Палицын, древнерусский писатель, монах Троице-Сергиева монастыря, XVII в. 52

Автократов В.Н. 45

Адрианова-Перетц В.П. 103

Аксенова Г.В. 85

Алекса, сын пресвитера Лазаря, писец "Мстиславова евангелия" XI-XII вв. 114

Александр Ярославич Невский, св., кн. новгородский, в. кн. владимирский. XIII в. 51

Алексий, св., митрополит московский, кон. XIII-XIV вв. 51

Андрей, дьяк тверской, писец "Устава церковного" 1438 г. 117

Анна, королева Франции, дочь Ярослава Мудрого 112

Антоний, игумен волоцкий XIII в., заказчик Евангелия у писца Захария 116

Арциховский А.В. 44

Б

Бардин А.И. 97

Барсов Е.В. 53

Бегунов Ю.К. 56

Бельчиков Н.Ф. 56

Беляев И.С. 81

Берков Н.П. 82

Блинов, Иван Гаврилович, книгописец и миниатюрист городецкий, XIX-XX вв. 119-120, 134

Бобков Е.А. 119

Борис, св., кн. ростовский, сын Владимира Святославича, XI в. 51

Борис Александрович, кн. тверской, XV в. 117

Борковский В.И. 110

Бурцев В., составитель "Букваря" 1634 г. 106

Буслаев Ф.И. 133

Бычков А.Ф. 62

В

Валк С.Н. 182

Василий Корень, гравировщик, XVII в. 133, 135

Введенский А.А. 111

Вернадский В.И. 109

Вздорнов Г.И. 110

Владимир, кн., см. Владимир Святославич

Владимир Святославич, св., кн. киевский. X-нач. XI вв. 51, 103

Владимир Мономах, в. кн. киевский, XI в. 114

Всеволод Новгородский, кн., сын Мстислава Владимировича, XII в. 43

Г

Галишев С.А. 159

Геннадий, архиепископ новгородский, инициатор создания "Геннадиевой библии" 1499 г. 110

Георгий Амартол, византийский писатель, IX-X вв. 50

Герчук Ю.Г. 153

Глеб, св., кн. муромский, сын Владимира Святославича, XI в. 51

Гогешвили А.А. 101

Голейзовский Н.К. 75

Гольщенко В.С. 123

Городилова Л.М. 81

Горский А.В. 62

Гранстрем Е.Э. 59

Григорий, дьякон, писец "Остромирова евангелия" 1056-1057 гг. 113

Григорий, тиун боярский, писец берестяных грамот 127

Григорий Цамблак, древнеславянский писатель и проповедник, митрополит киевский и валахский, XIV-XV вв. 69

Гурий Тушин, книгописец, монах Кирилло-Белозерского монастыря, XVI в. 112, 118, 124

Д

Дергачева И.В. 53

Добиаш-Рождественская О.А. 13

Добрило, см. Константин, дьяк

Долинский М.З. 139

Домид, книгописец псковский, один из писцов "Псковского апостола" 1307 г. 95, 98, 101–102, 116

Е

Евфимий Турков, книгописец, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря, XVI в. 118119

Егоров Е.Е. 53

Елкина А.К. 154

Есипов Г.Е. 81

Ж

Жаден, златописец "Мстиславова евангелия" кон. XI–нач. XII вв. 114

Жегалова С.К. 120

Жуковская Л.П. 10, 27, 34, 44, 81, 98, 104, 112, 114, 123, 125, 150, 151, 153

Жуковский Р.К., художник 139

З

Зализняк А.А. 44

Захария, писец "Псалтыри княгини Марины" 1296 г. 116

Зернова А.С. 156, 160, 161

Зиновий Отенский, древнерусский писатель, XVI в. 126

Зосима Соловецкий, препод., основатель и игумен Соловецкого монастыря, XV в. 51

Зыков Э.Г. 34

И

Иван IV Грозный, царь русский, XVI в. 69, 129

Иван Тимофеев, древнерусский писатель, XVII в. 52

Иван Федоров, первопечатник русский и украинский, XVI в. 107, 128–130

Израиль фон Макенем (Макенен), немецкий гравировщик и ювелир, XV в. 157

Иларион, летописец киевский, монах Киево-Печерского монастыря, XI в. 109

Илия, епископ тверской, XV в. 117

Иоанн, дьяк, писец "Изборника Святослава" 1073 г. 113, 122–123

Иоанн "грешный", писец "Изборника" 1076 г. 122–123

Иоанн Малала, византийский писатель, VI в. 50

Иосиф Волоцкий, древнерусский писатель и полемист, основатель и настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря, XV–XVI вв. 127

Исаченко М.В. 30

Истомин К., писатель и просветитель русский, XVII в. 107

Истрин В.А. 5, 29, 63, 62

Иткина Е.И. 134

К

Казакова Н.А. 112, 118

Калайдович К.Ф. 10

Каманин И.М. 125

Каменцева Е.И. 21, 27

Карамзин Н.М. 50

Каринский Н.М. 16, 58, 59, 61, 64

Карский Е.Ф. 10, 62, 63

Кирилл, см. Константин–Кирилл Философ

Клепиков С.А. 39

Клосс Б.М. 124

Князевская О.А. 70, 110

Кобрин В.Б. 27

Ковальченко И.Д. 25

Кожин Н.А. 155, 156

Кондаков Н.П. 154

Кондрашкина Е.С. 77

Константин, см. Константин–Кирилл Философ

Константин, дьяк, писец "Добрилова евангелия" 1164 г. 116

Константин Болгарский, древнеславянский гимнограф, X в. 34

Константин–Кирилл Философ, св., вероучитель, составитель славянской азбуки, IX в. 6, 29, 30–33

Коцева Е. 70

Кукушкина М.В. 59, 61, 63, 112

Л

Лавров П.А. 70

Лёвочкин И.В. 68, 75, 102, 109, 110, 120, 129

Леонид, архимандрит 62

Леонтьева Г.А. 27

Лихачев Д.С. 7, 24, 50

Лихачев Н.П. 10, 39
Ломоносов М.В. 50
Люблинский В.С. 82

М

Макарий, архиепископ новгородский и митрополит московский и всея Руси, XV–XVI вв. 69, 129

Максим Грек, философ и церковный писатель, переводчик, XVI в. 118, 124, 125

Малюта Скуратов, опричник Ивана Грозного, XVI в. 51

Манькова И.Л. 159

Марина, княгиня, заказчица "Псалтыри княгини Марины" 1296 г. 116

Маясова Н.А. 93

Медведев А.Ф. 41

Медынцева А.А. 27, 44, 127

Мефодий, архиепископ моравский, IX в. 6, 29

Милов Л.В. 125

Михаил Медоварцев, книгописец московский, XVI в. 117–118

Михаил Черниговский, св., кн., XIII в. 51

Михайлов М.И. 12

Морозова Л.Е. 126

Мошин В.А. 59

Мстислав Великий, см. Мстислав Владимирович

Мстислав Владимирович, кн. новгородский и в. кн. киевский, сын Владимира Мономаха, XII в. 43, 114

Муравьев А.В. 15, 90, 91

Мусин-Пушкин А.И. 53

Н

Наслав, слуга Мстислава Владимировича, автор надписи на "Мстиславовом евангелии" кон. XI–нач. XII вв. 114

Неволин Ю.А. 149, 150, 155

Невоструев К.И. 62

Немировский Е.Л. 156, 157

Николай, св., архиепископ мирликийский, V в. 51

Николай (Угодник), см. Николай, архиепископ мирликийский

Никон, книгописец, игумен Киево-Печерского монастыря, XI в. 109

Никон, патриарх московский и всея

Руси, XVII в. 96, 105

Нил Полев, писатель, монах Иосифо-Волоколамского монастыря, кон. XV–XVI вв. 124

Нил Сорский, писатель, полемист, церковный деятель XV в. 124

О

Овсянников Ю. 133, 135

Оленин А.Н. 10

Олсуфьев Ю.А. 146, 147, 149

Ольга, св., княгиня киевская, X в. 51

Орлов А.С. 44, 132

Орлова М.А. 123, 125

Остромир, посадник новгородский, заказчик "Остромирова евангелия" 1056–1057 гг. 113

П

Петр I, император российский, XVIII в. 34, 97, 105

Петр Мстиславец, книгопечатник, XVI в. 128, 129

Платонова Н.Г. 120

Погодин М.П. 53

Покровский А.А. 109

Полевой П.Н. 128

Попов А.Н. 62

Постникова-Лосева М.М. 120

Протасьева Т.Н. 117, 129

Прохоров Г.М. 30, 32

Р

Ровинский Д.А. 133, 134

Рогов А.И. 104

Рождественский Н.П. 56

Розов Н.Н. 63, 71, 72, 79, 81, 95, 112, 113, 122–124, 130, 156

Румянцев Н.П. 53, 115

Рыбаков Б.А. 24, 41, 44, 92, 104

Рыков Ю.Д. 159

С

Савва, епископ можайский 60

Савватий Соловецкий, препод., основатель Соловецкого монастыря, XIV–XV вв. 51

Сакович А.Г. 133

Сапунов Б.В. 46

Свирин А.Н. 93

Святослав, см. Святослав Ярославич

Святослав Ярославич, в. кн. киевский, заказчик "Изборника Святослава"

1073 г. 52, 53, 113, 114

Сергий Радонежский, св., религиозный и общественный деятель, основатель Троице-Сергиева монастыря, XIV в. 51, 52
Сидоров А.А. 160, 161

Симеон, священник, заказчик "Добролюбова евангелия" 1164 г. 116

Симеон Иванович Гордый, в. кн. московский, XIV в. 110

Симонов Р.А. 34

Синицина Н.В. 118, 124, 125

Сморгунова Е.М. 81

Снегирев И.М. 122, 133

Соболева Л.С. 159

Соболева Н.А. 27

Соболевский А.И. 71, 72, 74, 104, 105, 112, 145, 146

Соловьев С.М. 50

Сперанский М.Н. 97, 101

Срезневский И.И. 10, 64, 65

Стасов В.В. 152

Степанов Н.В. 32

Стефан Пермский, епископ, составитель пермской азбуки, XIV в. 37

Столярова Л.В. 98

Строганов С.Г. 9

Строгановы 111

Суворин А.С., издатель 139

Судаков Г.В. 81

Сулакадзев А.И. 97

Т

Татищев В.Н. 50

Творогов О.В. 98

Тимофей, пономарь, новгородский книгописец, один из писцов "Лобковского пролога" 1262 – 1282 гг. 122

Тихомиров М.Н. 15, 27, 44, 50, 90, 91, 130

Тихомиров Н.Б. 125

Тромонин К.Я. 39

У

Уваров А.С. 53, 62

Ульянова Б.Л. 120

Ульяновский В.И. 111

Ундольский В.М. 10, 148

Ухова Т.Б. 148, 149

Ф

Феодор, св., боярин кн. Михаила Черниговского, XIII в. 51

Феодосий, изограф московский, сын Дионисия иконописца, нач. XVI в. 118, 157

Феодосий, см. Феодосий Печерский

Феодосий, архиепископ новгородский и псковский, XVI в. 119

Феодосий Печерский, св., писатель, церковный деятель, основатель и настоятель Киево-Печерского монастыря, X в. 51, 109

Филипп, митрополит московский, XVI в. 51

Филиппова И.С. 124, 125

Флоря Б.Н. 31

Х

Хлудов А.И. 62

Храбр Черноризец, болгарский писатель, X в. 30–33

Хромов О.Р. 133, 134

Ц, Ч

Чаев Н.С. 63

Черепнин Л.В. 10, 12, 21, 27, 44, 58–61, 63, 90 147–149

Черноризец Храбр, см. Храбр Черноризец 141

Чичагов К., художник 139

Ш

Шахматов А.А. 50

Шашков А.Т. 159

Шицгал А.Г. 147, 149

Шляпкин И.А. 12, 146

Шорин П.А. 27

Шостьин Н.А. 22

Штаден Г., немец–опричник Ивана IV Грозного, XVI в. 91

Шульгина Э.В. 81

Щ

Щавинский В.А. 40

Щепкин В.Н. 10, 12, 14, 15, 58–60, 63, 69, 70–71, 74, 77, 90, 129, 141, 145–147, 149–157

Щепкина М.В. 123

Э, Ю, Я

Якубович В.И. 139

Янин В.Л. 23, 27, 44

Ярослав Владимирович Мудрый, в. кн. киевский, сын Владимира Святославича, XI в. 104, 108, 112–114

Яцимирский А.И. 69

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ РУКОПИСНЫХ И ПЕЧАТНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

"Азбучная молитва" Константина Болгарского 34 "Апостол" (М., 1564) Ивана Федорова и Петра Мстиславца 128 "Апостол толковый" 110 "Архангельское евангелие" 61, 121, 146, 151 "Большой букварь" (М., 1696) К. Истомина 107 "Букварь" (М., 1634) В. Бурцева 107 "Букварь" (Львов, 1574) И. Федорова 107 "Буслаевская псалтырь" 75, 76 Бытия книга 94 "Велесова книга" 98 Ветхий Завет 49, 94 "Временник" Ивана Тимофеева 52 "Геннадиевская библия" 110 "Добрилово евангелие" 115–116 Домострой 132 "Евангелие-Апостол князя Симеона Ивановича Гордого" 110 "Евангелие" Михаила Медоварцева 118 "Ефремовская кормчая" 121 "Жалованная грамота князей Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю" 43 "Житие Зосимы и Савватия Соловецких" 52 "Житие Мефодия" 32 "Житие Николая, архиепископа Мирликийского" 52 "Житие Нифонта Констанцкого" 110 "Житие Сергия Радонежского" 52 "Житие Феодосия Печерского" 109 "Задонщина" 52, 95 "Изборник" 1076 г. 61, 122–123 "Изборник Святослава" 1073 г. 41, 52, 53, 56, 61, 109, 113–114, 122–123, 151	"Ипатьевская летопись" 50 "Исторический вестник" (Спб., 1894) 139 "Киево-Печерский патерик" 109 "Киевские глаголические листки" 30 "Книга Григория Богослова" 117 "Краткий летописец" Григория Тушина 118 "Лаврентьевская летопись" 50 "Летописец Кирилло-Белозерского монастыря" 111 "Лицевой летописный свод" 50, 56 "Лобковский пролог" 122 "Малый букварь" (М., 1694) К. Истомина 107 "Миния служебная" 1096 г. 61, 121 "Мстиславово евангелие" 61, 64, 114 Новый Завет 49, 94 "Норовская псалтырь" 70 "Обиходник" Евфимия Туркова 119 "Остромирово евангелие" 56, 59, 61, 113, 114, 121, 151 "Пандекты Антиоха" 109, 113, 121 "Первая Новгородская летопись" 122 "Письмо Александра Македонского" 97 "Повесть временных лет" 49, 103, 104, 108, 112 "Похвала князю Святославу" 114 "Пражские глаголические листки" 30 "Пролог" 1313 г. 121 "Просветитель" Иосифа Волоцкого 127 "Пространное житие Константина Кирилла Философа" 31–33 Псалтырь, кн. библ. 44., 94 "Псалтырь княгини Марины" 116, 123 "Псковский апостол" 95, 98, 101–102, 116 "Радзивилловская летопись" 50, 56 "Реймское евангелие" 112, 113

"Ростовский апостол" *см.* "Апостол тол-
ковый"

"Русская правда" 97

"Русская военная сила" (М., 1892) 139

"Русские полководцы" (СПб., 1845) 139

"Русский хронограф" 50

"Сийское евангелие" 110

"Синайский патерик" 121

"Синодальная псалтырь", *см.* "Псалтырь
княгини Марины"

"Синодик-помянник" 53

"Сказание" Авраамия Палицына 52

"Сказание о Мамаевом побоище" 52

"Сказание о начале славянской пись-
менности" 31, 33

"Сказание о письменах" Черноризма
Храбра 30

"Сказание о создании Киево-Печерской
церкви Успения" 97

"Слова Ипполита об антихристе" 110

"Слово о полку Игореве" 53, 95, 98, 101

"Соборное деяние на еретика арменина
Мартина мниха" 97

"Соборное уложение" (М., 1649) 96

"Требник Феогноста" 97

"Учительное евангелие Константина
Болгарского" 34, 110

"Устав церковный" 1438 г. 117

"Хлудовская псалтырь" 123

"Хроника Георгия Амартола" 50

"Хроника Иоанна Малалы" 50

"Чудовская псалтырь" 64, 109, 113

"Юрьевское евангелие" 64, 109, 146

Научно-популярное издание

Лёвочкин Иван Васильевич

ОСНОВЫ РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

Общая подготовка издания И.В. Дергачёвой

Дизайнер обложки И.В. Дергачёв

Технический редактор Е.В. Гусева

Набор, верстка и подготовка оригинал-макета А.Е. Бутаковой

ЛР № 066332 от 23.02.1999

Издательство "Кругъ"

Тел./факс: (095) 2435103

<http://www.krugh.ru>

E-mail: info@krugh.ru

Подписано в печать 17.01.2003. Формат 60х90/16
Гарнитура "Times". Печать офсетная. Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 11,0. Тираж 1 000 экз. Заказ № 2595.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05

ISBN 573960375-7

